

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

Д. О. Осипов

Обувь МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XII–XVIII вв.

Материалы
охранных
археологических
исследований

ТОМ 7

www.promelectroavtomat.ru

УДК 902/903
ББК 63.4
О 74

Ответственный редактор
к. и. н. А. В. Энговатова

Рецензенты:
д. и. н. Л. А. Бляев,
к. и. н. В. Ю. Коваль

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН*

Осипов Д. О.

О 74 Обувь московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. — М.: ИА РАН, 2006. — 202 с.: ил.

ISBN 5-94375-042-8

Монография посвящена описанию средневековой обуви, собранной при раскопках в Москве и Подмосковье, проводившихся в 1924–2005 гг. Хронологические рамки исследования: XII–XVIII вв. Работа включает пять приложений: терминологический словарь, справочники-классификаторы, примеры описания различных форм обуви, способы ее консервации в полевых условиях и 323 иллюстрации. Здесь же представлена методика описания кожаной обуви, организованная по принципам системного подхода.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/903
ББК 63.4

Содержание

Введение	4
Глава I. Обзор источников. Литература	9
Глава II. Методика описания обуви	23
Глава III. Кожаная обувь XII–XVIII вв.	39
Глава IV. Изготовление кожаной обуви	58
Глава V. Обувь из других материалов	67
Глава VI. Информационные возможности обувных коллекций	72
Заключение	86
Письменные источники	89
Археологические отчеты	90
Список использованной литературы	92
Приложение 1. Терминологический словарь	102
Приложение 2. Справочники-классификаторы	105
Приложение 3. Примеры описания различных форм обуви	110
Приложение 4. Консервация кожи в полевых условиях	114
Приложение 5. Иллюстрации	115
Список сокращений	200

Введение

На современном уровне знаний достоверных сведений о покрое русского костюма явно недостаточно, а формы повседневной обуви, ее конструкция, декор, способы раскроя и сборки известны лишь в общих чертах. В списке литературы по истории костюма, написанной по материалам музейных коллекций и архивных документов, хуже всего представлен средневековый городской костюм. Если в Разрядных книгах, Лицевых подлинниках, описаниях царских свадеб, разнообразных описей имуществ и других рукописных материалах содержатся упоминания о царских нарядах и одежде знати, то облик простого горожанина остается практически неизвестным. В специальной литературе последних лет, включая мультимедийные издания и ресурсы мировой информационной сети найти достоверную информацию по истории городской обуви допетровского времени практически невозможно. На сайте единственного в России музея обуви, находящегося в городе Кимры (Гверская область), имеется только справочная информация, а многочисленные обувные русскоязычные сайты посвящены, в основном, рекламе своей продукции.

Между тем, спрос на такую информацию велик не только в европейских странах, где существует не менее двух десятков специализированных музеев обуви¹, но и в нашей стране. Как показала выставка «След в истории», посвященная московской обуви XII–XVIII вв. (Осипов, 2002), помимо музейных работников и археологов, которым приходится сталкиваться с проблемой описания и систематизации «археологической кожи», эта тема привлекает театральных художников, этнографов, искусствоведов, современных обувщиков-технологов, участников клубов исторической реконструкции² и др.

Очевидно, что сложность в исследовании этой темы связана со скудостью и противоречивостью письменных свидетельств. Как справедливо отметил И. Е. Забелин: *«Древние наши летописи, жак и другие древние письменные памятники, не оставили нам подробностей о старом быте, при помощи которых возможно было бы с точностью изобразить всю обстановку древней жизни. Так, относительно древней нашей одежды мы получаем некоторые очень и очень немногие ее названия и не имеем понятия, какого покроя была эта одежда. С другой стороны, мы имеем даже рисунки верхней одежды и не можем доста-*

¹ Их коллекции насчитывают несколько тысяч обувных моделей различных эпох.

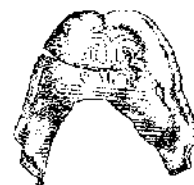
² Не случайно на фестивалях по исторической реконструкции можно видеть, в основном, западноевропейские одежды всех стран и эпох, поскольку для изготовления русского средневекового костюма очень трудно найти достоверную информацию.

верно сказать, как эти уже видимая нами одежда называлась» (Забелиц, 1915. С. 430)

Между тем, археологические раскопки позволяют собрать обширные коллекции обуви из культурных напластований XI–XVIII вв. Во влажном, гумусированном слое древнерусских городов детали кожаной обуви встречаются достаточно часто. При раскопках сапожных мастерских или мест утилизации их отходов, количество находок достигает десятков тысяч единиц (!). На сегодняшний день археологический материал становится основным, к тому же постоянно пополняющимся источником, для исследования кожевенно-обувного производства. Для археолога это даст возможность собирать информацию, способствующую решению целого ряда вопросов, далеко выходящих за рамки проблем, связанных с развитием кожевенно-сапожного ремесла (Осинов, 2003. С. 17).

Между тем, обилие обувных деталей, как правило, создает трудности при описании и систематизации этой категории археологических находок, поскольку значительная часть археологов-полевиков не знакома с принципами конструирования обуви, приемами раскроя и сборки и не владеет терминологией сапожного ремесла. В результате в археологические отчеты попадает лишь статистика общего количества найденных в пласте (слое) обувных деталей без определения их форм (головки, задники, подошвы, голенища и т. д.) и размеров. Еще реже в отчетах приводится указание на типы соединительных швов и место их расположения.

Как показывает практика, исследователи по-разному выходили из этой ситуации. Так, при раскопках московского Зарядья, где коллекции обувных деталей исчислялись тысячами, М. Г. Рабинович пригласил группу обувщиков-технологов под руководством профессора МТИЛПа³ Ю. П. Зыбина. В результате плодотворной работы специалистам удалось определить качественные характеристики найденной в раскопе кожи, а также установить наиболее распространенные приемы раскроя и сборки обуви. В лаборатории кафедры кожи и меха были сделаны анализы кожи по химическим и физико-механическим параметрам (Зыбин и др., 1952). Хотелось бы отметить, что это был первый опыт такой работы. К сожалению, после смены руководства экспедиции⁴, столь успешно начатая работа не возобновилась. В других археологических экспедициях, как, например, в Новгороде, Твери, Старой Руссе или Вологде, описанием и систематизацией обувных коллекций занимаются археологи, самостоятельно освоившие сложную специфику кожевенно-сапожного ремесла (Изюмова, 1959; Ганина, 2000; Антропова, Торолонна 2001; Курбатов 2004). Однако большинство экспедиций, полевой сезон которых проходит в средневековых городах с «мокрым слоем», изобилующим деталями кожаной обуви, не имеет ни того, ни другого, поэтому основная масса кожи просто выбрасывается. Музейные фонды не заинтересованы (да и не приспособлены) к хранению массовых находок, поэтому в музей чаще всего попадают только целые формы или богато украшенные детали

³ Московский технологический институт легкой промышленности, ныне Московский государственный Университет дизайна и технологии.

⁴ М. Г. Рабинович руководил раскопками в Зарядье с 1949 по 1952 г. В 1953 году, в связи с начавшейся политической кампанией по т. н. «делу врачей», был отстранен от руководства экспедицией.

кожаной обуви, тогда как для определения уровня развития кожевенно-сапожного ремесла особую ценность имеют не единичные (пусть даже очень редкие) вещи, а весь объем находок, поскольку массовая продукция ремесленников несет в себе всю информацию, собранную в ходе эволюции промысла (Джонс, 1976. С. 35). При такой ситуации большая часть материала навсегда исключается из научного оборота. Отдельные публикации, рассеянные по малотиражным археологическим сборникам, труднодоступны даже для археологов, не говоря о других специалистах, желающих получить эту информацию. Выход из сложившейся ситуации видится в анализе и обобщении разрозненной информации, а также публикации материалов раскопок, не введенных в научный оборот.

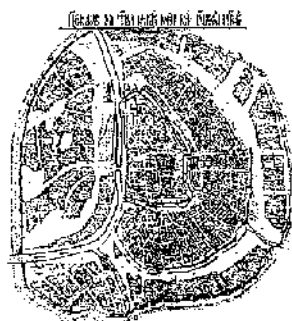
Данная книга посвящена описанию средневековой обуви, собранной при раскопах в Москве и Подмосковье. Работа опирается на материалы археологических отчетов 1924–2005 гг. Хронологические рамки исследования: сер. XII – сер. XVIII вв.

Нижний рубеж близок дате первого упоминания Москвы на страницах Ипатьевской летописи (ПСРЛ, 1910. Стб. 339) и примерно совпадает с временем возникновения города на Боровицком холме (археологическое обоснование даты: Панова, 2000. С. 40–55). К этому периоду принадлежат древнейшие из имеющихся у нас образцов кожаной обуви, обнаруженные в основании культурного слоя на территории Кремля, Зарядья и Китай-города.

Верхняя грань – середина-вторая половина XVIII в. В это время окончательно утверждается новая схема конструирования и сборки моделей, построенная на основе мануфактурного производства. Включение в археологическую работу материалов середины-второй половины XVIII в. не характерно для традиционных археологических публикаций, поскольку отношение к изучению поздней археологии двойственно. С одной стороны, вступивший в силу в 2002 г. Закон «Об объектах культурного наследия...» ориентирует археолога на исследование любых объектов, возраст которых старше 40 лет. С другой стороны, «поздняя археология» зачастую воспринимается как маргинальное занятие (Макаров, 2005. РА. № 1 с. 97).

На наш взгляд, исследование обувных коллекций XVIII в. и даже XIX в. вполне оправдано, поскольку каких-либо ремесленных трактатов или иных источников для исследования кожевенно-сапожного ремесла мы не имеем. На сегодняшний день наиболее полную информацию по изучению массовой обувной продукции т. н. «домашинного» периода можно получить только при раскопках, при условии правильной обработки археологических коллекций.

В заключение необходимо отметить, что появление этого исследования теснейшим образом связано с новым этапом во всей археологии Москвы, начало которого приходится на рубеж 1980–1990-х годов. С этого времени охранные археологические работы оказались исключительно востребованными в ходе реконструкции центра города и получили широкий масштаб, которого никогда не имели до этого. Они обрели также импульс к совершенствованию организации производства и методики, который был в значительной степени использован. В результате, процесс накопления материалов (прежде всего запаса артефактов, от-

части связанных с археологическим контекстом) получил взрывной характер, давно знакомый нам по другим областям археологии.

К счастью, финансирование охранных работ, также вышедшее на качественно новый уровень, позволяет проводить качественную обработку собранной информации и ее первичную публикацию, а также привлекать к сотрудничеству специалистов из смежных областей науки (например, антропологов). Однако дальнейшее осмысление и «медленная аналитика» накопленного требуют гораздо более длительных интервалов, они находятся в самом начале пути, на котором археологию Москвы ожидает, безусловно, немало открытий.

Данная монография рассматривается как один из первых шагов в этом направлении. Материал для нее собран в основном при широкомасштабных работах Центра археологических исследований Управления контроля за сохранением и использованием археологического наследия г. Москвы (ныне «Москомнаследие») под руководством главного археолога Москвы Александра Григорьевича Векслера, в которых автор монографии принимал участие в качестве научного сотрудника. Основная часть описанных здесь находок получена при работе в самых масштабных проектах Управления, таких как «Манежная площадь» (1994), «Гостинный двор» (1997), «Ильинка» (1996), «Арбат» (1996), наконец, ЦВЗ «Манеж» (2005).

Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить Александра Григорьевича за саму возможность пользоваться публикуемыми материалами, а также за многолетнее руководство и научное сотрудничество при оперативном введении в оборот отдельных частей исследования (Векслер, Осипов, 1997; 1999; 2000; 2004). Именно они сделали возможным анализ материала и написание данной книги.

Кроме материалов, собранных при работах А. Г. Векслера, автор опирался на коллекции из раскопок А. Б. Мазурова (Коломенская археологическая служба), Т. Д. Пановой (Федеральное государственное учреждение «Историко-культурный музей-заповедник Московский Кремль»), Л. С. Сыроватко (Коломенская археологическая служба), С. З. Чернова (Институт археологии РАН), А. В. Энгелатовой (Институт археологии РАН). Выражаю признательность всем авторам раскопок за любезно предоставленный материал.

I. Обзор источников. Литература

Изучение средневековой городской обуви требует комплексного метода исследования с привлечением разнообразных источников: вещественных, письменных и изобразительных. При этом следует отметить ведущую роль вещевого (археологического) материала, коллекции которого постоянно пополняются. Для подготовки данного исследования автор собрал все доступные археологические коллекции из раскопок в Москве и Подмосковье, включавшие «археологическую кожу». Кроме этого были исследованы музейные коллекции и материалы археологических отчетов 1920–30-х гг., связанных с раскопками подмосковных курганов и сооружением первой очереди московского метрополитена.

1. Вещественные источники

Самые первые археологические находки кожаной обуви появились в 20-е гг. прошлого столетия, после раскопок подмосковных курганов (Арциховский, Арсакова, Липеровская, Левашева, 1924; Вайбурт, 1925; Брюсов, Дмитриева, Смирнова, Фосс, 1924). Обобщенные сведения, где имеются ссылки на эти находки, приводятся в книге А. В. Арциховского «Курганы вятичей» (Арциховский, 1930). К сожалению, основная часть этого материала не отбиралась для музейного хранения. В коллекции ГИМа оказались отдельные детали кожаной обуви, сохранившиеся до наших дней (Отдел археологии. Инв. № 56112, № 42436)⁵.

В коллекции из охранных раскопок, предшествующих строительству первой очереди московского метрополитена, упоминаются и детали кожаной обуви (Арциховский, 1947. С. 7). В частности, среди находок из шурфа у Владимирской башни Китай-города упоминаются «...типичные татарские туфли хорошей сохранности с острыми, загнутыми вверх носами» (Пассек, Киселев, Цотапов, Арциховский, Коробков, 1931. С. 37, 38). Отсутствие в отчете фотографий и рисунков края не позволяет составить четкого представления о конструкции найденной там обуви. Скорее всего, в шурфе были обнаружены выброшенные сапожные опорки (сапоги с выпоротыми голенищами и задниками), ошибочно принятые исследователями за татарские туфли⁶. Нам известно, что ситуация, сложившаяся при строительстве московского метрополитена, исключала возможность проведения тщательной фиксации. О характере этих раскопок красноречиво

⁵ Пользуясь случаем, автор выражает благодарность хранителям Отдела археологии Н. Г. Недошицкой и И. А. Суминой за помощь в работе с коллекциями.

⁶ В Музее истории г. Москвы имеется несколько депаспартизованных фотографий с изображением такой обуви.

чиво свидетельствуют следующие строки отчета: «Задания археолога сводилась исключительно (зачеркнуто) к наблюдениям и фиксации того, что ему удастся захватить (исправлено на «обнаружить») в процессе строительства» (Лискиж, Киселев, Потапов, Арциховский, Коробков, 1934. С. 16). Тем не менее, во время этих работ была отобрана небольшая коллекция обуви, также переданная на хранение в ГИМ (Отдел археологии. Коллекционная опись № 1087).

Следующая коллекция кожаной обуви была сформирована в 1941 г. при охранных раскопках П. П. Миллера и М. Г. Рабиновича в Зарядье, на месте предполагаемого строительства гостиничного комплекса «Россия». Она представлена разрозненными деталями в количестве 64 единиц и обрезками от раскроя, насчитывающих 12 штук. В настоящее время эта коллекция хранится в ГИМ: (Отдел археологии. Коллекционная опись № 1497). Место этих раскопок и характер культурного слоя, где были собраны обувные детали, можно указать лишь приблизительно, поскольку отчет об этих исследованиях не сохранился. Очевидно, работы были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной. Судя по форме деталей и типам швов, можно предполагать, что материал был собран в культурных напластованиях XV–XVII вв.

При раскопках курганной группы Матвеевское II была найдена целая кожаная туфля. Ценность этой находки определяет наличие в публикации материалов раскопок реконструкции этой модели и рисунков кроя (Златыхева, 1953. С. 48, 52). В настоящее время туфля хранится в коллекции МИИМ (Отдел археологии. О. Ф. 28000 № 30).

В 1951–1957 гг., в связи с начавшимся строительством в Зарядье гостиничного комплекса «Россия», в Москве впервые проводились широкомасштабные археологические работы. Одной из самых массовых категорий находок в Зарядье оказалась кожаная обувь. Несмотря на то, что в коллекцию отбирались далеко не все изделия из кожи, более тысячи обувных деталей было передано на хранение в фонды Государственного исторического музея (Отдел археологии. Коллекционная опись № 1817) и Музея истории города Москвы (Отдел археологии. Коллекционные описи № 27081, 7396, 7397). В 1958 году значительная часть материала из раскопок 1953–1956 гг. была систематизирована сотрудницей отдела археологии Н. А. Красновской. Но эта работа, сохранившаяся в рукописном варианте, к сожалению, не была опубликована.

Во время первого года раскопок в Зарядье для обработки изделий из кожи, основную массу которой составляли обувные детали, была привлечена группа сотрудников кафедры технологии обуви Московского технологического института легкой промышленности в составе зав. кафедрой Ю. П. Зыбина, доцента кафедры И. С. Шестаковой и ассистента И. А. Богданова. Результаты этой работы были оформлены в качестве приложения к археологическому отчету (Зыбин, Шестакова, Богданов, 1952). Отрывки из этого исследования впоследствии были опубликованы Ю. П. Зыбиным в журнале «Известия вузов. Технология легкой промышленности» (Зыбин, 1958; Зыбин, 1960; Зыбин, 1961). Хотелось бы отметить, московскими технологами впервые была предпринята попытка обработки всего объема изделий из кожи. Ценность этих исследований существенно повышают результаты экспериментального тестирования и химических анализов образцов кожи, выполненных в лаборатории кафедры кожи и меха

(Зыбин, Шестакова, Богданов, 1952). К недостаткам этой работы можно отнести отсутствие подробного описания форм обувных деталей и четкого хронологического членения материала.

В дальнейшем, сведения, полученные московскими обувщиками, были использованы М. Григорьевым⁷ в статье о московской археологии (Григорьев, 1953. С. 321–359), а затем суммированы в книге «О древней Москве» (Рабинович, 1964).

После окончания раскопок в Зарядье масштабные археологические исследования в столице фактически прекратились. Лишь в 1988 году в историческом центре Москвы охранные раскопки возобновила московская экспедиция ИА АН СССР, работавшая под руководством С. З. Чернова в Историческом проезде (Чернов, 1988). В коллекции индивидуальных находок из этих раскопок, переданной на хранение в ГИМ (Отдел археологии. Коллекционная опись № 2663), присутствует 85 разрозненных обувных деталей, собранных в заполнении слоя XV–XVII вв. Хорошая стратиграфия культурных напластований и тщательность проведенных раскопок существенно повышают ценность этой небольшой коллекции. В 1989 году московская экспедиция обследовала Разинский спуск, расположенный в юго-восточной части Красной площади (Чернов, 1989). Собранные там обувные детали, насчитывающие одиннадцать предметов, происходят из культурных отложений XVI–XVII вв. Эта коллекция также хранится в ГИМе (Отдел археологии. Коллекционная опись № 2674).

Коллекция кожаной обуви XII–XVI вв., включающая целые формы, имеется и в фондах ФГУИМКЗ «Московский Кремль». Она была сформирована при археологических наблюдениях, проводившихся в 60–90-е годы на территории Московского Кремля (Воронян, 1960; Шеляпина, 1966; Панова, 1974). Материалы из Московского Кремля выгодно отличаются наличием ранней обуви, происходящей из слоя XII–XIII вв. В настоящее время часть материала экспонируется на археологической экспозиции, размещенной в подклетке Благовещенского собора. Остальная коллекция хранится в фондах отдела археологии ФГУИМКЗ «Московский Кремль».

С начала девяностых годов масштабные охранные раскопки в историческом центре Москвы осуществляет Центр археологических исследований г. Москвы (ЦАИ)⁸ под руководством А. Г. Векслера. Наличие большого объема обувных деталей, полученного в ходе работ, потребовало их грамотного описания и систематизации, что и определило научный интерес автора. За время работы в ЦАИ, нам удалось опубликовать обувные коллекции Манежной площади, Старого Гостиного двора, ул. Ильинки, ул. Арбата, ул. Пречистенки, ул. Рождественки и т. д.

При охранных раскопках 1993–1995 гг. на Манежной площади скопление изделий из кожи было зафиксировано на месте стрелцкой слободы, располагавшейся здесь в XVII в., и на территории женского Моисеевского монастыря, существовавшего с XVI по XVIII вв. Собранные здесь коллекция «археологической кожи», основную часть которой со-

⁷ Псевдоним М. Г. Рабиновича.

⁸ Иные «Москомнаследие».

ставляли детали обуви, насчитывала более 2500 экземпляров. Она включала разрозненные детали и целые формы, часть которых была реконструирована в камеральной лаборатории ЦАИ⁹ (Векслер, Осипов, 1997). Лучше других сохранились кожаные туфли, обнаруженные в погребениях некрополя Моисеевского монастыря (Векслер, Осипов, 1999).

Обширная коллекция изделий из кожи и обувных деталей, насчитывающая более 4000 экземпляров, была собрана в 1997 г. при раскопках Старого Гостиного двора. Многочисленные обрезки от раскроя и сапожные инструменты, зафиксированные в южной части здания, маркируют деятельность сапожной мастерской, существовавшей здесь в XV в. (Векслер, Осипов, 2000).

Около двух тысяч деталей удалось собрать при охранных раскопках на ул. Ильинка в 1996 году. (Векслер, Осипов 2004). Исследования проводились на участке, примыкающем к Красной площади (нагорная часть Великого посада), освоение которого началась еще в домонгольский период (Беляев, 1994. С. 42). Ценность этой коллекции придают фрагменты кожаной обуви, сохранившиеся в ранних напластованиях, перекрытых ярусами мостовых первой половины XIII в. (Векслер, Кондрашев, Лагутин, 1996).

Более полутора тысяч изделий из кожи было зафиксировано во время раскопок 1995–1997 гг. на ул. Арбат, д. 1/7, где общая площадь исследований составила 334 м². Основная часть этих находок также представлена разрозненными деталями обуви, а также конструктивными узлами и полными формами (Векслер, Осипов, 2004). Кроме изделий из кожи, в слое XVI–XVII вв. были найдены обувные железные подковки, которые также были описаны и систематизированы (Векслер, Лихтер, Осипов, 1997).

В 1997 году при раскопках на ул. Пречистенка, во дворе городской усадьбы, были зафиксированы отходы сапожной мастерской существовавшей в третьей четверти XVII в. (Векслер, Осипов, 1997). Скопления обрезков от раскроя и деталей кожаной обуви, насчитывающие более 14000 единиц, представляли собой плотно спрессованную массу мощностью 40 см, размещавшуюся на площади 16 м². Хорошая сохранность кожи позволила восстановить технику раскроя и сборки обувных моделей, а также выявить наиболее распространенные обувные фасоны.

Значительные скопления деталей кожаной обуви были отмечены на Кадашевской набережной, Молочном переулке, Космодемьянской набережной, улицах Большая Дмитровка, Болотная. Собранные там коллекции систематизированы автором в приложениях к соответствующим отчетам (Векслер, 1996; Векслер, 2001; Векслер, 2002; Векслер, 2003).

При раскопках 1996 года на Кадашевской набережной, в заполнении створенной постройки пер. пол. XVII в., найден детский сапожок, который удалось реконструировать (Векслер, Осипов, 2000. С. 162). На остальной площади раскопа была собрана коллекция обувных подковок.

В 2000 году, при земляных работах по трассе Молочного переуллка, в заполнении засыпанного оврага были найдены изношенные детали ко-

⁹ Реконструкция и реставрация обуви выполнена реставратором Н. И. Чудновской.

жаной обуви начала – первой половины XVIII в., насчитывающие около 500 экземпляров. Скопление представляло собой утилизацию изношенной обуви, основная часть которой представлена низкими формами обуви с рантовым креплением подошвы (Векслер, 2001).

Разрозненные детали кожаной обуви, насчитывающие 85 единиц, были собраны при археологических наблюдениях 2001 года на строительстве музыкального центра на Космодемьянской набережной, которая до 1783 года представляла собой периодически затопляемую пойму Москвы-реки. Основная часть обнаруженной во влажном, заиленном грунте обуви представлена моделями середины – второй половины XVIII в. (Осипов, 2001).

Обувные детали в количестве 300 единиц составили коллекцию, собранную при раскопках на ул. Большая Дмитровка. В слое XV–XVII вв. были найдены фрагменты мужской обуви, среди которой отмечен большой процент подошв крупных размеров (300–320 мм). Особый интерес представляют скопления деталей найденных в заполнении двух ям, датирующихся автором отчета концом XV в. (Осипов, 2002).

Коллекция обуви с Болотной улицы, собранная при раскопках в феврале 2003 года, представлена башмаками и туфлями рантовой конструкции. Здесь же был найден валенок, обшитый поверх войлока кожаными накладками (Осипов, 2003).

Летом 2004 года проводились масштабные раскопки, предшествующие реконструкции сгоревшего в пожаре здания ЦВЗ «Манеж», где была собрана коллекция изделий из кожи, насчитывающая 7000 экземпляров. Основная часть найденной здесь обуви, включая целые формы, происходит из слоя конца XVII – первой половины XVIII вв. (Векслер, 2005).

Коллекция обувных деталей в количестве 384 единиц была зафиксирована весной 2005 года при раскопках на ул. Рождественка. Весь материал составляет заполнение одного сооружения, что позволяет характеризовать его как закрытый комплекс.

Кроме этого, в нашем распоряжении имеются коллекции, собранные во время охранных раскопок в Коломенском и Дмитрове.

При раскопках Коломенского кремля, проводившихся коломенской археологической службой в 2002–2003 гг. (руководители раскопок А. Б. Мазуров и А. С. Сыроватко)¹⁰, был собран представительный материал XIII–XIV вв., а также зафиксировано местоположение сапожной мастерской, занимавшейся изготовлением обуви из готового сырья (Мазуров, 2004, Сыроватко, 2003, 2004).

Еще одна обувная коллекция получена в 2002 году при охранных раскопках в Дмитрове, проводившихся Подмосковной экспедиции Отдела охранных раскопок ИА РАН (руководитель А. В. Энгватова). Около тысячи обувных деталей и обрезков от раскроя происходит из слоя сер. XVIII века (Энгватова, 2003).

¹⁰ Пользуясь случаем, автор благодарит А. Б. Мазурова и А. С. Сыроватко за любезно предоставленный материал.

2. *Письменные источники*

В Переписных книгах московских дворов XVII столетия (Переписи московских дворов XVII столетия, 1886), Росписном списке города Москвы 1638 года (Росписной список города Москвы 1638 года, 1911) и Переписных книгах города Москвы (Переписные книги города Москвы 1665–1676 гг., 1911), можно отыскать свидетельства, отражающие определенные черты московского кожевенно-сапожного ремесла. В частности, по переписи 1638 г. в Москве насчитывалось 125 сапожников, не считая башмачников, подошвенников и чеботников. Сравнивая их количество с представителями других ремесленных специальностей можно заключить, что сапожники — одна из самых многочисленных профессий. Упоминание же башмачников, подошвенников и чеботников наглядно демонстрирует дальнейшее разделение труда, которое происходит уже внутри ремесленников, занимающихся пошивом обуви. По письменным источникам можно установить, что шитьем обуви в Москве занимались выходцы из разных городов. Так, в переписных книгах 1665–1675 гг. указано, что во дворах *«от Ильинского крестца по Москворецкия водьяныя ворота проживало 14 сапожников»*. Среди них упоминаются калужане, вязьмичи, костромичи (Переписные книги города Москвы 1665–1676 гг. 1911. С. 30, 31, 89, 136, 193). Как *«делавший сапоги»* упомянут вологжанин, посадский человек Данило Иванов (РГАДА. Разрядный приказ, разрядные вязки № 4. ЛЛ. 1–2/об.). В результате переселенческой политики, активно проводившейся московским государством, вместе с прочими ремесленниками в Москву были увезены новгородские сапожники и кожевники, о чем имеются сведения в Новгородской писцовой книге (Майков, 1911. С. 22, 24, 43, 44, 65, 70).

Обычно сапожники старались поселиться в людных местах, вдоль оживленных улиц, ближе к торгу. Удачно расположенная мастерская давала хороший доход, поэтому ремесленники подолгу жили на одном месте. К примеру, в описи Китай-города 1695 года, упоминается пять сапожников (ЧОИДР, 1905. С. 60). Сам факт того, что они оказались включенными в общую перепись, не преследующую цели учета лиц, снимающих жилье, свидетельствует об их продолжительном проживании.

По письменным источникам можно установить факт существования ремесленного ученичества в сапожном производстве, а также получить некоторые сведения о самом процессе: *«Шьвецъ показывает ученику, како, резальник держати, резати оусьмъ и, козюго держати, шити сапогы»* (Срезневский, 1912. С. 262). Известно, что в ученики к сапожнику, как и в других ремесленных специальностях, поступали в основном дети посадских людей (Бахрушин, 1954. С. 103). Взаимные отношения между мастером и учеником определялись *«учебную записью»* (РГАДА. Стб. Прик. стола № 780). Отданный в ученье на *«урочные годы»* мальчик, как правило, жил у мастера. Записи являлись обязательным условием ученичества, так как без таковой ученик не имел права жить у мастера, а мастер не имел никакой власти над учеником.

Обычай требовал, чтобы мастер по окончании учебы снабдил ученика орудиями своего производства, т. е. *«снастью»*, в обязательный набор которой входили: *«трие сапожныя деревье»* (т. е. три пары деревянных колодок-правил), *«наметы и шилье и всякая сапожная снасть»* (РГАДА. При-

казные дела старых лет. 1686 г. д. 167. лл. 4–8). Сложная технология сапожного производства и высокие требования к качеству обуви заставляли ученика серьезно относиться к своей профессиональной подготовке. После окончания учебы молодой человек становился подмастерьем, занимавшим промежуточное положение между учеником и мастером. В этом звании он должен был пробыть по крайней мере три года (ПСЗ, 1830, № 19187). Впоследствии, чтобы самому стать мастером, подмастерье должен был дважды освидетельствоваться, продемонстрировав свою работу и выполнив в определенный срок заданный от Управы урок. Для прохождения «экзамена» на должность мастера устанавливался возрастной ценз — не моложе 21 лет.

Интересные свидетельства о развитии городской моды XVI века сохранились в высказывании Митрополита Даниила — блюстителя старинны и обличителя дурных нравов, ополчившегося против тех кто «...на небо не взираяши, яко сонныя, пребывая долу ничиши о красоте сапожной несть свой ум имея». Ниже Даниил бранит чрезмерно узкую обувь, которая, судя по всему, была довольно распространенной среди городских шеголок (ЧОИДР, 1881. Кн. 2. С. 570).

Описание оборудования и инструментов «кожевного двора» XVII в. в Москве содержится в делах Приказа тайных дел. По указу царя Алексея Михайловича в 1665–1666 гг. организуется сафьяновый завод за Яузой у Москвы-реки. В описании завода на 1668 г. указан перестроенный ошанник, в котором для обработки козловых кож стояли 4 больших и 8 малых, коротких колод, «в чем кожи мочат». Здесь же отмечены: 2 колья медных, 8 кадей «дубовых больших и средних», 5 ушатов, 4 ведра, корыто небольшое, «тиам небольшой», 4 чаши деревянные и другое. Среди инструментов для обработки кож названы: гладила кленовые со свайками, струги железные, скобели, скребницы. Для обработки козловых кож на дворе завода устроены ямы, обложенные кирпичом — «где топчут кожи» (Новицкий, 1928. С. 48–49).

Анализ письменных источников дает возможность получить косвенные сведения о проникновении западноевропейской моды в допетровское время. Ссылки на специальные указы, требующие от служилых людей одеваться по установленному образцу, имеются в Беляевском летописце: «В лето 7189 (1680) октября в 22 день Государь и Великий князь Федор Алексеевич указал боярам, окольниковым, думным служилым людям и всякому чину древнюю одежду — однорядки и охапки не носить, и указал носить всякому чину служивое платье: кафтаны на подьем (короткие)» (Богданов, 1990. С. 40). Об этом же свидетельствуют упоминаемый ниже Яков Рейтенфельс и Корнелий де Бруин.

3. Иностранные хроники

В отечественных письменных источниках практически отсутствуют прямые указания на конструкцию костюма и детали его отделки. Именно поэтому большую ценность для его изучения приобретают сведения иностранных авторов, особенно тщательно подмечающих детали одежды, которые были непривычны для саронца.

Среди авторов первой половины XVI в. наибольший интерес представляет императорский посол в России Сигизмунд (Зигмунд) Гербер-

штейн, книга которого «Записки о Московии» стала, по выражению А. Д. Хорошкевич, одним из первых историко-географических бестселлеров в Европе (Хорошкевич, 1988. С. 7). Описывая увиденную в Москве обувь, посол герцога Фридерика, в частности, пишет: «...сапоги они носят красивые и очень короткие, так что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздиками» (Герберштейн, 1988. С. 7). Герберштейну русские сапоги кажутся короткими, поскольку в Западной Европе, были больше известны сапоги с высокими голенищами. Такую обувь использовали солдаты, охотники и путешественники, тогда как горожане предпочитали обувь низких форм. Знать и простолюдины ходили в туфлях и башмаках, отличавшихся лишь качеством сырья и богатством декоративной отделки (Мерцалова, 1993. С. 192).

Широкое распространение сапог фиксирует торговый подмастерье из Львова Мартин Груневег, опубликовавший свое сочинение, посвященное Борису Годунову, в 1585 году. При описании княжеской процессии, двигавшейся в Вербное воскресенье из Архангельского собора Кремля в Троицу пишет следующее: «Женщины и мужчины ходят только в сапогах, большей частью красных». (Хорошкевич, 2002. С. 34–43).

Разноцветные сапоги из красной и черной кожи упоминает посланник английской королевы Елизаветы к царю Федору Ивановичу Джильс Флетчер, а также и английский купец и дипломат Антоний Джекинсон (Сухман, 1991. С. 47), посетившие Москву в 1557–1558 гг. и в 1586–1589 гг. Первый довольно подробно описал мужской и женский костюм. К описанию женского наряда Флетчер возвращается неоднократно. Особенно примечательно описание сапожек из цветной кожи, вышитых жемчугом (Флетчер, 1906. С. 125–127).

С первой четверти XVII в. иностранные авторы фиксируют высокие сапожные каблуки, широко распространившиеся в России. О них упоминает Жюк Маржерет — французский офицер, живший в Москве в 1601–1611 гг. (Margeret, 1669. S. 49), а также часто цитируемый историками Адам Олеарий — придворный советник Шлезвиг-Гольштейнского герцога Фридерика, дважды посещавший Москву в 1633–34 и 1635–1636 гг. В частности, Олеарий пишет: «Большую часть они подобно полякам, носят короткие, спереди заостряющиеся сапоги из шкуры или персидского сафьяна. У женщин, в особенности у девушек, башмаки с очень высокими каблуками, у которых четверть локтя длинна. Эти каблуки сзади, по всему нижнему краю, подбиты тонкими гвоздиками. В таких башмаках они не могут много бегать, так как передняя часть башмака с пальцами ног едва доходит до земли» (Олеарий, 1906. С. 176).

Снизу каблуки подбивались железом (подковками), о чем свидетельствует Гаус Мориц Айрман — уроженец г. Шюрнберга, побывавший в России в составе шведского посольства в 1678 году (Сухман, 1991. С. 348).

В книге жителя Курляндии Якова Рейтенфельса, жившего в Москве в 1670–1673 гг. приводится сравнительный анализ обуви. «Сапоги, которыми прикрывают ноги и голени лишь до колен, снабжены у них более высоким, нежели у поляков, каблуками, обитыми железом (подковками), при чем они красят их то в зеленый, то в голубой, то в красный, то в черный цвета. Бедные же люди плетут себе — дело не легкое — лапти из липовых лык». (Рейтенфельс, 1905. С. 151). У этого же автора есть еще одно любопытное замечание по поводу скрытого смысла модных течений. «...а каблуки у их башмаков так высоки, что ходить весьма трудно. Эти каблуки, изобретенны некогда Велета-

ми были весьма распространены, имели, думаю я, лишь виду поудобнее удерживать чересчур бесстыдных и безрассудных женщин от бесполезного праздношатайства» (Рейтенфельс, 1905. С. 151).

Свидетельства Рейтенфельса важны в связи с упоминанием о новых законах (?), регламентирующих костюм. «В Московии, вследствие закона об одежде, каждый должен одеваться по назначенному ему образу. Если люди низшего сословия или вообще бедные, оденутся немного пороскошнее, то общественное мнение считает это позорным, и, кроме того, их обзывают изменниками веры и отечеству» (Рейтенфельс, 1905. С. 151).

Ниже автор упоминает обувные ряды — специально отведенного места на рынке, где торговали только обувью: «...также продаются, каждое в своем особом месте рынки, и обувь и поножи...» (Сухман, 1991. С. 354)

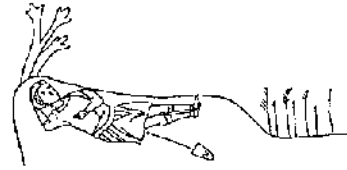
Следует отметить, что не всем свидетельствам иностранных авторов можно безоговорочно доверять. В некоторых описаниях присутствует тенденциозность изложения, плохое знание языка и обычаев. К ним можно отнести де ля Невилля — светского иезуита, агента французского короля при польском дворе. Побывавший в России в 1689 году де ля Невилль пишет, в частности, следующее: «Мужчины одеваются почти так же, как поляки... женщины одеты по-турецки... Ходят они с большим трудом, так как башмаки их сделаны на манер сандалий и в то же время в форме туфель, которые слишком широко сидят на ноге» (цит. по: Лимонов, 1986. С. 17).

Сведения о серьезных изменениях в характере костюма, связанные с петровскими реформами, а также о приплывших иностранных мастеров можно найти в книге голландца Корнелия де Бруина (Корнелия Лебрена), художника, этнографа и писателя, дважды побывавшего в России в 1703 и 1707–1708 гг. «Время произвело великие перемены в этом государстве, в особенности со времени возвышения царя из путешествия. Прежде всего, он пытался изменить род одежды, как мужской, так и женской и, особенно, распорядился это касалось до придворных лиц, которые исправляли тем различные должности, кто бы они не были, даже самые дети. Таким же образом стали одеваться и русские купцы, и другие русские люди, так что по одежде их нельзя отличить от наших соответственников. В этот же год обнаружен был указ, воспрещавший всем русским выходить за городские ворота не в польском кафтане или не в нашей (голландской) одежде, чулках и башмаках, ...но указ этот не касался ни крестьян ни сельских жителей вообще. Вначале, для приведения распорядка об одежде в исполнение, нужно было выписывать из-за границы шляпы, башмаки и другие необходимые вещи. Но так как это было неудобно и дорого, то русские сами стали делать шляпы. Сначала это самоделье шло плохо, но потом, они усовершенствовались, когда выписали иностранных мастеров и стали учиться у них: я уже упоминал, что русские — искусные подражатели и любят поучиться». (К. де Бруин. 1989. С. 91.)

В иностранных хрониках Д. Флетчера и С. Герберштейна есть упоминания о вывозе различных сортов кожи из России, что подтверждает сведения других источников, свидетельствующих о том, что в XVI веке экспорт русской кожи составлял важную статью государственного дохода (Ключевский, 1916. С. 230, 245, 251).

4. Графические изображения

На большей части изображений (фресках, иконах, миниатюрах) обувь, как правило, скрыта длинными полами одежды. Кроме того, в отличие от живописцев Западной Европы, манера изображения человека у русских средневековых художников далека от реальности. В качестве примера можно рассмотреть рисунок земледельца, отдыхающего в тени деревьев, изображенного на полях церковной рукописи XII в. (илл. 1). По мнению А. В. Арциховского, земледелец обут в высокие сапоги (Арциховский, 1948. С. 234). На наш взгляд, стилизованное изображение этой обуви больше похоже на кожаные поршни, обутые поверх льняных «онучей» (онучей) или шерстяных чулок, которые именовались «копытцами».

Подобные рисунки не могут передать конструкцию обуви, тем не менее по изображениям, сохранившимся на фресках и миниатюрах, можно судить о наиболее распространенных цветах, использовавшихся для окраса обуви. Так, в Изборнике¹¹ Святослава (1073 г.), мы видим Великого князя Киевского Святослава Ярославича в сапогах зеленого цвета (илл. 8). В рукописи XII в. «Слово Иполита об Антихристе» на князе¹² обувь красного цвета (Прохоров, 1881. С. 77). По-видимому, в данном случае изображена низкая обувь — туфли, поскольку художник выделил носочную часть, украшенную пряжками (?) (илл. 6). На фреске в Нередицком храме Великого Новгорода (1199 г) сохранилось изображение Ярослава Владимировича в сапогах желтого цвета (Прохоров, 1881. С. 77).

В Лицевом летописном своде из десяти тысяч рисунков, посвященных различным периодам русской истории, можно отобрать всего несколько изображений, где видна обувь. Среди них сцена венчания Ивана IV и изображение кузнецов за работой, где видны стилизованные изображения сапог (илл. 9). Показательно, что А. В. Арциховский, специально изучавший эту тему и обобщивший результаты своих исследований в монографии «Древнерусские миниатюры как исторический источник», вовсе не упоминает обувь (Арциховский, 1944. С. 100).

Тем не менее, даже на стилизованном изображении обувь может передать социальный статус человека. Так, знатные люди имеют цветную обувь, крестьяне всегда обуты в лапти, обозначенные на рисунках косой сеткой, а отсутствие обуви указывает на принадлежность человека к беднейшей части населения. Босыми изображали нищих.

Еще одним иллюстративным источником могут служить инициалы древних рукописей XIII–XIV вв. В ряде заглавных букв нашли отражение бытовые мотивы, среди которых изображение воина с мечом в правой руке (Черепниц, 1956. Рис. 60). Под обрезом короткой — до колен — свиты, видны остроносые сапоги с кососрезанными голенищами. Светлые полосы по верхнему обрезу голенищ могут обозначать оторочку сапог (илл. 5; 1). На другом рисунке можно видеть двух мужчин, обутых в короткие туфли (илл. 5; 2).

Одним из самых ранних реалистичных изображений обуви является изображение фигуры мастера Авраама с Корсунских (Сигтунских, Магдебургских) врат Новгородского Софийского собора (илл. 7). Появиле-

¹¹ Сборник кандидатских статей.

¹² По мнению И. И. Срезневского это Всеволод Мстиславич.

ние фигуры, как и «исправление» ворот, по последним исследованиям относится ко второй четверти XV в. (Рындина 1996. С. 263–266). На этом изображении А. В. Курбатов видит ряд конкретных технических особенностей «жесткой» конструкции сапога (Курбатов 1997).

Лишь со второй половины XVI века появляются первые гравюры западноевропейцев, изображающих русских в реалистической манере. Так, в базельском издании «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна, представлен портрет Великого князя Василия III (Герберштейн, 1988. С. 69). Подол княжеской шубы приподнят, на ногах видны сапоги с острыми, загнутыми вверх носами (илл. 3). Характерно отсутствие у сапог наборного каблука, появившегося в России позднее. Роскошные, богато орнаментированные сапоги изображены на другой гравюре, среди предметов дорожной утвари и военного снаряжения (илл. 71, 72) (Герберштейн, 1988. С. 115). Сапоги того же фасона видны у русских послов, представленных императору Максимилиану, изображенных на гравюре Ганса Бургкмайера (1576 г.) (илл. 10) (Ровинский 1882. Ил. 38). Появление наборных каблуков зафиксировано на нескольких гравюрах Эриха Пальмквиста, изображающих русских стрельцов второй половины XVII в. (Palmquist, 1674. S. 18, 26) (илл. 12).

В книге А. Олеария «Путешествие в Московию» изображена сапожная лавка (Олеарий, 1906. С. 228). На рисунке виден прилавок с товаром, вплотную примыкающий к бревенчатому дому (мастерской?). Некоторый курьез данного изображения заключается в отсутствии нижней части тела у стоящего за прилавком человека (илл. 13). По-видимому, в стене за прилавком был проем, который художник просто забыл нарисовать.

Изображение обуви можно встретить на архитектурно-декоративной керамике — печных изразцах. В коллекции муравленых рельефных изразцов, обнаруженных в 2002 г. при раскопках ЦАИ на ул. Большая Дмитровка (Векслер, 2002), также имеются экземпляры с изображением вооруженных всадников. Тщательная проработка рельефа лицевой пластины подробно передает детали одежды вооруженных всадников в сапогах (илл. 16.1). По изображению можно выделить сапоги двух фасонов: с наборным каблуком и с низким т. н. «внутренним» каблуком. Аналогичные изразцы с изображением гусаров, обутого в сапоги с широким наборным каблуком, известны по раскопкам в Полоцке (Дук, Соловьев, 2004. рис. 8, 1, 2 С. 248.) (илл. 16.2).

Среди картографических источников, представляющих интерес для исследования сапожного ремесла, прежде всего следует назвать «Петров чертеж» — один из самых ранних московских планов, изготовленный в конце XVI — начале XVII вв. (илл. 19). В экспликации к плану под № 7 указаны «мастерские продающих сапоги», расположенные в Китай-городе (Очерк градостроительной истории Москвы, 1983. С. 52). Само название заведения «мастерские продающих сапоги» указывает на совмещение в одном месте функций изготовления и продажи обуви.

2. Литература

Начало исследования развития российского кожаного ремесла относится ко второй половине XIX века. Первые сведения по кожевенному производству, включающие комплекс известных на то время пись-

менных источников и отдельные археологические находки, появляются в работе Н. Д. Аристов, который дал низкую оценку уровня развития промышленности (Аристов, 1866). По мнению Б. А. Рыбакова, взгляды Н. Д. Аристов, несмотря на ряд серьезных недостатков, надолго определили отношение историков к ремесленному производству, в том числе кожевенному, его значению в развитии хозяйства в средневековой России (Рыбаков, 1948. С. 203).

В начале XX в. появляется несколько справочников и пособий, являющихся своего рода систематизированными этнографическими материалами по кустарному кожевенному производству (Кривцов, 1912; Гданский, 1917). На фоне этих брошюр выделяется монография Г. Поварнина «Очерки мелкого кожевенного производства в России», опубликованная в 1912 г. (Поварнин, 1912). Автор исследует тему развития кожевенного дела в России на фоне истории обработки кожи других народов. С этой целью Г. Поварнин привлек статистические сведения по кустарному производству Европейской части России, проанализировал доступные ему письменные источники и этнографический материал. Используя сравнительно-исторический метод, Г. Поварнин реконструировал технологию кожевенного дела, описал все многообразие индивидуальных особенностей кустарных рецептов выделки кож.

Качественные изменения в исследовании темы русского средневекового кожевенно-обувного производства происходят в 40-е гг. Они связаны с привлечением археологического материала, которое начинается во время широкомасштабных работ Новгородской археологической экспедиции, возглавляемой А. В. Арциховским. В 1932 году, при раскопках на Славце, в заполнении сооружения XII в., было обнаружено скопление обувных деталей и многочисленные обрезки от раскроя. Здесь же был найден деревянный зольник, заполненный шерстью оставшейся от сгонки волоса. Анализ находок дал возможность автору отчета атрибутировать найденный комплекс как кожевенно-сапожную мастерскую, где выделывали шкуры и шили из них обувь (Арциховский, 1949. С. 126–128).

Проблемы технического оснащения кожевенного ремесла и социальной организации ремесленников были затронуты в обобщающей работе Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» (Рыбаков Б. А. 1948. С. 400–403, 775–776). Эта монография, обобщившая данные различных исторических дисциплин, на долгое время становится основным аналитическим исследованием по древнерусскому ремеслу. Однако по причине скудости письменных источников и отсутствия массового археологического материала, описание кожевенного ремесла (на фоне исследования других специальностей) отличается обобщенностью и схематизмом.

Расширение площади городских раскопок в 40-х гг. XX в. способствует появлению специальных исследований археологических коллекций. Собирательное описание и атрибуция кожаных предметов, найденных при раскопках Великого Новгорода, приводится в работе Л. И. Якуниной (Якунина, 1947). Из-за отсутствия стратиграфического анализа находок и использования для аналогий этнографических коллекций различных регионов России в работе имеются ошибки в датировке находок. В частности, в перечне моделей XII–XIV вв. оказались многослойные наборные кожаные каблуки, появившиеся в русских городах не ранее второй половины — конца XVI в.

В пятидесятые годы начинается обработка отдельных археологических коллекций кожаной обуви. После упомянутых выше исследований московских обувщиков, написанных по материалам коллекции Зарядья, появляется статья С. А. Изюмовой, где обобщаются материалы Неревского раскопа Повгорода Великого (Изюмова, 1959). В этой работе, охватившей период с XI по XV вв., впервые дается статистика массового кожаного археологического материала по ярусам застройки, здесь же автор выстраивает типологическое членение обуви, прослеживает ее конструктивное изменение и способы орнаментации. Во второй части работы С. А. Изюмова рассматривает технологию сапожного ремесла, способы реализации продукции, места расселения ремесленников и многие другие вопросы, существенно продвинувшие методику разработки археологических источников.

Дальнейшее накопление коллекций средневековой обуви как на территории СССР, так и в Западной Европе, потребовало создания специальной методики описания находок и разработки универсальной схемы обувного конструирования. Поскольку найденная в слес обувь различалась по качеству сырья, назначению, технике изготовления и декору, то ее обработка и систематизация заняла продолжительное время. Такие попытки были предприняты на материалах норвежского поселения в Боргунде и коллекций польских городов.

Труд Генрика Викаляка (Wiklak, 1969. S. 475-517) посвящен обработке обуви из средневековых польских городов. В основу систематизации автор положил технологический принцип. Однако при определенных достоинствах этого труда эту схему отличает непоследовательность и субъективность (цит. по: Оятева, 1976. С. 127). Статья Арне Ларсена (Larsen, 1970. С. 127) является публикацией коллекции кожаной обуви, собранной при раскопках в 1954-1962 гг. в Боргунде (западное побережье Норвегии). Анализируя собранный материал, автор делит обувь по способу крепления на три типа. Тем не менее удачный подход для анализа кожаной обуви этого памятника оказался непригодным для систематизации других коллекций (цит. по: Оятева, 1976. С. 127).

Количественный рост коллекций кожаных предметов из раскопок городов в разных регионах Восточной Европы привел к необходимости более детального и разностороннего анализа находок с привлечением физико-механических и химических анализов кожаного сырья. Такие анализы были сделаны на материалах Полоцка (Штыхов, 1963. С. 240-246; Штыхов, 1975. С. 72-73), Витебска (Левко, 1984. С. 99-100) и Минска (Соболь, 1988. С. 18). Особенно примечательны работы Г. В. Штыхова. В частности, им была исследована кожаная мастерская XIII в. на Верхнем Замке Полоцка (Штыхов, 1975. С. 42). Полученные автором экспериментальные данные открыли новые возможности для выявления технологии выделки кож, техники пошива и декорирования обуви.

В России для систематизации кожаной обуви чаще всего используется технолого-типологическая классификация Е. И. Оятевой (Оятева, 1971). Выделяя признаки, определяющие материал, технологию изготовления и функциональное значение обуви, Е. И. Оятева выстроила многообразные обувных конструкций в единую схему эволюции технологии раскроя и пошива. По мнению Л. С. Клейна, ее работы, в значительной мере учитывающие разработки западноевропейских специалистов,

показывают качественный сдвиг в изучении массового археологического материала. В них дается схема систематизации находок и, по сути, указывается необходимость формализации археологического описания, способствующего сравнению коллекций находок из разных мест и регионов, а также проверки выводов исследователя, что можно понимать как практическое решение вопроса о внутренней критике источника (Клейя, 1995. С. 156–165).

Современные исследователи постоянно обращаются к работам Е. И. Оятевой, как основе для описания и систематизации кожаной обуви (Бебре, 1987, Полонская, 1991). Однако классификация Е. И. Оятевой подробно разработана для раннесредневековой обуви мягких конструкций (т. е. обуви без подшаряда, жесткого задника и каблука). Для описания разнообразного ассортимента моделей жестких конструкций, включающих большое количество основных и дополнительных деталей, исходную схему, по мнению самой Елены Ивановны, необходимо было расширять (Оятева, 1973. С. 105).

На основании описанной выше технолого-типологической схемы С. И. Кузовкина систематизировала торжокскую коллекцию кожаной обуви, собранную при раскопках 1984–1985 гг. (Кузовкина, 1990. С. 150). Хорошая стратиграфия слоя дала автору возможность выделить узкодатируемые модели, найти им аналогии в коллекции Новгорода Великого. Слабые стороны этой работы проявляются в смещении технологических, морфологических признаков и элементов декора, допускаемом автором при описании и систематизации обуви, что приводит к обилию типов и подтипов (вариантов), между которыми не прослеживается четкой связи.

Практика фиксации кожаных находок, включая многочисленные обрешки, впервые использовалась М. Ю. Полоцкой на материалах раскопок Смоленска (Полонская, 1991). Концентрация фиксируемого числа кожаных предметов позволила автору выделить целый квартал застройки, где находились кожевенные мастерские – центры развитого специализированного производства (Полонская, 1991. С. 119–123).

Дальнейшее развитие науки и потребность сохранения и систематизации максимально большого объема информации способствовало развитию формализованного описания и созданию методик компьютерной обработки массового материала. Впервые такие попытки были предприняты на Западе, где компьютерная техника внедрялась быстрее. Методикой системного описания и графической фиксации находок с ориентировкой на специфику кожевенного материала занималась М. Милевска (Milewska, 1980). Подобные исследования проводились и в Англии. Специальные матрицы с отражением известных и вероятных признаков для каждой детали были разработаны О. Губитсом (Gubits, 1984). Разработанная им система позволяет вводить в банк данных описание обувных деталей и фиксировать характерные способы раскроя, сборки и декорирования моделей. Однако среди археологов отношение к формализованному описанию неоднозначно.

В восьмидесятые годы прошлого века универсальную классификацию обувных конструкций предложил голландский исследователь В. Грэнман-ван Ваатеринге. Разработанная им схема видов и фасонов обуви, способов ее крепления на ноге, вариантов декора представлена на широком историческом фоне (Grèpman-van Waateringe, 1984). Смена

обувных конструкций, прослеженная им на протяжении нескольких тысячелетий, охватывает всю совокупность различных форм обуви, варианты которых выделяются в каждом из городских центров на основе моделиобразующих признаков.

В настоящее время ведущим специалистом по истории кожевенно-обувного ремесла в нашей стране можно назвать А. В. Курбатова, чьи работы приобретают наибольшую известность со второй половины девяностых годов XX века (Курбатов, 1991; 1994; 1996; 1997). В них ставится задача сбора всего объема находок, включая обрезки от раскроя, обладающих высокой информативностью, формулируются принципы создания эталонных коллекций и схемы их описания. А. В. Курбатовым разработана методика полевой и камеральной обработки материала. Единицей камерального изучения кожаных предметов исследователь считает не отдельно взятые находки, а весь комплекс в рамках условной археологической полевой таксономии (пласт, квадрат, слой, ярус), а также в рамках историко-культурных единиц — двора (усадьбы), улицы, района, города (Курбатов, 1996. С. 18). В октябре 2004 г. появляется первое в нашей стране монографическое исследование, посвященное изучению предметов из кожи, отражающее весь спектр средневекового городского кожевенного ремесла Великого Тверского княжества (Курбатов 2004). Это исключительное по объему собрание кожаных предметов, превышающее 82 тысячи единиц, было получено в результате многолетних раскопок на территории Тверского кремля.

Среди публикаций последних лет можно отметить работу Я. В. Антроповой, посвященной изучению раннесредневековой обуви Старой Руссы (Антропова, Торопова, 2001. С. 245–257), статью Ю. В. Ганиной с описанием различных типов обуви XIII–XVII вв. из раскопок Вологды (Ганина, 2000. С. 78–87), а также публикацию обуви XVII–XVIII вв., собранной при археологических наблюдениях на территории Великого посада Полоцка (Беларусь), представленную мишскими археологами Д. Дукком и А. Соловьевым (Дук, Соловьев, 2004).

II. Методика описания обуви¹³

Во второй главе представлена методика описания обувных коллекций на стадии их камеральной обработки. Для сохранения максимального объема информации необходимо представление о специфике сапожного производства, знание приемов раскроя и сборки, умение определять видовую принадлежность кожи. Такая методика даст возможность описывать и систематизировать все виды обуви (в том числе современную) без привлечения обувщиков-технологов.

Приципы научного описания, которое должно быть точным, полным и кратким, для отечественной археологии были сформулированы В. А. Городцовым (Городцов, 1995). Дальнейшее развитие науки и потребность сохранения и систематизации максимально большего объема информации способствовало развитию формализованного описания и созданию методик компьютерной обработки массового материала. Потребность сохранения и систематизации максимально большего объема информации заставляют нас обратиться к использованию компьютерной техники. Однако опыт такой работы свидетельствует о серьезных проблемах, возникающих при выборе методики при создании базы данных.

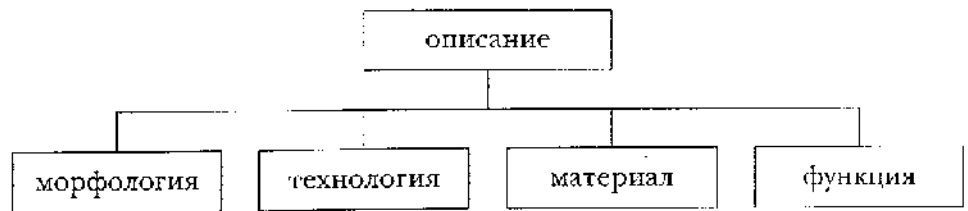
Возможность извлечения информации из вещи зависит от принятой исследователем системы описания и классифицирования материала. Как правило, проблема возникает при создании баз данных, которые обеспечивали бы удобство ввода-вывода информации, возможность ответов на максимальное число запросов. В поисках оптимальной методики для описания и систематизации обувных коллекций мы обратились к принципам системного подхода, разработанным на семинаре «Морфология древностей», работающем на кафедре археологии МГУ под руководством профессора Ю. Л. Шаповой. Его участники поставили перед собой задачу создать язык описания и алгоритм классификации вещей (Шапова, 1989; Шапова, 1992; Шапова, 2000; Шапова, Лихтер, Столярова, 1990; Кокорина, Лихтер, 1995; Кокорина, Лихтер, 1999; Лихтер, 1995; Лихтер, Столярова, 1990; Лихтер, Шапова, 1991; Сарачева, 1994; Столярова, 1994; Черных, 1994). Изучение вещей основано на следующих принципах:

- вещи не разделяются по времени и месту;
- термины, описывающие тот или иной признак, приложимы к изделиям любого происхождения;
- предметы различаются не только по признакам (или их значениям), но и по комбинациям признаков;

¹³ Методика описания и систематизации обувных коллекций разработана совместно с Ю. А. Лихтер.

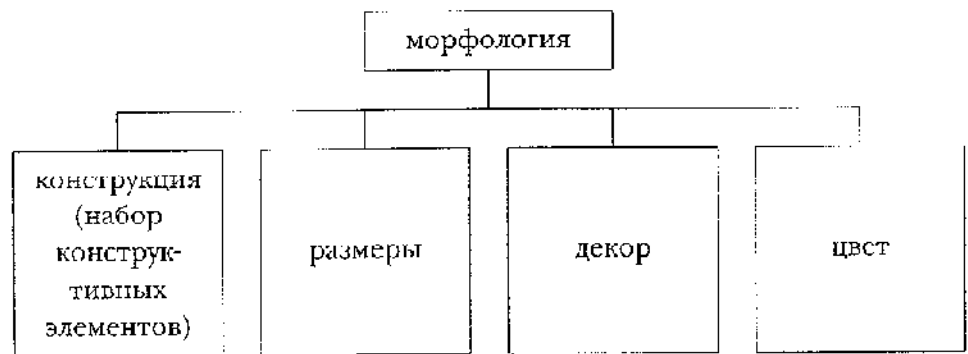
комбинации признаков могут быть рассчитаны;
 — признаки разделены на группы (подсистемы): морфология, техника изготовления, материал и функция (схема 1).

Схема 1. Подсистемы изучения вещи

— внутри морфологии выделяют свои подсистемы: конструкция и форма, цвет, размеры и декор (схема 2).

Схема 2. Подсистемы изучения морфологии

Специфику вещевой категории определяет набор конструктивных элементов.

Подсистемы хотя и связаны между собой, но развиваются в соответствии с собственными закономерностями.

Эта методика позволяет использовать не только целые предметы, но и фрагменты, а также привлекать для сопоставлений дееспартизованные находки, которых так много среди изделий из кожи в коллекциях многих музеев и археологических экспедиций.

Морфология

Конструкция

Список основных деталей обуви может быть сведен к 13 элементам: 1) подошва, 2) каблук, 3) головка, 4) задник, 5) голенище, 6) завязки, 7) отверстия, 8) застежка, 9) язычок, 10) стелька, 11) фант, 12) супинатор, 13) поднаряд.

Эти элементы можно сгруппировать в четыре блока: I) низ, II) верх, III) крепление, IV) подкладка. Низ состоит из подошвы и каблука, верх — из головки, задника, голенища, крепления — из завязок, отверстий, застежек, язычка, подкладка — из стельки, фанта, супинатора, поднаряда.

Наименования «верх» и «низ», обозначающие соответствующие части конструкции, приняты как в археологической литературе, так и в современном обувном производстве. В примитивных (одночастных)

конструкциях детали верха и пиза выкроены зацело (из одного куска). В развитых формах раскрой деталей пиза и верха производился отдельно и только потом их соединяли. В первом граница между ними скорее условна, а во втором случае они разделены швами. Например, в такой распространенной модели как кожаный цоршень (илл. 22:1), выкроенный из одного куска кожи, имеются все три блока: подошва это низ, головка и задник — верх, а ремешная оборка, при помощи которой цоршень крепился к ноге — относится к блоку «крепление» (завязки).

Конструктивные элементы, образующие конструкции вещей могут быть разделены на основные, без которых категория не существует, и дополнительные, образующие все разнообразие конструкций (Шапова, 2000. С. 64). Какие конструктивные элементы являются основой обуви? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит обратиться ко времени появления обуви.

Самым ранним свидетельством ее существования является археологическая реконструкция мягких сапог-кульков, изготовленных из куска шкуры, скрепленной полосками кожи. Следы такой обуви были обнаружены в погребении на палеолитической стоянке Сунгирь, возраст которой насчитывает 25 тыс лет до н. э. (Бадер, 1988. С. 103). Но самой примитивной конструкцией обуви были, по-видимому, так называемые «башмаки» (низ + верх), известные нам по этнографическим материалам, хранящимся в Париже в Музее человека (илл. 22:2). Это обувь изготавливалась из снятой чулком медвежьей шкуры (Hald, 1972. S. 21, fig. 9). Самые ранние из известных нам находок обуви такого типа были найдены в курганных погребениях скифского времени на Центральном Алтае (Руденко, 1952. С. 91. рис. 35 б). Они представляли собой мягкие меховые сапоги с пришивной подошвой (низ + верх).

В местах с теплым климатом, где не было необходимости утеплять ноги, обувь изначально служила для предохранения плантарной части стопы от механических повреждений. В данном случае исходной формой является не чулок из шкуры, а одна лишь подошва (след), крепившаяся на ноге при помощи ремешков (илл. 22:4). Очевидно, что в южных странах именно сандалии (низ + крепление) и были начальной формой обуви. Их изображение сохранилось на стенах гробницы Хнумхотепа в Бени-Гасане (Египет. Среднее царство. XII династия). Судя по этому древнейшему из известных нам рисунков (илл. 22:3), они были известны уже в XX в. до н. э. Богато орнаментированные сандалии были обнаружены в гробнице знаменитого фараона XVIII династии Тутанхамона (1338 г. до н. э.). На Кавказе подобная обувь носила название «чарыков». Т. Д. Равдоникас реконструирует ее по изображению на вазе из Куль-Обы (Равдоникас, 1990. С. 33).

Таким образом, в различных регионах при изготовлении обуви изначально использовали две разные конструктивные схемы: низ + верх и низ + крепление, которые можно рассматривать как равноправные. При этом ни один элемент не встречается поодиночке. Очевидно, у обуви нельзя выделить основу. Поэтому при расчете комбинаций блоков мы рассматриваем их как равноправные, за исключением подкладки, добавление которой упрочняет конструкцию. Присутствие подкладки, например поднаряда и жесткого задника, делает конструкцию жестче.

Возможные комбинации низа, верха и крепления могут быть рассчитаны по формуле $2^n - 1$, где n-число блоков. В нашем случае $n = 3$

(низ, верх, крепление), следовательно, $2^3 - 1 = 7$. То есть возможны семь конструктивных классов обуви (табл. 1).

Но не все рассчитанные классы существуют реально. Мало вероятны классы, состоящие из одного блока (классы № 1, 2, 3). Реальны четыре класса (№ 4, 5, 6, 7), которые помечены в последнем столбце таблицы 1 знаком «+». Рассмотрим их подробнее:

Класс 4. Низ + верх. Башмаки, туфли, сапоги, не имеющие крепления для фиксации на ноге (илл. 22; 6, 7, 10. 23;7).

Класс 5. Верх + крепление. Такую конструкцию имеют, к примеру, кожаные гетры. Они были распространены в третьей четверти XVI в. среди английских горожан. Эта обувь изображена на картине Гауса Гольбейна Младшего (Мерцалова М. Н. 1993. С. 450. Рис. 446). Разновидностью этой же конструкции можно считать поножи (илл. 22:8). В русском средневековом доспехе они носили название «бутурьки». Как правило, их не относят к обуви, рассматривая как часть доспеха. Однако морфологически они, несомненно, связаны с обувью¹⁴.

Класс 6. Низ + крепление. Сандалии, то есть подошва, прикрепленная к ноге (илл. 22:3; 4. 23:1; 9). Нужно отметить, что в технолого-типологической схеме Е. И. Оятевой эта обувь отсутствует. Некоторые специалисты по истории обуви причисляют к сандалиям лапти (Kubalova L., Негбенцова О., Самарова М. 1981. S. 573-575), однако, в отличие от сандалий, лапти, как и поршни, имеют верх, то есть относятся к классу 7.

Класс 7. Низ + верх + крепление. Сапоги, башмаки, туфли и т. д. Этот класс включает широкий ассортимент самых разнообразных моделей (илл. 22:9, 11, 12. 23: 1-6; 8-10).

Для повышения износоустойчивости и влагонепроницаемости перечисленные выше классы могут иметь подкладку (дополнительные детали). В отличие от основных деталей, детали подкладки не изменяют форму обуви, поэтому в нашей классификации она служит для выделения подклассов. Наличие или отсутствие этих деталей в совокупности с каблучком, позволяют исследователям выделять жесткий и мягкий типы конструкций (Оятева, 1973. С. 105).

Таблица 1. Классы обуви. ($2^n - 1$)

Элемент/ Класс	Низ	Верх	Крепление	Реальность класса
1	1	0	0	-
2	0	1	0	-
3	1	1	0	+
4	0	0	1	-
5	1	0	1	-
6	0	1	1	+
7	1	1	1	+

¹⁴ С позиции функционального использования к обуви нельзя относить рейтарские ботфорты, выполнявшие роль доспеха.

На следующем уровне классификации описываются конструктивные классы блоков:

Низ (табл. 2).

Конструктивными элементами низа являются подошва и каблук. Низ имеет основу, которой является подошва. Конструктивные классы рассчитываются по формуле 2^n , где n — число конструктивных элементов, прибавляемых к основе.

- класс 1. Подошва (илл. 22:1–5, 7, 9. 23:2, 6)
- класс 2. Подошва + каблук (илл. 22:6, 10–12. 23: 3–5; 7–10)

Таблица 2. Классы низа (2^n)

Элемент/Класс	Подошва (основа)	Каблук	Реальность класса
1	1	0	+
2	1	1	+

Верх (табл. 3).

Конструктивными элементами верха являются: головка, задник и голенище. Ни один из них нельзя назвать основой. В этом случае расчет комбинаций производится по формуле $2^n - 1$. Число возможных комбинаций равно семи. Из семи расчетных классов шесть являются реальными:

- класс 1. Головка (илл. 22:6)
- класс 2. Голенище (илл. 22:8)
- класс 3. Головка + голенище (илл. 22:12)

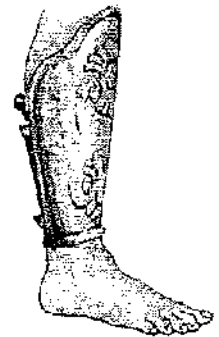
класс 4. Задник В древней Греции в период архаики (VII–V вв. до н. э.) были широко распространены крещиды — мягкая пластинчатая подошва с задником, крепившаяся к ноге при помощи ремешков (илл. 22:5).

- класс 5. Головка + задник (илл. 22:1;7).
- класс 7. Головка + задник + голенище (илл. 22:10. 23:7).

Наличие или отсутствие голенища позволяет отнести конструкции к низким (классы № 1, 4, 5) или высоким (класс № 3, 7), что соответствует схеме Е. И. Оятевой (Оятева, 1973. С. 105).

Таблица 3. Классы верха ($2^n - 1$).

Элемент/Класс	Головка	Голенище	Задник	Реальность класса
1	1	0	0	+
2	0	1	0	+
3	1	1	0	+
4	0	0	1	+
5	1	0	1	+
6	0	1	1	-
7	1	1	1	+

Крепление (табл. 4).

К конструктивным элементам крепления относятся завязки, застежки, язычок и отверстия. У отдельных моделей в качестве крепления, вместо отверстий, проделанных в коже, применяются петли (ушки). Они, к примеру, использовались для подвязывания сапог к поясу (илл. 22:11), или для крепления шнурков. По сути, петли являются усложненным отверстием, поэтому мы не выделяем их как особый элемент. Поскольку ни один из этих элементов не является основой, классы крепления рассчитываются по формуле $2^n - 1$. Число возможных комбинаций равно 15.

Мало вероятны комбинации, включающие одни отверстия (класс 2), один язычок (класс 8), завязки + язычок (класс 9), отверстия + язычок (класс 10). Из пятнадцати расчетных классов остается двенадцать реальных:

Класс 1 завязки (илл. 22:3, 5. 23:2).

Класс 3 завязки + отверстия (илл. 22:9. 23:4).

Класс 4 застежки (илл. 23:5).

Класс 5 завязки + застежки (илл. 22:4).

Класс 6 отверстия + застежки (илл. 23:3, 10).

Класс 7 завязки + отверстия + застежки.

Класс 12 застежки + язычок (илл. 23:8).

Класс 13 завязки + застежки + язычок

Класс 14 отверстия + застежки + язычок.

Класс 15 завязки + отверстия + застежки + язычок (илл. 24).

Таблица 4. Классы крепления ($2^n - 1$).

Элемент/ Класс	Завязки	Отверстия	Застежки	Язычок	Реальность класса
1	1	0	0	0	+
2	0	1	0	0	-
3	1	1	0	0	+
4	0	0	1	0	-
5	1	0	1	0	+
6	0	1	1	0	-
7	1	1	1	0	+
8	0	0	0	1	-
9	1	0	0	1	-
10	0	1	0	1	-
11	1	1	0	1	+
12	0	0	1	1	-
13	1	0	1	1	+
14	0	1	1	1	+
15	1	1	1	1	+

Подкладка (табл. 5).

В отличие от основных деталей, детали подкладки не изменяют форму обуви, поэтому, как было сказано ранее, в нашей классификации она служит для выделения подклассов. Подкладка состоит из стельки, ранта, супинатора и поднаряда. Поскольку ни один из этих элементов не является основной, возможные комбинации рассчитываются по формуле $2^n - 1$. Однако детали подкладки взаимозависимы (к примеру, конструкция модели со стелькой, как правило, предполагает наличие супинатора и подкладки), то из пятнадцати расчетных классов остается всего семь реальных:

1. класс 2 Поднаряд
2. класс 5 Стелька + супинатор
3. класс 7 Стелька + поднаряд + супинатор
4. класс 10 Поднаряд + рант
5. класс 11 Стелька + поднаряд + рант
6. класс 13 Стелька + супинатор + рант
7. класс 15 Стелька + поднаряд + супинатор + рант

Из широкого разнообразия существующих сегодня дополнительных деталей для средневековой обуви характерны лишь поднаряд и жесткий задник. В моделях начала XVIII в. уже присутствуют *супинатор* (голенок) и *стелька*. Фиксируя наличие дополнительных деталей в конструкциях обуви классов № 4, 6, 7, мы предлагаем выделять соответствующие подклассы 4а, 6а, 7а.

Таблица 5. Классы подкладки ($2^n - 1$).

Элемент/ Класс	Стелька	Рант	Супинатор	Поднаряд	Реальность класса
1	1	0	0	0	+
2	0	1	0	0	-
3	1	1	0	0	+
4	0	0	1	0	-
5	1	0	1	0	+
6	0	1	1	0	-
7	1	1	1	0	+
8	0	0	0	1	+
9	1	0	0	1	-
10	0	1	0	1	-
11	1	1	0	1	+
12	0	0	1	1	-
13	1	0	1	1	+
14	0	1	1	1	-
15	1	1	1	1	+

Возможные конструкции обуви с учетом классов низа, верха и крепления представлены в таблице 6.

Предлагаемая нами конструктивная классификация обуви позволяет, в отличие от схемы Е. И. Оятевой, учитывать и позднесредневековые модели, изготовленные с большим количеством дополнительных деталей¹⁵ и разнообразные способы их крепления.

Описание конструктивных элементов

Форма

После определения класса предмета необходимо описать его конструктивные элементы. Мы следуем принципам, разработанным на семинаре «Морфология древностей». Любой конструктивный элемент может быть описан максимум четырьмя признаками: ВИД; ФОРМА; СТРОЕНИЕ; МЕСТО расположения. Для описания каждого признака составлены соответствующие справочники-классификаторы (Щапова, 1989. С. 32–75; Щапова, Лихтер, Столярова, 1990; Лихтер, Щапова, 1991; Кокорица, Лихтер, 1995). Кроме того, у всех деталей указываются размеры.

Как уже говорилось, для средневековой обуви нами выделены тринадцать конструктивных элементов: девять основных: 1) подошва, 2) каблук, 3) головка, 4) задник, 5) голенище, 6) завязки, 7) отверстия, 8) застежка, 9) язычок, и четыре дополнительных: 10) стелька, 11) рант, 12) сушина-тор, 13) поднаряд (илл. 24).

Застежки (№ 8) представляют собой отдельную категорию и должны быть описаны в соответствии с правилами ее описания (см. Щапова и др. — рукопись). По специальному справочнику-классификатору описываются отверстия (№ 7).

Вид

Основной объем обуви образуют плоские детали (№ 1, 3, 4, 5, 9, 10, 12, 13). При их описании признак «вид» имеет одно значение — плоская. Подошва, кроме того, может быть плоской и изогнутой — подошва с крокусом (илл. 25:1а). В отличие от них у *каблука* (№ 2) признак «вид» будет иметь значение *объем* (илл. 26:2). Иногда объемный каблук набирался из плоских деталей — фликов (илл. 25:3). У узких и длинных *завязок* (№ 6) это признак имеет значение «стержень» (илл. 25:4).

Форма

Все многообразие края плоских деталей может быть описано по форме среза (илл. 27). У *головки* описываются форма носка и верхнего обреза; у *задника* и *голенища* — верхний и нижний срез; у подошвы — носок и пятка. Для описания *геленочной части* подошвы (илл. 25:5) можно использовать справочник «линия соединения». Подошвы, не имеющие выделенной геленочной части, соединяются с носком «встык», тогда как хорошо профилированные подошвы имеют «отступ».

¹⁵ Имеются в виду стелька, поднаряд, рант и т. д.

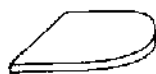
По форме среза деталей, в первую очередь носка, можно устанавливать факторы обуви. Заметим также, что форма кроя носка головки и подошвы, а также крой пятки и обрез задника у деталей, относящихся к одному предмету, совпадают, поэтому у верха и низа аналогичного кроя описание будет одинаковым. Совпадение формы кроя верха и низа у одного предмета помогает, используя нашу терминологию, реконструировать целые формы из собранных в слое разрозненных деталей.

Поскольку каблук является объемным телом, для его описания нужно использовать справочник-классификатор «общая форма». Этот же справочник используется и при описании объемного супинатора.

Для описания завязок может быть использован справочник-классификатор «поперечное сечение», для отверстий — «форма отверстия».

Строение

При изготовлении обуви конструктивные элементы могут быть выкроены отдельно или представлять части цельнокроеной обуви. Некоторые конструктивные элементы, к примеру задник или каблук, могут состоять из нескольких частей (илл. 25:3). Для фиксации этих различий используется признак «строение».

При описании цельнокроеной обуви, не разделенной на различные детали, ее контуры описываются так же, как соответствующие конструктивные элементы: *головка, задник, подошва*. Поршень, выкроенный из единого куска кожи, все равно имеет головку, подошву и задник, не разделенные лицевой швом. В этом случае строение будет иметь значение «продолжение другого элемента».

Место расположения

Конструктивные элементы низа и верха были выделены по их положению в конструкции обуви. Место их расположения фиксировано. Это же относится и к деталям подкладки. Стелька располагается всегда на подошве, рафт — по периметру подошвы, супинатор — в *геленочной части*, поднаряд повторяет головку. В отличие от них элементы крепления могут располагаться в разных местах (головка, верх голенища и пр.), поэтому место их расположения необходимо указывать, используя соответствующий справочник-классификатор.

Размеры

Как уже было сказано, для всех деталей указываются размеры. Принципы описания размеров были предложены Ю. Л. Щаповой (Щапова, 1989, С. 78).

Обозначение размера не содержит указаний на категорию находки и может состоять самое большее из 4-х частей. Первая означает тип размера — высота (H), диаметр (D), толщина (E), длина (L), ширина (C). Вторая, при необходимости, указывает в какой части объекта — верхней (H, haut), нижней (B, bas) или середине (M, media) производится измерение. Третья указывает на измерение внутреннего (I, interieur) или внешнего (E, exterior) размера. Четвертая указывает на часть объекта в соответствии с номерами конструктивных элементов.

Применительно к деталям обуви эти принципы могут быть модифицированы следующим образом. У подошвы и стельки необходимо указать длину, ширину и толщину. Ширина измеряется в трех местах — в носочной, голенищной и пяточной частях (илл. 26:1). У каблука — высоту и ширину (илл. 26:2). У головки, подшаряда и голенища измеряют длину, ширину и толщину (илл. 26:4). У задника — длину, высоту и толщину. У завязок и ранта меряют длину и толщину; у язычка и супинатора — длину, ширину и толщину. У отверстий указывают их диаметр. Соответствующие обозначения выглядят так: L1 — длина подошвы, С1 — ширина подошвы в носочной части, Е1 — толщина подошвы, Н2 — высота каблука, Е6 — толщина завязки. D1 — диаметр отверстия.

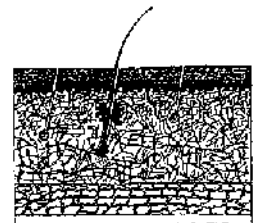
Цвет и декор

Как правило, у кожаной обуви в культурном слое цвет не сохраняется, поэтому мы не приводим здесь правила его описания. Принципы описания цвета разработаны Ю. Л. Щаповой (Щапова, 1989. С. 79–81).

Принципы описания декора не зависят от категории предмета. Системный подход к ним опубликован Ю. Г. Кокориной и Ю. А. Лихтер (Кокорина, Лихтер, 1999).

Материал

Описание материала, из которого изготовлена обувь, составляет важную часть информации о кожевенном и сапожном производствах. Обработкой снятой с животного шкуры человек вынужден был заниматься с древнейших времен, иначе шкура быстро загнивала. Для обработки шкуры существовало два способа: выделывание меха и выделка кожи. Для выделки кожи со шкуры удаляют волосяной покров вместе с эпидермисом и подкожной клетчаткой (илл. 28:1). Затем с помощью различных операций обрабатывают оставшийся средний слой (собственно дерму) для придания ей прочности, эластичности и водонепроницаемости. Самая примитивная обработка шкуры заключалась в очистке внутренней ее стороны (бахтармы) от остатков мяса, смягчении ее мозгом или жиром убитого животного и копчение над дымом, консервирующие свойства которого были известны человеку с глубокой древности (Луковски, 1991. С. 7). Лишь в бронзовом веке постепенно усложняющийся процесс выделки кожи приводит к появлению специалистов-кожевников (Зыбин, 1975. С. 6). До этого времени людям был известен лишь процесс выделки сыромятной кожи. Заключительной стадией обработки кожи является дубление¹⁶ с использованием растительных таннидов, получаемых из коры сосны и чернильного орешка. Этот способ был известен уже 4–5 тыс. лет назад, о чем свидетельствуют археологические находки. На египетских рисунках изображены устройства и инструменты для квасцового и растительного дубления (Луковски, 1991. С. 7). Дубленая кожа обладает водоотталкивающими свойствами, она эластична, воздухопроницаема и устойчива к процессам гниения.

¹⁶ Процесс насыщения кожи (голя) дублящими веществами.

В развитом средневековье обработка шкур и создание материала из сырья состояли из следующего набора операций: промывка, мездрение, зольные, квашенные (бученные), дубление, крашение, жирование. Определение порядка и качества перечисленных выше операций возможно лишь при тестировании изделий по физико-механическим и химическим параметрам, поэтому в настоящей работе эта тема подробно не рассматривается. В первую очередь нас интересует производство изделий из уже готового материала.

Дальнейшее усложнение технологии и возрастающая ориентация производства на рынок приводит к разделению единого прежде ремесла на кожевенное и сапожное производство. В русских городах сапожные мастерские, работающие на готовом сырье, зафиксированы в слое XII–XIII вв. (Осицов, 2003. С. 12).

Развитие технологии сапожного ремесла приводит к изменению видового соотношения (сортаментта) выделанных кож, поскольку для изготовления различных деталей использовалась кожа различных животных. На подошвы шла шкура взрослых особей крупного рогатого скота (*бычьи шкура, яловка*), имевшая большую толщину. Для пошива деталей верха, фурнитуры и кожгалантереи применялась более тонкая кожа телят и мелкого рогатого скота.

С помощью органолептического метода (визуального исследования) можно определить видовую принадлежность кожевенного сырья и качество его дубления.

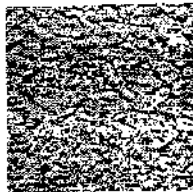
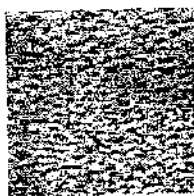
Видовая принадлежность кожевенного сырья определяется по рисункам волосяных сумок на наружной поверхности кожи (мерее), обусловленных естественной микроструктурой шкуры животного. Среди наиболее употребительных пород животных, кожа которых встречается в археологическом материале, относительно просто могут быть визуально определены шкуры крупного и мелкого рогатого скота, а также свиньи.

Для шкуры *крупного рогатого скота* характерно рядное расположение устьев каналов волосяного ствола, практически одинаковых по форме и размерам (илл. 28:П. 1, 2). Ряды каналов неровные, волнообразные. Поверхность шкуры бугристая. Рисунок лицевой поверхности выделанной кожи (мерей) может различаться в зависимости от возраста животного и топографии шкуры. У шкур молодых животных (опоек и выросток) каналы расположены ближе друг к другу, а у взрослых особей (яловка и бычина) их расположение более разрежено.

Для *мелкого рогатого скота* (овец и коз) также характерно рядное расположение волосяных каналов, но с ломаной прерывистой линией. Устья каналов сильно вытянуты в одном направлении и почти перпендикулярны линиям каналов (илл. 28:П. 3, 4). Размеры устьев ровные и одинаковые по всей шкуре. Поверхность шкуры сильно бугристая.

Видовому определению легко поддается шкура *свиньи*, имеющая относительно редкое (пучковое) расположение каналов волосяного ствола. В каждом пучке видны 3–5 крупных канала с округлым устьем (илл. 28:П. 5). Между каналами хорошо заметно свободное от волоса поле.

Определение видовой принадлежности возможно практически для всех фрагментов кожи кроме подошв, поскольку их поверхность сильно истирается от долгого ношения.

Качество дубления. Хорошо продубленная кожа имеет ровный окрас по всей толщине¹⁷. Если в середине кожа заметно светлее, значит она недостаточно продублена. Однако цвет найденной в раскопе кожи зачастую зависит от состава культурного слоя и срока пребывания в нем кожи, поэтому более надежным показателем качества дубления является наличие или отсутствие расслоения кожи. Отсутствие расслоения кожи также свидетельствует о высоком качестве дубления. Если же извлеченная из слоя кожа расслаивается, это может указывать на некачественный продуб.

Технология

К начальной стадии изготовления обуви относится обмер ноги. Самый примитивный обмер – очерчивание контура стопы¹⁸. По ее контурам выкраивались заготовки деталей¹⁹, а уже затем производилась сборка обуви. Для сборки используются различные методы скрепления: механические – шивание (с использованием ниток), сплетение – (с помощью ремешков) или химические (склейка, сварка и др). Для придания окончательного объема обуви, шитую из плоских деталей, формуют на специальных приспособлениях, называемых колодками. К дополнительной обработке обуви относятся различные способы нанесения декора: линование, тиснение, расшивка цветной нитью и т. д.

Некоторые технические приемы можно зафиксировать уже при описании кроя деталей. Например, для снижения излишней нагрузки в носочной части, в специальный вырез носка головки вшивался удлиненный носок подошвы (илл. 29:1). Однако основную информацию несут визуально определимые следы, оставшиеся на обувных деталях от раскроя, соединения, тиснения и формовки. По ним можно определить технику соединения деталей, формовку обуви и способы ее декорирования. При работе с массовым материалом (обувные детали, обрезки от раскроя) достаточно их визуального осмотра, чтобы определить следы технологических операций, выраженные в характере оттисков и проколов. Они позволяют реконструировать способы сборки обуви и технику нанесения декора. Наиболее распространенными приемами декорирования обуви были расшивка (илл. 29:3), продержка ремешков (илл. 29:4) и тиснение (илл. 29:1). Нередко украшением служила цветная подкладка, выглядывавшая сквозь специальные вырезы (илл. 29:2).

Различные способы сборки обуви можно определить по следам проколов от нитяного шва, прорезей для ремешка или следов склейки.

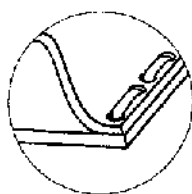

¹⁷ Проверяя качество дубления шкуры, мастер делал надрез над копчиком (самое жесткое место). Однако в нашем распоряжении редко оказываются целые шкуры, основную часть коллекций составляют отдельные детали.

¹⁸ Специальные инструменты для этой операции появляются, судя по иконографическим памятникам, не позднее XVI–XVII вв. (Lacgöix, 1862. pl. XIV, 118, 120. XVII, 151).

¹⁹ Данные археологии свидетельствуют, что для раскроя использовались специальные шаблоны (Древняя Русь..., 1985. С. 270). Раскрой деталей проводился на плоских дощечках (Гроздилов, 1962. С. 21) специальными раскроечными ножами.

Способы сборки делятся на механические и клеевые. Виды механической сборки, которая подразделяется на сплетение и сшивание, можно определить по характеру отверстий от швов²⁰ (справочники-классификаторы «следы технологических операций»). К механическим способам сборки можно также отнести крепление с помощью железных гвоздей и деревянных шпеньков.

Механические

Сплетение. У архаичных форм обуви детали скреплялись не шитками, а узким ремешком (31:1). В этом случае вместо круглых отверстий на деталях оставались заостренные или прямоугольные прорезы.

Сшивание. Нитяной шов оставляет сквозные и несквозные отверстия. По диаметру отверстия определяется и толщина используемой нити, которая напрямую зависела от толщины кожи.

Для соединения подошвы и верха, а также для сшивания деталей верха использовались различные швы (илл. 31:II). Основными видами швов на обуви и других кожаных изделиях являются: *сквозной шов*, называемый иногда *сандальным*; *выворотный*, *тачным*, *потайной*, шов *через край* (переметочный).

У обуви, найденной в раскопе, нити, как правило, истлели, оставив лишь след отверстия. По проколам и отбисткам, оставшимся на коже, можно восстановить тип шва. Так, для *сквозного шва* характерен ряд круглых сквозных отверстий (илл. 31:II. 1). *Выворотный шов* отличает соединение сквозными отверстиями оборотных сторон, вывернутых затем вовнутрь (илл. 31:II. 2). Отверстия *тачного шва* выходят в торец кожаного листа (илл. 31:II. 3). Для *потайного шва* — двойной ряд несквозных отверстий, каналы которых проходят в толще кожи (илл. 31:II. 4). Шов *переметочный* (через край) помимо сквозных отверстий отличает фактонная деформация края (илл. 31:II. 5).

В современном производстве обуви используются однониточные и двухниточные швы наружного и внутреннего переплетения (Зыбин, 1975. С. 239), приспособленные для швейных машин, появившихся во второй половине XIX в. (Палицкий, Дейч, 1990. С. 4).

Гвоздевый. При ручной технике изготовления обуви для придания жесткости пяточному узлу каблук с подошвой кроме ниточных швов скрепляли гвоздями, которые забивались в деревянный задник (Илл.). В современном машинном производстве для крепления подошв кроме гвоздевого, используются винтовые, штифтовые и др. механические методы (Зыбин, 1975. С. 228).

Химические методы скрепления деталей, появившиеся в 30-е годы XX века²¹, включают: клеевой, литевой, сварной²² методы, а также метод горячей вулканизации (Зыбин, 1975. С. 258, 307, 330, 355).

²⁰ Отверстия от швов всегда располагаются по краю деталей, что позволяет отличать их от отверстий, являющихся конструктивным элементом крепления.

²¹ Метод вулканизации резиновых подошв был разработан в СССР в 1934–1938 гг. (Справочник обувщика, 1989. С. 263).

²² Сваркой в современном обувном производстве соединяют детали обуви из искусственных и синтетических материалов с помощью высокой температуры и давления (Справочник обувщика, 1989. С. 102).

Эти способы, широко распространенные в современной обувной промышленности, считаются более водостойкими и прочными соединениями, не нарушающими целостность кожи (Справочник обувщика, 1989. С. 102).

В домашнем производстве обувь формовалась при помощи специальных деревянных колодок. Вначале для расправления швов и придания модели законченной формы ее околачивали молотком на деревянной колодке-каюге²³ (илл. 30). С XVII века для формовки стали использовать затяжные колодки и затяжные клещи (Зыбин, 1982. С. 11). Следы этой операции хорошо заметны по ровным контурам объема и следам вытяжения кожи, четко видимым при распрямлении детали на плоскости. В современном машинном производстве для этой цели используется специальное оборудование²⁴ (Справочник обувщика, 1989. С. 163).

К дополнительной обработке относятся различные способы нанесения декора по мерею (наружной поверхности кожи).

а) Л и н о в а н и с²⁵ имеет вид прямых, или диагональных линий. Кожу линовали горячим заостренным металлическим предметом, которым чертили по мерею.

б) Т и с н е н и е имеет вид прямых или узорчатых линий. Чаще всего тиснение можно наблюдать на наружной поверхности головок (илл. 29:1). Помимо орнаментального, тиснение имеет еще и функциональное назначение, поскольку препятствует образованию грубых складок на подъеме стопы.

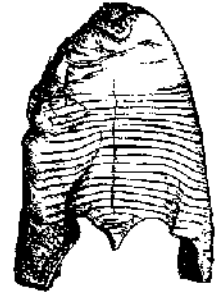
в) Р а с ш и в к а ц в е т н ы м и н и т я м и имеет хорошо читаемую линию проколов в виде растительного или геометрического орнамента (илл. 29:2). Расшивали, как правило, головки и голенища обуви.

г) П р о д е р ж к а представляет собой кожаный ремешок, продевший в вытянутые в линию прорези. Она использовалась в основном для украшения головок низких форм обуви (илл. 29:3). Некоторые модели украшали сочетанием вышеперечисленных способов, например расшивка с продержкой.

Предлагаемая нами методика дает возможность правильно описывать и систематизировать детали кожаной обуви уже в стадии камеральной обработки, без привлечения специалиста-обувщика. Широкое распространение оргтехники в совокупности с желанием археолога позволяет организовать этот процесс силами сотрудников камеральной лаборатории.

Организация исследования по принципам системного подхода позволяет создать классификацию, при помощи которой можно выявить направленный процесс развития различных подсистем (технологии, материала, морфологии и функции) и выявить связь между ними.

Стандартизация описания облегчает использование возможностей современного программного обеспечения, например, систем управления базами данных («FoxPro» или «Access»).

²³ Такие колодки во множестве найдены при раскопках в русских городах в слоях XII-XV вв.

²⁴ Для формования растяжением, формования скатием, обтяжно-затяжной метод, формование в пресс-формах и т. д. (Зыбин, 1975. С. 173-218).

²⁵ В отличие от тиснения этот прием не оставляет следов со стороны бахтармы.

При необходимости такая программа как «FoxPro» или «Access» может перевести информацию из электронной таблицы в Word и распечатать ее в виде карточек с нужными позициями. Это делает методику исследования «прозрачной», а выводы исследователя конкретными.

В качестве примера системного описания в приложении приводятся образцы карточек, полученных при обработке базы данных по кожаной обуви московского Зарядья. Выведенные на печать карточки являются конечным продуктом, иллюстрирующим выполнение соответствующего запроса к уже существующей базе данных (в данном случае FoxPro). Запрос может быть выполнен в электронном виде, а может быть конвертирован в Word и распечатан в виде карточек.

III. Кожаная обувь XII–XVIII вв.

В третьей главе обобщены результаты обработки коллекций кожаной обуви, собранных при раскопках на территории Москвы и Подмосковья. Здесь же приводятся статистические данные, полученные нами при обработке музейных коллекций, собранных при раскопках в Зарядье.

1. Целые формы

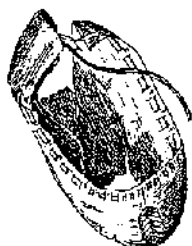
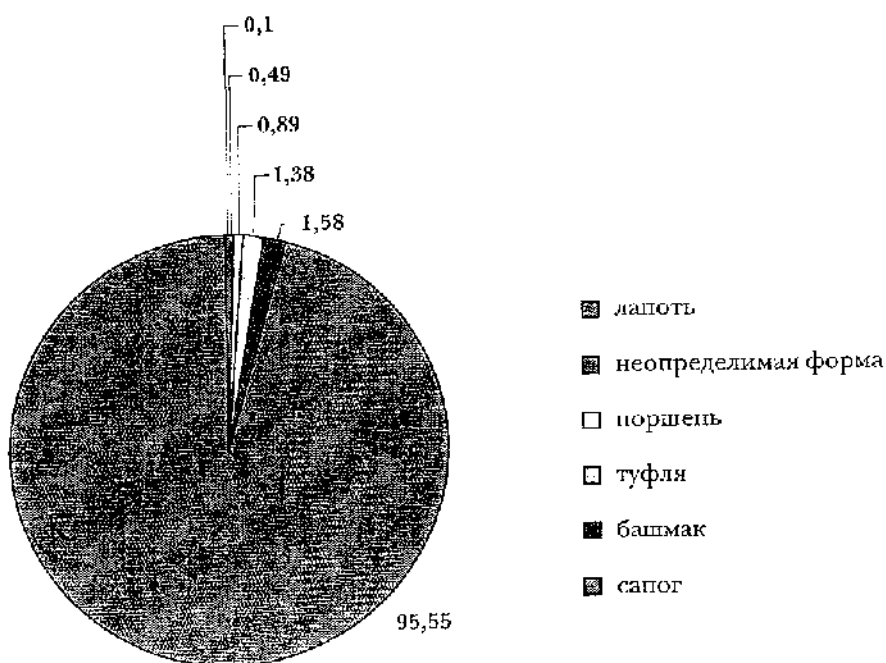
Полный набор обувных деталей встречается довольно редко. Плохая сохранность льняных нитей, приводит к разрушению целостности конструкций и утрате части деталей. В этом случае лучше сохраняется простая одночастная обувь. Статистика видового соотношения приводится по материалам Зарядья (табл. 1).

Табл. 1. Соотношения видов обуви

Вид обуви	Количество	Процент
Кожаный лапоть	1	0.1
Неопределимая форма	5	0.49
Поршень	9	0.89
Туфля	14	1.38
Башмак	16	1.58
Сапог	967	95.55
Общее количество	1012	100

Гистограмма 1. Соотношение видов обуви

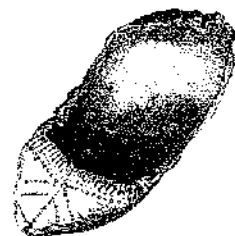

Поршни. В письменных источниках слово «поршень» впервые встречается в Никоновской летописи за 1074 год: «Егда же приспеши зима и мрази лютыи, стояше въ поршньныхъ въ протитанныхъ» (ПСРЛ, 1897. С. 106). Этимология этого слова неопределена. И. С. Вахрос производит его от прилагательного «пробосъ» и глагола «пробосити» в значении «износить обувь до ветхости» (Вахрос, 1959. С. 153, 154). А. В. Курбатов полагает, что для обозначения конкретных моделей обуви такие термины как «поршни», «черевья» и «пробосши» не сильно расходятся (Курбатов 2004. С. 49). Простота изготовления и удобство носки делали эту обувь широко распространенной у многих народов. Так, в Польше они носят название «chodaki», у латышей – «kurge» (Вахрос, 1959. С. 215), в Дагестане – «дирихи» (Булатова и др., 2001. С. 91).

В археологической литературе выделены несколько типов этой обуви. Самый распространенный тип именуется «простые поршни» (Исюмова, 1959. С. 205). В Москве и других древнерусских городах такая обувь встречается повсеместно. Она изготавливалась, «гнулась» из одного куска сыромятной или дубленой кожи толщиной 2–4 мм. Чаще всего заготовка имеет трапециевидную или прямоугольную форму, по бокам которой проделан ряд прорезей для крепления ременной оборы (илл. 34). Носок заготовки складывался углом и скреплялся тачным, выворотным или переметочным швом. К ноге поршни крепились длинными кожаными поворозами (шнурами), перекрещивающимися по несколько раз по верх онучей (илл. 36).

В московских археологических коллекциях древнейшие поршни зафиксированы на ул. Ильинка, в слое первой половины XIII в. (Векслер, Осипов, 2004. С. 333). При раскопках в Зарядье, в слоях XIV–XVII вв. выявлено восемь целых поршней размером 19–29 см. В небольших количествах они сохраняются вплоть до конца XVIII в., что зафиксировано в

коллекциях Манежа (Векслер, 2005. С. 11). Судя по размерам, поршни носили дети, женщины и мужчины, хотя в Москве чаще встречаются поршни небольшого размера (до 24 см), что позволяет говорить об их принадлежности к подростковой обуви. Самый крупный поршень, длина стопы которого составляет 34 см (1), был найден при раскопках на ул. Арбат. Судя по размеру обуви, который имеет устойчивую корреляцию с ростом человека, эта обувь принадлежала человеку, рост которого был не ниже двух метров (Осипов, 2003. С. 18). При раскопках на Арбате зафиксирован еще один поршень со следами орнамента. По верху головки нанесено три линии штампованного орнамента в виде розетки (илл. 33:1).

Кроме простых поршней бытовали т. н. «ажурные поршни», хорошо известные по раскопкам в Новгороде (Изюмова, 1959. С. 210–214), Твери (Курбатов, 1996), Смоленске (Полонская, 1991. С. 107) (илл. 32: 2, 3). В Москве, как и в других городах, этот тип обуви встречается гораздо реже простых поршней, поскольку ажурные поршни, выполнявшие функцию парадной обуви, изготавливались в меньшем количестве. Кроме того, ажурные поршни хуже сохраняются из-за обилия прорезей, делавших их менее износостойчивыми. В отличие от простых поршней, ажурные поршни бытовали недолго. К концу XIII в. они выходят из употребления (Полонская, 1991. С. 107).

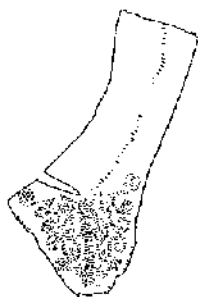
Кожаные лапти. Лапти, сплетенные из кожаных ремешков, неоднократно встречались при раскопках в Москве (илл. 38). Они зафиксированы при охранных раскопках у Куцафьей башни Кремля (Рабинович, 1957) в Зарядье (Рабинович, 1955. С. 80), в здании ЦВЗ «Мансж» (Векслер, 2005). Установить точное время появления таких моделей затруднительно. Судя по упоминаниям о находках кожаных лаптей при раскопках Подмосковных курганов (Арциховский, 1930. С. 102), можно предполагать их существование на самом раннем этапе исследуемого периода.

В отличие от лыковых или берестяных лаптей, которые снашивались в течение пяти-семи дней (Вахрос, 1959. С. 32), кожаные лапти были более износостойчивы. Попытки продлить срок носки лаптей из растительных волокон приводят к появлению комбинированной обуви. При раскопках в Зарядье отмысены лапти, где кожаные ремешки комбинируются с лыком (Рабинович, 1955).

Судя по малочисленности такой обуви, она слабо распространена в городах. Кожаные лапти, занимавшие промежуточное положение между обычными лаптями и поршнями, одновременно уступали и тем и другим. Если лапти из растительного материала были легче, удобнее в носке и дешевле кожаной обуви, то поршни выглядели более привлекательно и лучше держали влагу.

Туфли. В современном обувном производстве туфлями называют обувь с разрезным верхом, закрывающим стопу не выше лодыжки и крепящуюся к ноге при помощи ремешков (Зыбин, 1978. С. 12). В Россию это слово попадает в петровское время вместе с множеством других терминов, заимствованных из западноевропейской лексики (Вахрос, 1959. С. 9).

В археологической литературе туфли принято различать по конструкции (форме раскроя и характеру сшивания). В Москве, как и в других городах, в слоях XII–XIV вв. чаще всего встречаются туфли с одност-

ным, асимметрично раскроенным верхом, как бы обернутым вокруг стопы и сшитым на ее внутренней части (илл. 37:1–3). По месту расположения шва можно определить принадлежность обуви к правой или левой ноге, что подтверждается характерной стертостью подошвы. Задняя часть туфель (условно «берцы») отогнута наружу. Подошва туфель пришивалась отдельно при помощи выворотного или тачного шва. Она кроилась в один слой из кожи толщиной 1–2 мм и имела форму вытянутого овала, со слабым сужением в переходе. С верхом подошва скреплялась при помощи выворотного или тачного шва. Для крепления туфель к ноге служила ременная обора (кожаный ремешок), продевая в серию прорезов, прикрытых отложными «берцами». В качестве декора использовалась расшивка, продержжка или комбинация этих приемов.

Две туфли такой конструкции были найдены при раскопках во дворе Оружейной палаты (Шелипина, 1971. С. 124) и в центральном дворе здания бывшего Сената (Панова, 1994. С. 4) (илл. 37:1, 2). Еще одна туфля обнаружена при раскопках Ивановской площади (Панова, 2001). Авторы отчета относят их к XIII–XIV вв. Конструктивно близкие модели были зафиксированы при раскопках Никольской ул. в слое второго горизонта (пер. пол. XIII в.). По причине сухости грунта туфли из этой коллекции сохранились плохо и в дальнейшем были утрачены (Векслер, Осипов, 2004. С. 334). Цельнокроенный верх туфля зафиксирован при раскопках в Зарядье (МИГМ. Отдел археологии. Инв. № 7511).

До наших дней хорошо сохранилась туфля из раскопок курганной группы Матвеевское II (Латышева, 1954. С. 48). Раскрой этой модели, восстановленный специалистами Московского технологического института легкой промышленности, включал цельнокросный верх и тонкую, однослойную подошву (илл. 41, 42). Следы декорировки отсутствуют. Высокие «берцы», видимые на иллюстрации, изначально были отогнуты, поэтому реальная высота этой модели существенно ниже.

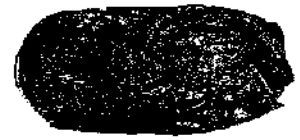
К самым маленьким туфлям, найденным при раскопках в Москве, принадлежит детская пинетка²⁶. Необычный крой этой модели можно объяснить вторичным использованием предмета. Внимательно рассмотрев крой туфельки, можно определить, что она изготовлена из пальца кожаной рукавицы-голицы, к которой грубо подкроена полоска кожи, выполнявшая роль мягкого задника (илл. 44).

Раскрой верха туфель и способы их сшивания, несмотря на разницу размеров, отличает высокая стандартизация. Конструктивно близкие модели встречаются в культурных напластованиях Новгорода (илл. 40) (Колчин и др., 1981. С. 108–109), Пскова (Оятева, 1962. С. 80–83), Торжка (Кузовкина, 1993. С. 154, 156. Рис. 4), Смоленска (Полопская, 1991. С. 108) и других древнерусских городов.

В XV–XVII вв. туфли практически выходят из употребления. При раскопках в Москве, в слое этого времени туфли (или их фрагменты) практически не встречаются. Единственный экземпляр низкой обуви (не считая поршней) был обнаружен на ул. Арбат в слое первой половины XVII в. (Векслер, 1996). Эта модель изготовлена из старого сапога с обрезанным

²⁶ В данном случае мы приводим современное название этой модели, которое происходит от имени известного французского обувщика, чье клеймо «Pinet» стояло на детской обуви.

голенischem. Верхний обрез головки и задника закрыт кожаной штаферкой (илл. 51). Прополненная до дыр подошва укреплена подметкой, пришитой сквозным швом и подбитой гвоздями. Такой экземпляр, полученный в результате грубого ремонта, можно отнести к типу рабочих бот, известных по раскопкам в Твери и других городах (Курбатов, 2004). В русском языке такая обувь именовалась «скрещенными» (Даль, 1882. С. 208).

В конце XVII — начале XVIII вв. туфли снова входят в моду, начиная вытеснять высокую обувь. В это время широко распространены туфли с симметричным двухсоставным верхом, найденные на Манежной площади в затолпленном колодце, засыпанного, согласно материалам отчета, в конце XVII в. (Векслер, Осипов, 1999 а. С. 214). (илл. 45). Они известны по раскопкам в Зарядье (МИГМ. Отдел археологии. О. Ф. № 5716) и в здании Центрального выставочного зала «Манеж» в слое начала XVIII в. (илл. 46:1–4). Их фасон различается формой верха и способом крепления (ремешной и на шнурках). Подошва туфель жесткая, однослойная, скрепленная с верхом при помощи потайного шва. Каблук низкий, наборный. Судя по размеру, такие туфли носили как женщины, так и мужчины. Их аналогии известны и в других городах, в частности, в Ивангороде (илл. 47), где они зафиксированы в слое конца XVI — пер. пол. XVII вв. (Курбатов 1995. С. 203. рис. 10).

Во второй четверти XVIII в. в моду входят туфли рантовой конструкции без задника, т. н. «мули» (от англ. mules — туфли без задника). Они изготавливались из различных материалов. Одиннадцать пар кожаных туфель было зафиксировано при раскопках некрополя Моисеевского монастыря (Векслер, Осипов, 1999. С. 217–220). Две реконструированные пары полупары имели головку с кожаным верхом, стельку с подушкой из конского волоса и деревянный обтяжной каблук скошенной формы высотой 2,5–3 см. Носки туфель округлые или тупые. Для усиления жесткости туфли снабжались внутренней стелькой и супинатором (илл. 48, 49). Неполные наборы деталей тех же туфель были найдены при раскопках в здании ЦВЗ «Манеж» в количестве десяти пар (Векслер, 2005) (илл. 54).

При раскопках Молочного переулочка в слое середины XVIII в. была обнаружена туфля жесткой конструкции с разрезным верхом и отдельно выкроенными цельнокроеными «берцами» (Векслер, 2001). Она имела сложную наборную подошву и низкий прямой каблук. Кроме основных деталей в ее наборе использовались дополнительные: подпяток, стелька штаферка и прокладка задника. В качестве крепления использовались шнурки (илл. 50). Туфли жесткой конструкции с двухдетальным верхом и шнуровым креплением были зафиксированы при раскопках ЦВЗ «Манеж» в слое второй половины XVIII в. (илл. 52). В отличие от описанных выше моделей головка этих туфель соединяется не с задником, а с низкими берцами.

Туфля с двухсоставным верхом продольного кроя зафиксирована при раскопках на ул. Рождественка. Головка с хорошо выделенным язычком соединена с накладкой, где имеется соответствующий вырез, нивелирующий верхний обрез головки (илл. 57). Задник туфли жесткий, с берестяным вкладышем. Подошва однослойная, скреплявшаяся с верхом сквозным швом.

Туфли жесткой конструкции с двухсоставным верхом продольного

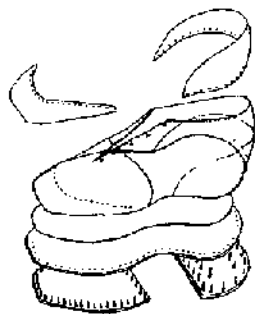
крова были найдены при раскопках ЦВЗ «Манеж». Верх туфли состоит из головки и задника скрепленных встык. Для лучшей влагоизоляции шов внутренней накладкой задника смещен (илл. 56). Однослойная подошва скреплена с верхом при помощи ранта.

Башмак. В современном обувном производстве под этим термином подразумевается конструкция, закрывающая всю стопу и голень выше мыщелка (лодыжки) и имеющая спереди разрез для облегчения одевания (Зыбин, 1977. С. 12). В письменных источниках слово «башмак» впервые встречается в конце XV в. По мнению филологов, название этой обуви, как и многие сапожные термины, было заимствовано из тюркских языков (Вахрос, 1959. С. 51).

Что подразумевалось под этим термином в XV–XVII вв. неизвестно. В «Описи царскому платью...» сохранились сведения о башмаках царя Михаила Федоровича «...шитых золотом озолоченным, скобы серебряны...». Судя по археологическому материалу, для средневековья обувь с высокими берцами не характерна. Из низких форм в имеющихся у нас коллекциях в слое этого времени встречаются лишь туфли и поршни.

Башмаки с высокими, отдельно выкроенными берцами Петр I вводит на флоте. К этой обуви царь предписал носить чулки и штилеты (гетры). Среди городской обуви башмаки начинают распространяться с середины XVIII столетия.

В слоях XVIII в. при раскопках на ул. Рождественка и ЦВЗ «Манеж» были найдены фрагменты атрибутированные как берцы башмаков. Полный набор башмака удалось выявить при раскопках Молочного переулочка (Векслер, 2001). Верх этой модели состоит из головки, задника и цельнокроенных берцев. Низ собран из жесткой однослойной подошвы и невысокого каблучка. Обширный набор дополнительных деталей включал подпяток, подносок, стельку, прокладку задника и подметку, крепившуюся при помощи деревянных шпенок. Креплением башмака служили шнурки, пронзенные в два ряда отверстий, расположенных вдоль разреза верха (илл. 58). Интересно отметить, что такая деталь, как язычок, у этой модели отсутствует. По-видимому, он появляется позднее. Судя по конструкции башмака и размеру его подошвы, составляющей 25 см, нельзя однозначно определить его к мужской или женской обуви, поскольку в XVIII в. башмаки, как известно, носили представители обоих полов (Рабинович, 1988. С. 176). Слой, в котором был зафиксирован башмак, датируется автором отчета серединой XVIII столетия (Векслер, 2001).

Сапоги. Сапогами называется обувь с голенищем, наглухо закрывающим стопу и голень, не имеющая переднего или бокового разреза (Зыбин, 1978. С. 12–13). Слово «сапог» впервые встречается в Повести временных лет за 6493 г. (985 г.) (Шахматов, 1902). В домонгольское время сапоги встречаются довольно редко. Эту обувь могли носить только богатые горожане и знать. Сапоги этого времени принадлежали к типу т. н. «мягкой конструкции». Разнообразие их фасонов ограничивалось заостренной или овальной формой носка. Целые формы сапог были зафиксированы при раскопках в Зарядье (Рабинович, 1964. рис. 124, 3). Они имели двухсоставное голенище, отдельно выкроенную головку, мягкий задник и однослойную или составную подошву (илл. 59). Сапоги XII–XIII вв. аналогичны моделям, известным по раскопкам в других древнерусских городах: Твери, Новгороде и т. д. (илл. 60).

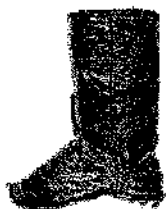
На рубеже XIII–XIV вв. в Москве и округе распространяются сапоги с заостренным носком и кососрезанным голенищем, заимствованные у татар. Изображения таких моделей сохранились на китайских и персидских миниатюрах, отличающихся подробнейшей прорисовкой деталей одежды (Шахнаме, 1985).

Среди городского населения быстро распространяется высокая обувь. Очевидно в это время, когда сапоги становятся основным товаром, за мастерами по изготовлению обуви и закрепляется имя «сапожник». К примеру, мастерская, работавшая в Коломне в XIII–XIV вв., специализировалась только на изготовлении сапог (Осипов, 2005). Анализ этой коллекции позволяет также проследить конструктивную смену моделей высокой обуви. Если в слое конца XIII – первой половины XIV вв. доминировали сапоги т. н. «мягкой конструкции», которые имели набортную или однослойную подошву, головку с округлой формой носка и мягкий задник, то с начала XIV в. их постепенно вытесняют сапоги жесткой конструкции, с толстой однослойной подошвой поднарядом и жестким задником. Голенище таких сапог чаще всего косо срезано от колена к икре.

Судя по размерам найденной нами обуви, сапоги носило все городское население, как взрослые (мужчины и женщины), так и дети. Широкое распространение этой обуви породило множество различных фасонов. Их разнообразие зависело, прежде всего, от использования новых видов сырья. Кроме того, внешний вид обуви зависел от ее функционального назначения (парадная, повседневная), а также ориентировался на течения моды. Так, в конце XV в. наблюдается увеличение длины сапожных носков, которое связывается с распространением западноевропейского влияния (Мерцалова, 1993. С. 204–205). Позднее, своеобразное преломление западноевропейской моды приводит к загибанию носка, вшиваемого в треугольный вырез головки (илл. 61–63). Пара сапог такой конструкции была обнаружена при раскопках на ул. Ильинка, в заполнении сооружения, датированного автором отчета XVI в. (Векслер, Осипов, 2000. С. 160–165). Небольшая длина подошвы (21 см) позволяет отнести их к подростковой обуви. Отличительной особенностью этих сапог является богатый декор. Их голенище орнаментировано четырьмя круглыми вырезами и украшено декоративным швом, проходящим в верхней части голенища. Задник орнаментирован бронзовыми гвоздиками, забитыми в виде ромба. Таким же образом украшен и носок загнутой вверх подошвы (илл. 64). Широкое распространение такого фасона, прослеженное по материалам археологических коллекций, отмечено и в изобразительных источниках. Сапоги с загнутыми вверх носками можно видеть на портрете Василия III, изображенного на гравюре базельского издания книги С. Герберштейна «Записки о Московии» (илл. 3).

Детский сапожок с длиной подошвы 12 см, был найден при раскопках на Старом Гостином дворе в слое XV в. (Векслер, Осипов, 2000. С. 154). Верх сапога состоял из головки и двухчастного голенища, соединенного с подошвой без отрезной задники (илл. 66). Отсутствие каблука и поднаряда позволяет отнести сапожок к типу мягкой конструкции, характерной для обуви XII – начала XIV вв. На примере этой находки можно говорить о существовании упрощенных конструкций архаичных форм, использовавшихся для детской обуви.

Еще один детский сапожок был найден при раскопках Ивановской площади Московского Кремля в слое XV в. (илл. 68). Верх сапог скроен из головки и двухчастного голенища. Однослойная подошва с заостренным носком подбита железными гвоздиками (ФГУИМКЗ № 57666 кп)²⁷.

Сапоги с коротким двухчастным голенищем высотой 13 см, названные С. А. Изюмовой «полусапожками» (Изюмова, 1959. С. 205), были обнаружены при раскопках Кадашевской набережной в сооружении, датированном автором отчета XVII веком (Векслер, Осипов, 2000. С. 162). Однослойная подошва длиной 15 см облегает наборный каблук, заменяя набойку в пяточной части (илл. 69). В средневековых письменных источниках термина «полусаножки» не встречается (Рабинович, 1888. С. 176), поэтому, на наш взгляд, такие модели следует относить к разновидности сапог. Своеобразие этой модели придает кожаный «рант», обеспечивающий более надежное крепление головки и голенища.

Необычный сапог был зафиксирован при раскопках в Грохольском перелуке (Векслер, 2000). Верх кожаного сапога (головка и передняя часть голенища) выкроены из одного куска кожи (илл. 74). Такая конструкция служила для меньшей водопроницаемости сапог. С этой же целью, по-видимому, отсутствующая верхняя часть голенища пришивалась внахлест, что указывает на принадлежность этих сапог к специализированной обуви. Водонепроницаемые кожаные сапоги с высокими, по верх бедра голенищами, именуемые сегодня «болотными», ранее служили принадлежностью рыбаков и назывались «остапи» или «макары» (Даль, 1882. С. 703).

Хотелось бы отметить высокое качество кожи этих «остапей». После ремонта, следы которого в виде двух последовательно наложенных заплат имеются на левой стороне головки, их пытались использовать в виде обычных сапог. С этой целью, очевидно, вышорали верхнюю часть голенища.

В XVIII в. сапоги были потеснены низкими формами, но тем не менее сохранились. В это время они, как и другая обувь, изготовлялись по новой технологии на затяжной колодке с использованием ранта. Примером может служить детский сапожок, найденный при раскопках в здании ЦВЗ «Манеж» (Векслер, 2005).

В начале XVIII века в российской армии распространяются ботфорты²⁸, которые можно видеть на портретах Петра I и его сподвижников (Висковатов, 1902) (илл. 77). Наиболее выразительным образцом такой обуви являются рейтарские ботфорты, хранящиеся в Отделе ткани и костюма ГИМа (ГИМ. Отдел ткани и костюма № 6640 Ж-97). Они сшиты из жесткой, негнушейся кожи, поскольку служили в качестве доспеха, надежно защищая ноги всадника при атаке на пехоту (илл. 76). Толстая многослойная (помповая) подошва скреплена при помощи деревянных шпешьков.

²⁷ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Г. Д. Панову, любезно предоставившую мне неопубликованные материалы исследований.

²⁸ От французского *boites fortes* — высокие сапоги с широким растробом. Служили для защиты ног кавалериста от штыкового или сабельного удара при атаке на строй пехотинцев.

В то же время в обиход входят т. н. форейторские сапоги. Форейторами (нсм. *Voreiter*) называли верховых, сидящих на одной из передних лошадей, запряженных цугом. Такие широкие сапоги-чехлы вообще являются обувью в прямом смысле слова (илл. 78). Они крепились к оглоблям кареты и составляли одно целое с упряжью. В такие «сапоги» вставляли уже обутые ноги. Жесткая кожа предохраняла ноги верхового от удара оглобли при повороте и защищала от камней дорожной грязи.

2. Обувные детали

Важной задачей при обработке материала является определение вида обуви, к которому относится та или иная деталь. Исключая такую нехарактерную обувь для русского средневековья, как сандалии, мы можем выявить пять различных видов кожаной обуви: лапоть (кожаный), поршень, туфель, башмак, сапог. Принадлежность деталей к определенному виду определяется совокупностью технологических (тип и местоположение шва) и морфологических (форма края) признаков.

Морфологические признаки: Проще всего видовому определению поддаются однодетальные: поршни, а также асимметричный верх архаичных моделей низких форм, который как бы оборачивался вокруг стопы и соединялся швом на внутренней стороне лодыжки.

Высокую обувь (сапоги), детали которых составляют основную часть нашей коллекции, отличает наличие голенища или следы его крепления. Для сапог характерен треугольный верх задника и выпуклый или заостренный край верха головки, поскольку у моделей низких форм верхние обрезы задников и головки, как правило, имеют горизонтальный обрез.

Сложнее всего атрибутировать фрагментарно сохранившийся верх низких моделей. Принадлежность к типу туфель или башмаков можно определить по наличию берцов.

Технологические признаки: Чаще всего в определении принадлежности конкретных деталей к тому или иному виду обуви существенную помощь оказывают такие технологические признаки, как тип и местоположение шва. Так, у сапожных подошв XIV—XVII вв. шов, как правило, комбинированный. Посочная и геленочная части подошвы скреплялась с верхом при помощи потайного шва, а пятка пришивалась сквозным швом. Выворотный или тачной шов у верхнего обреза сапожной головки или задника указывает на крепление голенища.

Технология изготовления подошв низких форм обуви позволяла использовать единый, а не комбинированный (как у сапог) шов по всему периметру подошвы. Отсутствие же какого-либо шва на подъеме головки²⁹ или на верхнем обрезе задника свидетельствует о принадлежности данной модели к низким формам, лишенным голенища.

Последовательность описания деталей (детали верха, детали низа, дополнительные детали) соответствует порядку, принятому сегодня в обувном производстве.

²⁹ Край верха может быть аккуратно обрезан вместе со следами нижнего шва.

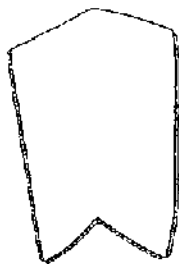
а) Детали верха

Голенища. Среди обувных деталей голенища встречаются гораздо реже остальных деталей. В культурных напластованиях XII-XIII вв. в Зарядье и на Ильинке отмечено всего несколько фрагментов голенищ, принадлежащих к типу двухчастных. На остальных объектах они отсутствуют вовсе. Для голенищ этого времени характерен прямой обрез верха и вогнутая нижняя часть, куда вшивался задник (илл. 83). Форма деталей прямоугольная или трапециевидная, расширяющаяся снизу вверх.

Малое количество голенищ в раннегородском слое объясняется несколькими причинами. Во-первых, в этот период доминируют низкие формы обуви (туфли, поршни), конструкция которых не предусматривает голенища. Во-вторых, голенища лучше других деталей пригодны для вторичного использования, поскольку это самая крупная и наименее изнашиваемая часть обуви. Потребности в экономии сырья иллюстрирует монастырский устав XI в., гласивший «*Аще на потребу возьмет кожду или усни, и не соблюдая режет и не прилагаеть меры сапожныя, сухо да ясть*» (цит. по Рыбаков, 1948. С. 400).

В слое XIV-XVII вв. голенища встречаются чаще. Их формы отличаются наибольшей стабильностью. Практически все найденные нами голенища имели двухчастную конструкцию (илл. 80, 82, 83-89). За счет передней части, имевшей, как правило, трапециевидную форму, голенище несколько расширялось кверху. Одночастные голенища в целях экономии сырья выкраивали крайне редко. Один фрагмент такого голенища выявлен при раскопках в Зарядье в слое XV в. Еще одна деталь была зафиксирована при раскопках на ул. Ильинка (Векслер, Осипов, 2004). Одночастные голенища, скроенные из одного куска кожи, имели шов на внутренней стороне.

Форма верхнего края голенищ двух видов: прямая или кососрезанная. Чаще других встречаются модели с кососрезанным верхом. Хотелось бы отметить, что форма верхнего края не может служить определяющим признаком, поскольку она (как и декоративная отделка) изменялась в зависимости от моды. Внизу голенище сшивалось с задником или непосредственно с подошвой.

Для московской обуви нехарактерны сапоги на вздержке. Тем не менее, при раскопках в Зарядье был зафиксирован фрагмент голенища, по верху которого имеется ряд вертикальных прорезей для крепления ремешка.

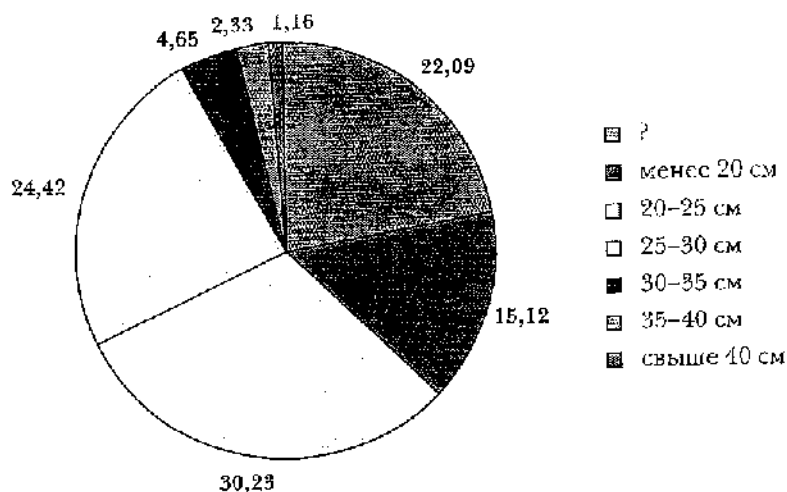
На изготовление голенищ шла мягкая, хорошо выделанная кожа, толщина которой не превышала 1,5 мм.

Средняя высота голенищ у сапог взрослых моделей не превышала 25-30 см. Отдельные экземпляры достигали высоты 40 см (илл. 67). Высокие сапоги с голенищами, закрывающими бедро, в Москве не зафиксированы. Статистика обмеров голенищ представлена на материалах Зарядья (табл. 2).

Табл. 2. Высота голенищ

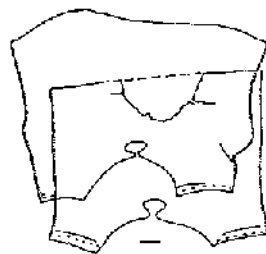
Высота	Количество	Процент
?	19	22,09
менее 20 см	13	15,12
20-25 см	26	30,23
25-30 см	21	24,42
30-35 см	4	4,65
35-40 см	2	2,33
свыше 40	1	1,16
Всего	88	100 %

Гистограмма 2. Высота голенищ (в %)

В слоях XVIII в. количество голенищ снова сокращается. Нам известно всего двенадцать таких деталей, сохранившихся во фрагментах. На сокращение численности этих деталей влияет не столько факт вторичного использования, сколько вытеснение сапог моделями низких форм (туфли, башмаки), не имеющих голенищ.

При раскопках на ул. Рождественка зафиксировано цельнокроеное голенище, в передней части которого имеется фигурный вырез под язычок головки (илл. 90). В нижней части голенище соединено непосредственно с подошвой при помощи выворотного шва.

Головки (переда). Туфли и поршни XII-XIII вв. не имели отдельной выкройки головки, поэтому найденные в слое этого времени детали могут принадлежать лишь сапогам. В раннегородских папастованиях несколько десятков головок было зафиксировано при раскопках в Зарядье (МИГМ. Отдел археологии. О. Ф. 27081) и на Ильинке (Векслер, Оси-

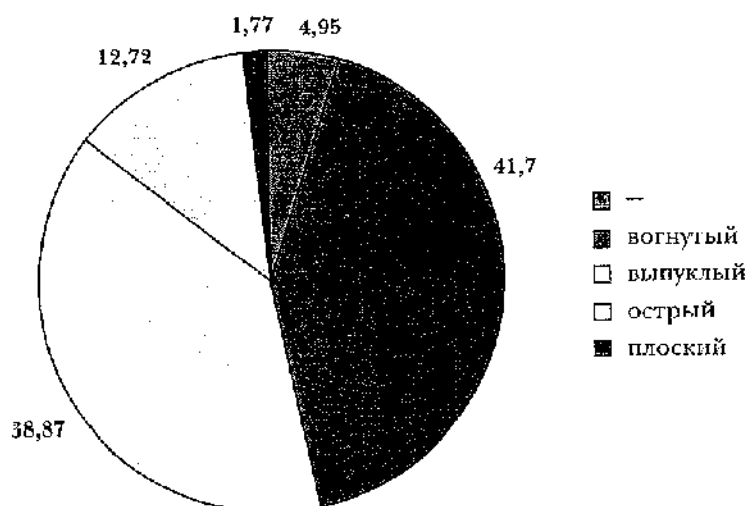
пов, 2004. С. 384). Все найденные нами головки имеют округлую форму носка и прямой или вогнутый обрез верха (илл. 92, 94). Характерным признаком головок этого времени являются короткие, косо срезанные боковины. Следы поднарядов отсутствуют.

В культурных напластованиях XIV-XVII вв. количество этих деталей исчисляется тысячами. При отсутствии широкого конструктивного разнообразия средневековой обуви именно форма головки имела решающее значение для формирования фасона. Собранные нами данные позволяют фиксировать определенные закономерности этой изменчивости. Так, пик остроносых головок, носочная часть которых вытянута трубочкой (илл. 102), приходится на XV век. Со второй половины XV в. широко распространяются головки с треугольным вырезом в носочной части, куда вшивается загнутый носок подошвы (илл. 107, 108). В данном случае вырез использовался и как технологический прием, уменьшающий нагрузку на шов и предотвращающий образование грубых складок на подъеме.

Табл. 3. Форма носка головок

Носок головки	Количество деталей	Процент
—	14	4,95
вогнутый	118	41,7
острый	36	12,72
выпуклый	110	38,87
плоский	5	1,77
Всего	283	100

Гистограмма 3. Форма носка головок (в %)

Максимальная длина загнутого вверх носка обычно не превышала 5 см, что сильно отличало русскую обувь от западноевропейской. Известно, что в Западной Европе длина носка была значительно большей и регламентировалась сословной принадлежностью. Так, в XIV в. во Франции максимальная длина носка *roulaines* достигала 40 см. При хождении носки такой обуви нужно было специально подвязывать к бедру или к поясу (Мерцалова, 1993. С. 204–205). Головки с загнутыми вверх носами зафиксированы повсеместно, где есть слой XV–XVI вв. (илл. 103). Тем не менее в Коломне удалось зафиксировать головку с треугольным вырезом в носочной части в слое первой трети XIV в. (Осипов, 2005).

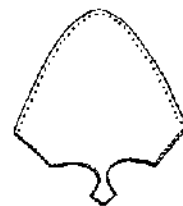
К началу XVII в. треугольные вырезы на головках исчезают, снова уступая место моделям с выпуклым или заостренным носком, но уже с вытянутыми крыльями (илл. 104). Головки с тупым носком встречаются в это время в единичных случаях. Несколько таких головок зафиксировано, в частности, при раскопках в Зарядье в слое конца XVII в. Малое количество таких деталей может указывать на привозной характер этой обуви.

Изменение формы верхнего обреза головки не позволяет выявить какой-либо закономерности или связи с формой края носка. Если у моделей XIV–XV вв. обрез верха чаще всего прямой, то в дальнейшем вогнутые, прямые или выпуклые формы сосуществуют. В единичных случаях встречаются экземпляры с хорошо развитым язычком на подъеме. Одна из таких головок была найдена при раскопках на ул. Ильинка (Векслер, 1996) в слое XV в. (илл. 99).

Развитый язычок, распространенный у современных моделей, также является технологическим приемом, существенно снижающим нагрузку на шов. В средневековье этот способ раскроя был освоен слабо, массовое производство такой обуви начинается лишь в XVIII в. Головки, найденные в слое XVIII в., можно разделить на два вида. Одни принадлежат обуви высоких форм, другие к низким. Модели низких форм отличается прямая линия верхнего края или продольный вырез, продолжающий разрез берцов (илл. 110, 111). В этом случае верхний край головок обшит штаферкой.

В обувных коллекциях первой половины XVIII в. головки с хорошо формованным тупым носком встречаются гораздо чаще. Они были зафиксированы на Манежной площади (Векслер, Осипов, 1999 а), в Молочном переулке (Векслер, 2001а), на Космодемьянской набережной (Векслер, 2001б) и Болотной улице (Векслер, 2003) (илл. 113, 117, 121). Очевидно мода на тупые носы к середине XVIII в. проходит, поскольку в коллекциях этого времени чаще встречаются головки с выпуклой или заостренной формой носка. Для более узкой датировки бытования тех или иных фасонов необходимы новые, более точные данные, которых мы пока не имеем.

Берцы. В современном обувном производстве под берцами подразумеваются удлиненные боковины головок, закрывающие подъем стопы и голеностопный сустав (Шагалова, 1989. С. 35). У обуви из раннегородского слоя т. н. отложные «берцы» составляли одну деталь с головкой и задником (илл. 43), тогда как у туфель и башмаков, сшитых по технологии затяжки, эти детали выкраивались отдельно. Можно сказать, что такая деталь, как «берцы», распространяется лишь с XVIII в., вместе с появ-

лением башмаков (ботинок)³⁰. По форме края берцы также делятся на цельнокросные и составные. При раскопках в Москве отмечены лишь составные берцы (илл. 122). И те, и другие имели в передней части два ряда сквозных отверстий для крепления шпурков.

Задники. При описании обуви в археологических работах заднюю часть верха принято называть задником, тогда как в современном конструировании обуви за этой деталью закрепилось название «задника» (Иванов и др. 1990. С. 86). Как и головки, отдельно выкроенные задники принадлежат сапогам. В слое XII—XIII вв. эти детали имеют мягкую конструкцию. Они изготовлены из тонкой кожаной пластины высотой 6–7 см, форма которой имеет прямой или заостренный верх и скошенные боковины (илл. 123–124). Нижний обрез задника прямой или вогнутый. Вырез нижнего обреза задника предназначался для вшивания в него заостренной пятки подошвы (илл. 127).

С конца XIII в. распространяется задник жесткой конструкции, изготовленный из нескольких составных элементов: наружной накладки (задника) и нескольких прокладок, слитых в виде кармана с вставленной туда кожаной, дубяной или берестяной прокладкой (собственно задником) (илл. 123). Задника изготавливалась из кожи толщиной до 2 мм. Собственно задник, как правило, делался из 3–5 слоев бересты, спущенных сверху, чтобы они не натирали пятку. Форма и конструкция задника (как и голенища) отличается стабильностью. Стандартизованный раскрой этих деталей предусматривал заостренный верх и наклонные или прямые боковины. Обрез нижнего края — ровный или слегка закругленный. Модели с вырезом для крепления заостренной пятки подошвы в слоях XIV–XV вв. не обнаружены. Высота задника составляет в среднем 5–8 см. Однако в слоях XIV–XV вв. при раскопках в Москве и Коломне (Осинов, 2005) были зафиксированы задники, высота которых достигала 12–13 см (илл. 136).

С голенищем задника скреплялась тачным швом, с подошвой — сквозным.

Задники, собранные в коллекциях XVIII в., сохраняют жесткий тип конструкции. Они состоят из двух кожаных прокладок, между которыми вложен берестяной вкладыш. Иногда это один кусок, обернутый вокруг берестяного задника (илл. 138). У туфлей эта деталь имеет ровный или выпуклый обрез верхнего края, обшитый штаферкой. Форма берестяного вкладыша (собственно задника) несколько упрощается. В отличие от моделей XIV–XVII вв. берестяная пластина становится плоской. В качестве дополнительного крепления вкладыш прошивалась нитью, о чем свидетельствуют следы двойной вертикальной строчки, проходящей по оси задника.

³⁰ От франц. *botine* — невысокие сапоги без голенищ — часть охотничьего костюма.

б) Детали низа

Подшвы. Слово подошва происходит от глагола «подшивать» (Преображенский, 1912. С. 86). При раскопках подошвы встречаются чаще других деталей, поскольку это наиболее изнашиваемая часть обуви, не пригодная для вторичного использования.

В слое XII-XIII вв. присутствуют подошвы двух видов: наборные, состоящие из двух-трех пластин, и однослойные. Все зафиксированные нами детали имеют симметричный крой. Носок подошвы овальный или слегка заостренный. Гелепочная часть выделена слабо. Пятка округлая или заостренная (илл. 139-143). Как отмечалось выше, заостренный конец пяточной части вшивался в специальный вырез задника, что обеспечивало разгрузку шва и способствовало укреплению пяточного узла. Отметим, что подошвы аналогичного кроя зафиксированы при раскопках подмосковных курганов (ГИМ. Отдел археологии. Инв. № 42436).

И однослойные, и составные подошвы изготовлены из тонкой кожи толщиной не более 2 мм. С верхом подошвы скреплялись при помощи выворотного шва. Несколько подошв, найденных при раскопках на ул. Ильинка в слое второй половины XIII в., имеют по периметру следы тачного шва и принадлежат, по-видимому, к туфлям.

В XV-XVII вв. форма кроя этих деталей отличалась большим разнообразием, которое обеспечивало различное сочетание форм носка, перемычки и пятки (илл. 156-184). Как показывают материалы раскопок, различные формы кроя подошв сосуществовали. Они не менялись в зависимости от моды или пожеланий заказчика. Тем не менее на протяжении XV-XVII вв. можно выявить наиболее устойчивые фасоны. В частности, в XV — начале XVI вв. заостренный носок подошвы несколько удлиняется, в связи с модой на загнутые вверх носы (илл. 157)³¹.

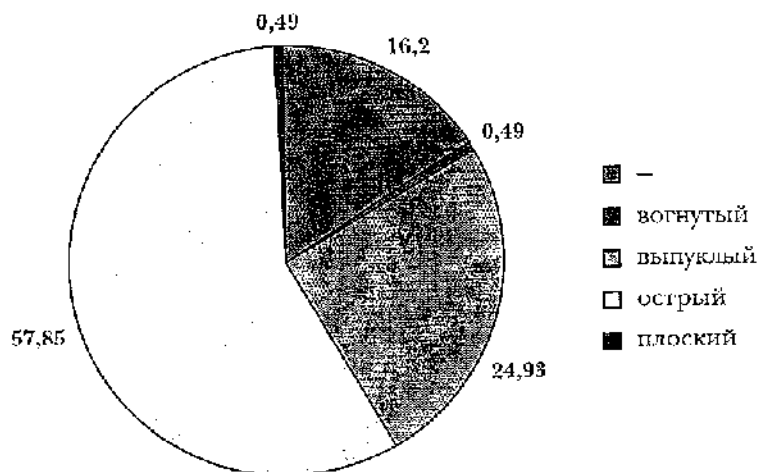
По материалам коллекции Зарядья нами проведена статистика различных форм носка подошв.

Табл. 4. Форма носка подошвы

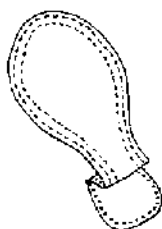
Носок подошвы	Количество	Процент
?	65	16, 20
Вогнутый	2	0, 49
Выпуклый	100	24, 93
Острый	232	57, 85
Плоский	2	0, 49
Всего	401	100

³¹ Таким подошвам соответствуют головки с вырезом в носочной части.

Гистограмма 4. Форма носка подошвы (в %)

В XV-XVI вв. у подошв сильно варьирует размер переймы. У обуви большого размера геленочная часть, как правило, выделена слабо. У маленьких размеров (женская обувь) подошвы сильно профилированы. Встречаются подошвы ширина переймы которых не превышает 2 см. Носки таких подошв заострены, пятка вытянута (илл. 159). Основная часть подошв имеет симметричный край. Тем не менее, на протяжении XII-XVII вв. присутствует незначительный процент подошв (не более 1%) асимметричного края. Ранее нами высказывалось предположение, что обувь с асимметричными подошвами изготавливалась для людей, страдающих плоскостопием (Осипов, 2003. С. 20). Однако эта версия пока не получила своего подтверждения.

В конце XVI – начале XVII столетия, в связи с распространением наборных каблуков, повсеместно встречаются подошвы изогнутой формы. В современной терминологии обувного производства они именуются подошвами «с крокулем» (Обувь. Термины и определения. Гост 23251-83. 1983). Такая подошва опирается на наборный каблук, покрывая его сверху и одновременно являясь набойкой в его пяточной части (илл. 175). Носки таких подошв чаще всего выпуклые, перейма сильно заужена, пятка округлая.

С начала XVIII в. распространяются подошвы с тупыми носками. Наряду с симметричными подошвами начинается массовое производство подошв асимметричного края. Они изготовлены из жесткой однослойной кожи толщиной 3-5 мм. В этот период основная часть подошв имеет оптимальную профилировку, когда сужение в геленочной части составляет $\frac{2}{3}$ максимальной ширины (илл. 186-190).

Каблук. Этимология этого слова сложна. Впервые слово «каблук» встречается в «Духовной Дмитрия Ивановича» (1521 год) и считается тюркским заимствованием (Полонская, 1991. С. 109).

У средневековой обуви существовали два типа каблуков: т. н. внутренний каблук (илл. 204), состоящий из нескольких кососрезанных подкладок, и наборный каблук, собранный из отдельно выкроенных фликов³² (илл. 199-200). Внутренний каблук использовался с середины

³² Флик – пластина полукруглой или полуовальной формы, входящая в состав наборного каблука.

XIV – до конца XVI в. Наборный каблук распространяется с середины XVI века. Ту же дату подтверждают материалы раскопок в городах северо-запада России. А. В. Курбатов связывает появление наборного каблука с общей тенденцией «европеизации» России, начавшейся после Ливонской войны (Курбатов, 1995. С. 202). Однако, на наш взгляд, мода на каблуки могла прийти и с Востока, где каблуки появляются гораздо раньше, чем в Европе. Так, на персидских и турецких миниатюрах изображение наборного каблука известно с XIII в. (Jafvert, 1938. S. 51). В московских коллекциях имеется небольшое количество наборных каблуков с треугольным вырезом внутри (илл. 202). По мнению Ю. П. Зыбина этот прием использовался для искусственного увеличения объема детали (Зыбин и др. 1952. С. 37, 38).

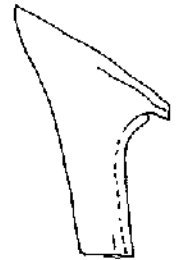
С начала XVII в. в Москве отмечен стремительный рост каблука. Судя по свидетельству А. Олсария, в тридцатые годы XVII столетия высота каблука достигает четверти локтя! (около 10 см) (Олсарий, 1906. С. 176). Эти сведения подтверждает и археологический материал. В слое XVII в. неоднократно фиксировались наборные каблуки высотой 6–7 см (илл. 203). Самый высокий наборный каблук был найден в Зарядье (ГИМ. Описание 1817 № 1048). Его высота составляет 7,5 см, причем каблук сохранился не на всю высоту. Судя по выступающим шпилькам, он был выше еще как минимум на 1,5 см. В самом конце XVII в. появляются каблуки, основа которых изготовлена из дерева, обтянутого полоской кожи. Причину их появления можно усмотреть в копировании европейской обуви, где такие каблуки появляются во втор. пол. XVI в. (Курбатов, 1997. С. 27).

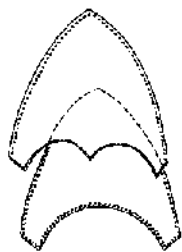
Для обуви, распространившейся после петровских реформ, характерны высокие каблуки. Как правило, высота каблука не превышала 3–3,5 см. В начале этого периода деревянные (обтяжные) и кожаные наборные каблуки сосуществуют, разделяясь по принадлежности к мужской (кожаные) и женской (деревянные) обуви (илл. 205–207). Деревянные каблуки, принадлежащие к женским моделям, как правило, имели, скошенную форму каблука (т. п. французский каблук).

Форма наборного каблука также претерпевает изменения. Его фронтальная часть становится вогнутой. Очевидно, такой изгиб продиктован более экономичным раскроем кожаного листа, когда последовательно размеченные каблучные флики разделяла единая линия разреза. Такая форма края иллюстрирует процесс дальнейшего деления сапожного производства. Она указывает на деятельность мастеров-каблучников, также выделившихся (рядом с подошвенниками и голенищниками) в самостоятельную специальность.

2.3. Дополнительные детали

На протяжении исследуемого периода развитие обувного конструирования шло по пути увеличения количества деталей (конструктивных элементов), что позволяло экономить материал и одновременно повышать износостойчивость конструкции. В раннегородской период обувь изготавливалась без дополнительных деталей. С развитием «жесткой» конструкции (XIV в.) у сапог появляется подпяток (подкладка), способствовавший повышению износостойчивости и влагопроницаемости.

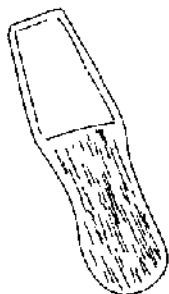
Поднаряд. В XIV–XVII вв. поднаряд имели лишь головки. Нам известны поднаряды двух типов: полные — выкроенные под всю головку или неполные, выкроенные только под носочную часть. Поднаряды, выкроенные под весь перед (головку), в свою очередь, делятся на цельнокросные и составные (илл. 97–98).

В описи коллекции Зарядья отмечены голенища, имевшие следы поднарядов (МИИМ. Отдел археологии. Инв. № 23932/394, 23933/395). Однако, на наш взгляд, следы шва на внутренней части голенища маркируют следы декоративной обшивки верха голенища, а не крепление подкладки. В отличие от головки, где поднаряд служил для повышения жесткости и влагонепроницаемости, для голенища поднаряд не функционален.

Еще большее количество дополнительных деталей появляется у обуви, изготовленной по западноевропейской моде. В это время распространяются такие, ранее неизвестные детали, как стелька, рант, супинатор и т. д.

Стелька. У обуви, изготовленной по затяжной технологии, основным элементом для крепления верха с подошвой становится стелька, которая повторяет форму подошвы. С подошвой стелька скреплялась при помощи потайного шва, расположенного на внутренней стороне детали. Такая техника крепления перенимается вместе с другими приемами западноевропейской моделировки (Курбатов, 1997. С. 72).

Внутренняя стелька. Практически все пайдешные нами модели обуви XVIII в. имеют лубяную или кожаную пластину (т. н. внутреннюю стельку), проложенную между верхней стелькой и подошвой по всей площади стопы (илл. 192, 198, 4). Наличие внутренней стельки способствовало повышению жесткости всей конструкции и увеличивало ее износостойчивость.

Рант, представлявший собой полоску кожи, расположенную по периметру подошвы, использовался для соединения стельки с подошвой, повышая износостойчивость и ремонтпригодность обуви (илл. 210).

В странах западной Европы рантовые конструкции отмечены с XII века (Goubitz, 1984. fig. 3, 4). Среди московской обуви отдельные модели с применением рантового крепления были зафиксированы в слоях XVI–XVII вв., однако широкого распространения они не получают. В слое XIV–XVI вв. встречаются обувные модели, где между подошвой и головкой вшита квадратная в сечении кожаная прокладка (илл. 69). Такие же прокладки применялись при креплении головки с голенищем. Они обеспечивали большую подвижность такому соединению и способствовали разгрузке шва. Однако такие прокладки нельзя назвать рантом, который обеспечивал новую схему крепления обуви. Рантовые конструкции начинают широко распространяться не ранее XVIII в., маркируя обувь, изготовленную по технологии затяжки.

Супинатор. Кроме внутренней стельки, отдельные модели дополнительно комплектовались деревянной пластиной прямоугольной формы размером около 3 × 7 см, помещавшейся в перемычку. Такая пластина служила в качестве супинатора, укреплявшего свод стопы (илл.). Нам известны модели с деревянными каблучками, имевшими удлиненную полочку, служившую для этой же цели (илл. 213). Для обуви, особенно у каблучных моделей, долгое время не имевшей жесткости в геленке, эта пробле-

ма была очень актуальна. Стремление укрепить палец приводило к радикальным мерам, когда в качестве супинатора использовались металлические оковки.

Штаферка представляла собой узкую полоску кожи, использовавшуюся для окантовки верха берцов (илл. 211). Ее присутствие, как в виде отдельного элемента, так и в составе набора деталей, отмечено у обуви из слоя XVIII в. В Москве найдены штаферки двух видов: составные и цельнокроеные. В отличие от описанного выше рашта, к штаферкам можно отнести кожаные полоски для обшивки верха берцов у туфель, найденных в раннесмоковском слое.

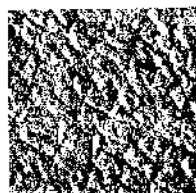

IV. Изготовление кожаной обуви

Дошедшие до нас образцы кожаной обуви являются продуктами двух ремесел: кожевниного, понимаемого как выделка кож, и сапожного, направленного на изготовление самой обуви. В русских толковых словарях существует два определения обуви. В. И. Даль определял обувь как «всякую одежду для ног, верхнюю или исподнюю: носки, карпетки, чулки или обертки, подвертки, онучи; сапоги, бахилы, упаки, коты, башмаки, кенги; валенки, китанки; лапти разных видов с оборями, поршни и пр.» (Даль, 1882. С. 628.). С. И. Ожегов относил к обуви «изделие из кожи или других материалов, носимое на ногах» (Ожегов, 1984. С. 375.).

1. Кожевенное сырье

Результаты визуального осмотра выборочных образцов средневековой обуви показывают, что большая часть обувных деталей была изготовлена из шкуры молодых или взрослых особей крупного рогатого скота (КРС), меньшая часть выкроена из шкуры мелкого рогатого скота (МРС). Единичными экземплярами представлены конские и лосиные шкуры. Обувная деталь, изготовленная из шкуры свиньи, с характерным пучковым расположением каналов волосяного ствола, найдена при раскопках в Зарядье. Эту деталь можно считать исключением, поскольку свиные шкуры, имеющие повышенное содержание жиров и сквозные отверстия волосяных каналов, мало пригодны для изготовления обуви.

На материалах из коллекции Зарядья прослежено видовое определение сырья (Табл. 6).

Табл. 6. Видовое определение сырья

Сырье	Количество	Процент
?	827	81,71 %
КРС	178	17,58 %
МРС	6	0,59 %
Свиная	1	0,09 %
Всего	1012	100 %

В раннемосковское время толщина кожи, использованной для изготовления деталей верха и низа, составляет 1–1,5 мм. Единственное отличие подошвенной кожи выражено в несколько большей жесткости, достигавшейся т. н. методом «нажора», сохранившегося в кустарном производстве вплоть до XIX – нач. XX вв. (Поварнин, 1912. С. 142–148).

В результате визуального осмотра установлено, что вся исследованная кожа была обработана дубильными веществами. В отличие от сыромяти, выдубленная кожа не размокает, хорошо противостоит бактериологическому воздействию и остается мягкой после высушивания (Зыбин, 1978. С. 31). Лабораторные анализы образцов «археологической кожи», найденной при раскопках в Москве, установили, что для дубления кож использовались растительные вещества — дубовая, ивовая и еловая кора (Зыбин, 1958. С. 38–39).

Качество дубления кожи, найденной в слоях XII–XIII вв., различно. Так, Н. С. Шеляпина отмечает хорошее качество дубления обувных деталей, обнаруженных при раскопках митрополичьего двора в Кремле (Шеляпина, 1971. С. 124), тогда как материал с ул. Ильинка отличается довольно плохой сохранностью обуви, выраженная высоким процентом расщепления кожи (Векслер, Осипов, 2004).

Вместе с тем, нужно отметить, что результаты химических анализов, равно как показатели физико-механических испытаний не дают оснований для заключений об истинном качестве выделки средневековой кожи. По мнению А. В. Курбатова, некоторые важнейшие показатели, соотнесенные с нормами современного производства, могут иметь двоякое толкование исходя из изменения физико-механических и химических свойств материала при длительном нахождении в культурном слое (Курбатов, 1997. С. 77).

В конце XIII в. русские кожевники осваивают новый способ обработки сырья — киселевание.³³ Эта операция, предшествовавшая дублению, способствовала качественному обеззоливанию, что позволило резко повысить качество выделанных кож (Поварнин, 1912. С. 147). В результате освоения киселевания стала возможной выделка шкур взрослых особей крупного рогатого скота (яловки, бычины), которые могли быть использованы для изготовления подошв. В сравнении с многослойной подошвой, сшитой из нескольких тонких слоев кожи, толстая однослойная подошва имела ряд преимуществ. Она более проста в изготовлении и прочна в носке. Освоение новой технологии способствует обособлению такой ремесленной специальности как «подошвенник», появление которой фиксируется по письменным источникам XV–XVI вв. (Ариховский, 1939. С. 7–8). Освоение новой технологии приводит и к расширению сырьевой базы. Теперь для верха обуви выдывается более тонкая и мягкая кожа (опоек и выросток), а для подошвенного товара толстая и жесткая кожа яловки и бычины. Визуальный анализ кожи из слоя XIV–XV вв. показывает хорошее качество продуба, выраженное в отсутствии расслоения и светлой полосы на срезе кожевенного листа.

В Москве самые ранние кожевенные мастерские располагались в районе Зарядья (Рабинович, 1964. С. 100). Затем, по мере роста города

³³ Выдержка шкур в забродившем мушном растворе.

кожевников оттесняли на окраины. В Лебедевской летописи, под 20 апреля 1547 г., имеется упоминание кожевников в Закузье. «За Лузой, на Болвановке погорели Гончары и Кожевники» (ПСРЛ, 1965. С. 51). Впоследствии кожевники перебираются за Москву-реку, в местность до сих пор сохранившую старое название³⁴. В 1632 году в *кожевничьей черной слободе* насчитывался 51 двор, в 1653 году 74 двора (Богоявленский, 1930).

Указами Петра I вводится цеховая организация по типу средневековых цехов Западной Европы, объединивших мастеров одной профессии. Развитие российского мануфактурного производства приводит к организации предприятий, в числе которых были и кожевенные заводы. Их возникновение стимулировала попытка наладить производство отечественного сафьяна. Первый кожевенный завод начал работу в марте 1666 года, на дворе тяглеца суконной сотни Михаила Бечвина (Новицкий, 1928. С. 47). Однако обычная городская усадьба оказалась слабо приспособленной для нужд промышленного предприятия, поэтому в 1670 году на Воронцовом поле появился новый завод по производству сафьяна (Новицкий, 1928. С. 47). Несмотря на возникновение мануфактур, технология изготовления сырья, сформировавшаяся еще в конце XIII в., существенно не меняется. Единственным нововведением можно считать указ, предписывающий пропитывать выделанную кожу ворванью (китовое сало), вместо использовавшегося ранее дегтя (Алешина, 1997. С. 66).

Дальнейшее развитие приводит к использованию новых материалов для производства обуви. С XVIII в. стали активно использовать конский волос, из которого набивали подпяточные подушки, дерево, применявшееся ранее для каблучной основы, стали использовать и для изготовления геленков и суинаторов, а также различные виды тканей, шедшие на отделку верха. Применение новых материалов позволило добиться экономии кожи, снизить вес обуви и разнообразить ее ассортимент.

2. Технология изготовления обуви

Древнейшие следы ремесленной деятельности, зафиксированные археологами на территории Москвы, относятся именно к кожевенно-сапожному производству. Судя по материалам отчетов, в середине XII в. эти мастерские уже существовали на территории Кремля (Воронин, 1960; Владимирская, 1982) и на Великом посаде (Рабинович, 1964. С. 100).

В отечественной историографии возникло мнение о совмещении кожевенного и сапожного ремесел вплоть до начала XV в. (Рыбаков, 1948. С. 402). В последующем это подтверждалось и материалами раскопок Новгорода Великого (Ариховский, 1949. С. 126–128) и Москвы (Рабинович, 1952. С. 34, 35). Найденные там отходы производства свидетельствовали о том, что выделка кож и шитье обуви производились в одной мастерской. Тем не менее, С. А. Изюмова считала возможным говорить о разделении труда кожевников и сапожников уже в XII–XIII вв. По мнению автора, поводом к такому разделению послужило увеличение спроса на кожевенную продукцию, что вынуждало кожевников сосредоточиться на выделке сырья (Изюмова, 1959. С. 118).

В этой связи представляет интерес производственный комплекс, зафиксированный при раскопках на мысовой части Боровицкого холма (Владимирская, 1982. С. 4). По мнению автора отчета, деятельность мастерской продолжалась с середины XII — до начала XIII вв. Среди обнаруженных там обломков сапожных инструментов и многочисленных обрезков от раскроя деталей, зафиксированных в шурфе в 1979 году (611 экземпляров) и в шурфе в 1982 году (792 фрагмента) не упоминаются скопления золы и шерсти. Это указывает на то, что в этой мастерской занимались лишь шитьем обуви.

В пользу этой версии свидетельствует и место ее размещения. Выделка шкур — водоемкий процесс, требовавший их постоянной промывки. Вспомним, что кожевенно-сапожная мастерская в Зарядье была расположена на правом низком берегу реки Москвы — идеальном месте для вымачивания шкур. Размещать кожевенное производство на Боровицком холме было бы крайне неудобно.

Еще одну причину, исключаящую кожевенный характер мастерской, можно усмотреть в антисанитарной технологии самого кожевенного производства. Известно, что основные операции по выделке шкур (отмока, шакшевание, золение) способствуют распространению болезнетворных микроорганизмов и неоднократно служили причинами распространения многочисленных инфекций (Поварнин, 1912. С. 255). Кроме того, при выделке шкур выделяются резкие неприятные запахи, которые вряд ли устроили бы «лучших» людей, живших на территории детинца. Таким образом, следы мастерской, зафиксированной при раскопках во дворе Оружейной палаты, позволяют говорить о существующей дифференциации кожевенно-сапожного ремесла в домонгольское время.

Швы. Анализ обувных деталей показывает, что в это время для сборки моделей использовались три типа швов: сквозной (илл. 31. П:1), тачной (илл. 31. П:2) и выворотный (илл. 31. П:3). В рассматриваемый нами период чаще других использовались сквозной или выворотный швы, которые были наиболее пригодны для шитья кожи малой толщины.

Табл. 2. Виды швов (по материалам Зарядья)

Шов	Количество	Процент
—	95	3.19
?	296	9.95
переметочный	165	5.54
выворотный	241	8.1
тачной	503	16.9
потайной	653	21.94
сквозной	1023	34.38

Они служили для крепления низа и верха, а также использовались для соединения блока подошвы. Для соединения деталей верха применялись тачной и выворотный швы. Для сшивания пользовались дратвой (льняными нитками), которые для лучшей водостойкости вошили.

Основная часть обувных деталей, найденных в культурном слое XII—XIII вв., имеет аккуратные обрезы края, ровные линии шовных отверстий и одинаковые расстояния между проколами. Это указывает на работу профессиональных мастеров. Лишь отдельные изделия, отличающиеся признаками противоположного характера («пузырные» кожи, изогнутые линии швов, неровный диаметр шовных отверстий и т. д.), выдают работу домашнего мастера, не имевшего необходимого опыта.

Освоение выделки новых видов сырья приводит к окончательному разделению кожевенно-сапожного ремесла и способствует конструктивному развитию обувных моделей. Толстые однослойные подошвы стали основой развития т. н. «жесткой конструкции», включающей жесткую однослойную подошву, поднаряд, жесткий задник и каблук. У таких моделей подошва скреплялась с верхом при помощи потайного шва. На протяжении XIV в. происходит освоение новых методов крепления, выраженное в изменении внешнего оформления потайного шва. Если на начальной стадии использования потайной шов проходит вплотную к краю (илл. 153), то к началу XV века он отступает от края на расстоянии 5 мм (илл. 170).

Для раскроя деталей, как правило, использовались специальные шаблоны (лекала). По письменным источникам они известны с XI в., под именем «мер сапожных» (Рыбаков, 1948. С. 400). Лекала использовались как для выкройки подошв, так и для раскроя деталей верха. При раскопках на ул. Прочистенка нам удалось зафиксировать берестяные лекала для раскроя головок (илл. 219: 1а, 1б), о существовании которых исследователи высказывали различные мнения (Векслер, Осипов, 1999б. С. 148). По предположению А. В. Курбатова, лекала (как подошвенные, так и для раскроя верха) могли использоваться как вспомогательные приспособления для утеников³⁵.

После раскроя деталей на головку наносилось тиснение. У московской обуви тиснение и стяжка со стороны бахтармы широко распространены у моделей конца XV—XVI вв. Наряду с декоративной функцией, тиснение препятствовало образованию складок на подъеме. Стремительное распространение этого технологического приема во многих русских городах указывает на его заимствование.

Окончательной операцией служила сборка (илл. 73). У обуви «жестких конструкций» она происходила следующим образом: сначала с помощью тачного шва головка соединялась с голенищем. Затем к передней части верха пришивалась подошва, потом крепился жесткий задник с берестяным вкладышем. Задник могли пришивать к голенищу до и после его соединения с головкой. Но в любом случае, уже собранный задник сначала соединялся с голенищем, а затем последовательно с головкой и с подошвой. У моделей, имевших наборный каблук, он подкладывался так,

³⁵ Мнение высказано А. В. Курбатовым в докладе «Русское кожевенное ремесло: современная проблематика», прочитанного на III Тверской археологической конференции 25–28 марта 2003 г.

чтобы на него налегала задняя часть подошвы. После этого задник соединяли с подошвой сквозным швом, проходившим через всю толщу каблучка. Со второй половины XIV в. плантарную часть подошвы набивались гвозди с выпуклой шляпкой, которые способствовали большей износостойчивости подошвы в местах наиболее подверженных стиранию. Гвоздики имели выпуклые округлые шляпки диаметром 3 мм. Позднее для этой же цели использовали металлические обувные подковки.

Для удобства сборки сапожники пользовались «шпандырем» (нем. Spannriemen — натяжной ремень), при помощи которого мастер притягивал и удерживал на коленях обрабатываемую им обувь. От существительного «шпандырь» происходит глагол «пришпандорить», т. е. что-либо сильно прикрепить.

После сшивания деталей следовала окончательная подрезка края подошвы и набивка железных гвоздей или подковок. Для набойки гвоздей использовалась специальное приспособление — «сапожная лапа», образец которой найден при раскопках в Ивангороде (Курбатов, 1997. С. 36).

Копирование западноевропейской технологии в начале XVIII в. потребовало серьезной перестройки конструирования обуви. Вместо использовавшихся ранее оббивных колодок — каюг, предназначенных для формовки уже сшитой обуви, сборку моделей стали осуществлять на т. н. затяжных колодках (Зыбин, 1978. С. 24). При новой технологии основным элементом становится стелька, к которой крепится верх, при затяжке его на колодку. Низ таких моделей собирался из трех слоев: между верхней (кожаной) стелькой и подошвой крепилась внутренняя (лубяная) стелька, которая обеспечивала дополнительную жесткость.

Сборка обуви на затяжной колодке исключала использование потайного шва для крепления низа, поэтому подошвы скреплялись сквозным швом с подрезкой под палец. У отдельных конструкций (тяжелые военные сапоги) для прочности использовались деревянные шпешки. О применении деревянно-шпильчатого метода крепления свидетельствуют характерные отверстия прямоугольной формы диаметром 3–4 мм, расположенные по периметру подошвы.

Новая технология потребовала такие не встречавшиеся ранее отделочные инструменты, как затяжные клещи, сапожный молоток и токматчики (Зыбин, 1963. С. 11) (илл. 220:1, 2). Пужно отметить, что российские сапожники достаточно быстро осваивают новую технологию, что свидетельствует о высоком уровне развития отечественного ремесла, готового воспринять новую технологию. Это качество отмечал еще А. Олеарий, писавший, в частности, что *«Ремесленники... очень восприимчивы, умеют подражать тому, что они видят у немцев и, действительно, в немногие лет высмотрели и переняли у них многое, чего они раньше не знали»* (Олеарий, 1906. С. 207).

3. Крашение обуви

Несмотря на частое упоминание цветной обуви в письменных источниках, при раскопках она практически не встречается. Это можно объяснить редкостью и дороговизной такой обуви, шившейся из привозного сафьяна. Судя по письменным источникам, высокосортные кожи различной окраски стали выделять в Москве не ранее XVI в. (Новиц-

кий, 1928. С. 47). Если обычные сапоги в первой четверти XVI в. стоили примерно 25–50 копеек (Мельникова, 1990. С. 8), то обувь из привозного сафьяна ценилась значительно выше. Такую обувь можно обнаружить при раскопках богатых усадеб. В Москве она была зафиксирована при раскопках в Московском Кремле (Шеляпина, 1966). Нужно отметить, что в других городах, включая Новгород, количество цветных моделей также невелико (Изомова, 1959. С. 194). Это несудивительно, поскольку такая обувь высоко ценилась, ее берегли, тщательно хранили, ремонтировали, передавали по наследству. Кроме того, как показывает практика, кожа, пролежавшая долгое время в грунте, теряет свою окраску, приобретает одинаковый темно-коричневый цвет, поэтому найти цветную кожу удастся крайне редко. Несколько фрагментов кожи, сохранившей остатки красного цвета, удалось зафиксировать в слое плотно спрессованной массы обрезков, при раскопках сапожной мастерской на ул. Пречистенка (Векслер, Осипов, 1999б. С. 145). Основная же часть обуви имела черный или темно-коричневый цвет. Химические анализы обувных деталей из раскопок Зарядья установили, что для окраса найденных там деталей использовались соли и окислы железа, окрашивающие кожу в черный цвет (Зыбин, Шестакова, Богданов, 1952).

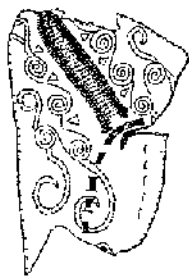
Для окраски кож использовали как растительные красители (коры и листья), так и минеральные (соли железа). Для окрашивания кожи в различные оттенки красного цвета ее со стороны бахтармы натирали охрой. Желтый краситель получали из листьев березы, для коричневого использовалась ивовая кора. Для получения зеленого цвета применялся купорос, смешанный с настоем из корня барбариса (Поварнин, 1912. С. 75).

Для качественного окраса требовались заграничные красители, которые закупались в больших количествах в странах Востока: чернильных орешков на каждую кожу туфлю было употребить воз (Костомаров, 1992. С. 281). Для окраса также использовали привозной сандал, красцы (обыкновенные, «бурские» и «немецкие»), которые также стоили очень дорого.

4. Декорирование обуви

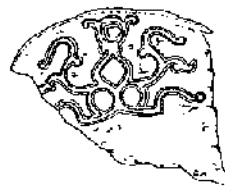
Декор является самостоятельной подсистемой и требует отдельного исследования, поэтому в настоящей работе приводится его подробное описание и систематизация. Тем не менее, наиболее распространенные приемы декоративной отделки следует упомянуть:

1. Вышивка. Фрагменты деталей, орнаментированных вышивкой, зафиксированы в слоях XII–XVI вв. Целая туфля с таким орнаментом, была найдена при раскопках во дворе Оружейной палаты (Шеляпина, 1971. С. 124. Рис. 29). Вышивка в виде дорожки, от которой отходят волнообразные завитки, располагалась по продольной оси поiska (илл. 221). Близкие аналогии такому рисунку зафиксированы у туфель из тверской коллекции (Попова, 2001. С. 221), на моделях из Новгорода (Изомова, 1959. С. 159), Смоленска (Полонская, 1991. С. 109). Взятая за основу расшивная дорожка имела множество вариантов, различающихся рисунком завитков и количеством проколов, поскольку для нанесения орнамента не использовался единый шаблон.

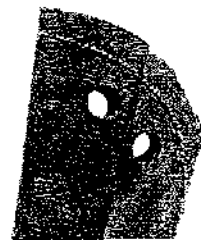
вышивкой, распространены в XII–XIII вв., хотя отдельные модели такой обуви «доживают» до середины XIV в. (Попова, 2001. С. 221).

На сапожных деталях вышивка встречается довольно редко. Как правило, она украшала головки и голенища. При раскопках в Зарялье 1953–1956 гг. были найдены фрагменты голенища и головки, украшенные растительным орнаментом (илл. 225, 228). Оттуда же происходит сапожная головка с вышитым «трилистником», найденная в слое XVI в. (Дубынин, 1955. Рис. 41, 8).

2. Продержка (продергивание ремешка или шнурка через ряды параллельных прорезей) присутствует на детской туфельке, также найденной во дворе Оружейной палаты (ФГУИКСЗ «Московский Кремль» № 37071 охр) (илл. 224). По материалам раскопок других городов туфли, орнаментированные продержкой, датируются в пределах XI–XII вв. (Полонская, 1991. С. 109).

Нужно отметить, что богатая декоративная отделка (особенно продержка) зачастую шла в ущерб практичности самой обуви, ослабляя прочность и без того тонкой кожи.

3. Тиснение. В XV–XVI вв. на смену распространённой ранее технике продержки и расшивки приходят тиснение. Чаще всего при раскопках встречаются сапожные головки с линейным тиснением (илл. 105).

4. Декоративные вырезы в верхней части сапожных голенищ (илл. 226). Сквозные вырезы диаметром около 2 см имеют по краю следы шовных отверстий. По предположению Ю. П. Зыбина, вырезы закрывались цветной тканью или кожей (Зыбин и др., 1952. С. 8).

5. Кожаные накладки задника и каблука (илл. 203). Кожаная или деревянная пластина крепилась по задней оси пятки и каблука. Кроме декоративной функции накладка способствовала дополнительной фиксации каблучных фликов.

6. Для обуви XVI в. в качестве декора зачастую использовались мелкие металлические гвоздики длиной 2 мм с диаметром шляпки 1,5 мм, которые набивали на носок загнутой кверху подошвы и задник. В конце XVI–XVII вв. пяточный рант украшали желтой крученой проволокой, изготовленной из свинцово-оловянистого сплава. Заготовки такой проволоки находят при раскопках сапожных мастерских (илл. 227).

7. Среди обуви, найденной в археологических коллекциях XVIII в., практически нет примеров богато орнаментированных моделей кожаной обуви, поскольку основную часть наших пахоток составляет уличная обувь. Для декорирования моделей, предназначенных для торжественных приемов, активно используются шателльные ткани (шелка, прюнели, сукна и т. д.), подобранные в тон к цвету костюма.

8. Кроме этого, для отделки верха использовались металлические пряжки. Пряжка квадратной формы, украшенная стеклянными вставками, была найдена при раскопках склена у ц. Троицы в «Старых Полях» (илл. 229), датированного автором отчета серединой второй половины XVIII в. (Векслер, 1999).

6. Ремонт обуви

Анализ обувных коллекций выявляет значительный процент деталей со следами ремонта. Известно, что ремонт составлял значительную часть сапожных заказов (Рабинович, 1964. С. 102). Сапожники скупали изношенную обувь, чтобы затем вторично использовать наименее изнашиваемые детали. У отдельных мастерских заказы на ремонт существенно превышали изготовление новой обуви.

При обработке коллекций Зарядья явные следы ремонта зафиксированы у 7 % деталей. Внимательное исследование следов починки позволяет выявить два вида ремонта: в первом случае на изношенные детали ставились заплатки, а подошвы укрепляли подметками. Небрежный характер заплаток и способ их крепления выдавал работу непрофессионала, занимавшегося починкой своей собственной обуви. Почерк мастера обнаруживает полная замена изношенных деталей. В случае аккуратного ремонта выявить замену можно лишь при несовпадении шовных отверстий при вторичном креплении деталей. Такой ремонт мог выполнить только сапожник-профессионал.

При раскопках в Москве и Подмосковье были выявлены сапожные инструменты (илл. 214–219), а также производственные отходы сапожных мастерских (Векслер, Осипов, 1999, Осипов, 2004, Осипов 2005. С. 45–53, Эпговатова 2003). В отличие от кожевников, сапожные мастерские располагались по всему городу, тяготая к торгу и центральным, многолюдным улицам. На деятельность сапожной мастерской указывает массовое скопление обувных деталей и обрезков от их раскроя. Здесь же, как правило, встречаются обломки сапожного инвентаря (ножей, шильев, куски воска для вошения нитей). Если обрезки выявлены непосредственно на территории городской усадьбы, то локализовать саму мастерскую просто. Зачастую для отходов сапожного производства требовалась утилизация. Дубленую кожу трудно сжечь, она плохо гниет, поэтому для складирования отходов традиционно использовали пустыри, овраги и другие участки, непригодные для жилой застройки. Следы таких скоплений были отмечены в Дмитрове (Эпговатова, 2003) и в Коломне (Осипов 2005).

По количеству обрезков и их форме можно судить о «профессиональном» или «домашнем» статусе мастерской. В частности, для профессионального мастера характерна стандартизованная форма обрезков, подчеркивающая устойчивые приемы раскроя деталей (рука мастера). По форме «негатива» можно определить, какие детали были изготовлены из конкретного куски кожи. Длинные нитевидные обрезки характерны для окончательной подгонки деталей после их сшивания. Обрезки с утолщенными краями и остатками волоса происходят с края шкуры (илл. 246). Для профессионала характерны небольшие размеры обрезков, указывающие на стремление к экономии сырья.

V. Обувь из других материалов

Валенки. «Валенки – род бабимяков или сапог, севаляных из шерсти», такое определение дано этой обуви в словаре Владимира Даля. Валенки так прочно утвердились в нашем сознании, что кажется, они существовали испокон веков. Мы можем встретить описание этой обуви на страницах исторических романов, повествующих об эпохе Дмитрия Донского или Петра I. На картине художника Б. Ф. Иогансона перед нами предстает Никита Демидов – основатель уральских заводов, обутый в белые валенки, напоминающие «бурки» советской номенклатуры. Однако распространенное представление о древности валяной обуви ошибочно. В действительности, до XVIII века валенки не были известны. Немногим старше валенок валяные коты (кенги), имевшие вид низкой валяной обуви с суконными голенищами (Вардугин, 2001 С. 107).

Первые валенки (валяные сапоги) появляются в Семеновском уезде Нижегородской губернии лишь в конце XVIII века (Терешкович, 1999. С. 39). Более ранних сведений об их существовании не прослеживается ни по этнографическим данным, ни по историческим документам. Полезные свойства овечьей шерсти человек научился использовать очень давно, по археологическим материалам находки войлочных вещей датируются скифским временем. Однако находки войлочной обуви в культурном слое ранее конца XVIII столетия нам не известны. О хорошей сохранности войлока свидетельствуют многочисленные войлочные стельки и другие шерстяные предметы.

При археологических раскопках в Москве валенки находили дважды. Первый образец с кожаным верхом был зафиксирован при раскопках на Болотной улице (Векслер, 2003). Он был изготовлен из светлой шерсти и, судя по размерам, предназначался для взрослого мужчины. Длина подошвы валенка составляет 32 см, высота голенища достигает 35 см (илл. 275). Снаружи войлок для прочности укреплен накладными кожаными деталями (подметка, головка, задник). В Москве такая конструкция зафиксирована впервые, однако валенки с кожаными подошвами и накладками верха известны по описаниям обуви жителей Вологодской губернии (Иваницкий, 1890. С. 9). По материалам отчета, культурный слой, в котором найден валенок, датируется рубежом XVIII – начала XIX вв., что подтверждает сведения о позднем распространении валяной обуви.

Второй валенок, изготовленный из шерсти темно-серого цвета, был найден при раскопках, предшествующих реконструкции ЦВЗ «Манеж» (Векслер, 2005). Как и первая находка, этот валенок позднего происхождения. Слой, в котором зафиксирован валенок, датируется началом XIX в.

На примере этих находок видно, что форма валенок, если не считать современных искусственных подошв у некоторых моделей, осталась практически неизменной.

Технология изготовления валенок. В кустарном производстве для изготовления валенок чаще использовали овечью шерсть (*летнину* или *клатье*). Вначале ее освобождали от примесей и разбивали, превращая в мягкую и пушистую массу. Чем больше в валенках летнины, тем они мягче. Из разрыхленной шерсти «лепили» будущую модель, тщательно следя за тем, чтобы стенки были одинаковой толщины. Там, где стенки были тоньше, их *платили*. Так получалась бесшовная сформованная модель будущего валенка. Затем ее накручивали на скалку, изготовленную обычно в виде четырехгранного прута и долго раскатывали. Отсюда и второе название этой обуви — *катанки* или *катанцы*. Процесс катания, для большего уплотнения и усадки, чередовался с вымачиванием в воде. Лишь после этого войлочный сапог надевали на разборную деревянную колодку и выправляли деревянной колотушкой. Затем поверхность валенка натирали пемзой и ставили в печь для просушки. Для окончательной отделки высушенный валенок натирали пемзой или бруском еще раз.

Кроме стандартной технологии существовало множество разнообразных «скрестов». Так, для чернения войлока применялись квасцы, медный купорос и синий сандал, а для качественной отсветки войлока использовались белила, смешанные с парным молоком. Полученную смесь втирали до сухости в войлок и ставили в слабо нагретую печь «на вольный дух». Для разнообразия отделки некоторые образцы полировали, шлифовали и даже лакировали, предварительно пропитывая войлок столярным клеем.

Лыковый лапоть. Лапти, ставшие своего рода символом, воплотившим во множество пословиц и поговорок, традиционно считались самой дешевой и простой обувью, которой пользовалась беднейшая часть населения нашей страны. Вся русская деревня, за исключением Сибири и казачьих районов, круглый год ходила в лаптях. Широкое распространение плетеной обуви породило невероятное разнообразие ее сортов и фасонов, зависевших, прежде всего, от использованного сырья. Лапти плели из коры и подкорья различных лиственных деревьев: липы, березы, вяза, дуба, ракиты и т. д. В зависимости от материала плетеная обувь получала более конкретное название: *берестяжики*, *вязовики*, *дубовики*, *ракитники*. Самыми прочными и мягкими в этом ряду считались лыковые лапти, изготовленные из липового лыка (илл. 280). Самыми плохими — ивовые «*соверзги*» и *мочальжики*, для изготовления которых использовалось мочало. Название лаптей могло определяться и числом лыковых полос, применявшихся для их плетения (*пятерик*, *шестерик*, *семерик*). В семь лык обычно плели зимний лапоть, хотя существовали экземпляры, где количество лык доходило до двенадцати. Для прочности, тепла и красоты лапти проплетались вторично, для чего, как правило, использовали пеньковые веревки. С этой же целью, в отдельных случаях, пришивалась кожаная подметка (подковырка).

Для праздничного выхода существовали писаные вязовые лапти из тонкого лыка с черными шерстяными (а не пеньковыми) оборами или вязовые красноватые *семерики*. Для осенних и весенних работ во дворе более удобными были высокие плетеные *ступни*, вовсе не имевшие обор.

Обувь плели не только из древесной коры, в дело шли и тонкие корни. Самые тонкие из них лапти назывались *коренниками*. Модели, для

изготовлении которых использовались полоски ткани и суконные прокладки, назывались *плетешки*. Лапти также делали из конского волоса — *волосьямишки*, пеньковой веревки — *курпы* или *крутцы*. Такую обувь чаще носили дома или ходили в них в жаркую погоду.

Различалась и техника плетения лаптей. К примеру, великорусские лапти, в отличие от белорусских и украинских, были косога плетения (косая решетка), тогда как в западных регионах существовал более консервативный тип прямого плетения (прямой решеткой). Если изготовление лаптей на Украине и в Белоруссии начиналось с носка, то русские крестьяне, наоборот, делали заплетку с задника. О месте изготовления плетеной обуви можно судить по форме и материалу, из которого она изготовлена. Так, для московских моделей, плетеных из лыка, были характерны высокие борта и круглые головки. Северный или повгородский тип чаще изготавливался из бересты. Он имел треугольные головки и сравнительно низкие борта. Мордовские лапти, распространенные в Нижегородской и Пензенской губерниях, плели из вязового лыка. Головки этих моделей имели обычно трапециевидную форму.

Плетение обуви было широко распространено в крестьянской среде. В лес отправлялись целыми артелями. Спимали лыко специальным деревянным *пылком*, оставляя совершенно голый ствол. Лучшим считалось лыко, снятое весной, когда на липе начинали распускаться первые листочки, поэтому чаще всего это приводило к гибели дерева. Отсюда, по-видимому, происходит известное выражение «ободрать как липу». Затем тщательно снятые лыки завязывали по сотням в пучки и хранили в сенах или на чердаке. До плетения лаптей лыко обязательно отмачивали в теплой воде в течение суток. Затем кору соскабливали, оставляя дуб. Из вяза лык — от 40 до 60 пучков по 50 трубочек в каждом, получалось приблизительно 300 пар лаптей.

Сроки плетения лаптей разнятся. Различные источники называют цифру от 2 до 10 пар в день. Для плетения использовалась деревянная колодка и костяной или железный крючок — *коведык*. Особого навыка требовало плетение запятника, где сводились все лыки. Связать пестли нужно было так, чтобы после продержки *обор*, они не кривили лаптя и не трудились ноги на одну сторону.

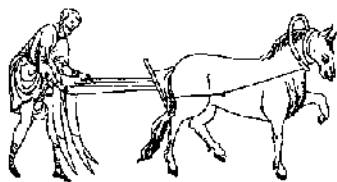
Большая часть крестьянства не имела возможности носить сапоги, отличавшиеся от лаптей удобством, красотой и прочностью. О недолговечности плетеной обуви свидетельствуют поговорка: «*о дороге идти, пестеры лапти сплести*». Зимой мужик носил лапти не более десяти дней, а летом, в рабочую пору, их стачивали в четыре дня. Нищенский образ жизни крестьян-лапотников, описан у многих русских классиков. В рассказе «Хорь и Калиныч» И. С. Тургенев противопоставляет орловскому мужику калужского оброчного крестьянина: «*Орловский мужик невысокого роста, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах*» (Тургенев, 1953, С. 75). Это свидетельствует о том, что даже для зажиточного крестьянина сапоги были роскошью и надевались лишь по праздникам. Знаковую функцию кожаной обуви для крестьянина подчеркивает и Д. Н. Мамин-Сибиряк «...сапоги для мужика самый соблазнитель-

ный предмет... Никакая другая часть мужского костюма не пользуется такой симпатией, как именно сапог» (Мамин-Сибиряк, 1953. С. 484). Однако кожаная обувь стоила не дешево. Если в 1678 г. кожаные сапоги стоили от 8 до 22 алтын (48–132 деньги), то пару лаптей в это же время можно было купить за одну деньгу (Костомаров, 1862. С. 282).

Считается, что лапти — один из самых древних видов обуви. Костяные кочедыки археологи находят даже на неолитических стоянках, что даст основание для предположений о существовании обуви из растительных волокон уже в каменном веке. В письменных источниках слово «лапотъ», а точнее производное от него «лапотник» впервые встречается в «Новести временных лет» (Лаврентьевская летопись). «В лето 6493 (985 г.), сказало в летописи, *Иде Володимерь на Болгары съ Добрынею съ земь своимъ въ ладьях, и Торки берегомъ приведе на конихъ, и победи Болгары. Рече Добрыня Володимеру: съгладихъ колодникъ оже вси в въ сапозехъ, сим дами нам не даяти, поидем искать лапотников. И сотвори Володимерь с Болгары миръ...*» (ПСРЛ, 1866. С. 36). В другом письменном источнике — «Слове» Даниила Заточника — термин «лычница», как название вида плетеной обуви, противопоставляется сапогу: «*Лучше бы ми нога своя видети в лычницы в дому твоёмъ, нежели в червеле сапозе в боярском дворе*» (Забелин, 1932. С. 60).

У археологов и этнографов не существует однозначного мнения о времени распространения рода плетеной обуви и ее роли в жизни крестьянского населения. Одни исследователи подвергают сомнению древность лаптей, считая, что основная часть крестьян до XVIII в. ходили в кожаной обуви (Курбатов, 2001 г. С. 225–231; Громов, 1977. С. 206), другие отмечают обычаи и поверья, указывающие на глубокую древность лаптей, мотивируя это их обрядовым значением в местностях, где ношение шлепеной обуви давно было предано забвению. В частности, И. С. Вахрос ссылается на описание похорон в среде уральских старообрядцев-жержаков, не носивших плетеной обуви, но хоронивших покойника обутом в лапти (Вахрос, 1959. С. 22). Противоречивые мнения по этому вопросу вызваны скудостью археологических находок и изобразительного материала.

Самым ранним изображением, где показан обутом в лапти крестьянин, является сцена пахоты из «Жития Сергия Радонжского» (илл. 284), которое датируют началом XVI в. (Черепнин, 1956. рис. 115). К этому же времени относятся сведения писцовых книг, где впервые упоминаются «лапотники» — ремесленники, занятые изготовлением лаптей на продажу. В трудах иностранных авторов, посещавших Россию, изображения лаптей присутствуют у упомянутых выше Сигизмунда Герберштейна и Адама Олеария. У Герберштейна в «Записках о Московии» есть гравюра, изображающая сцену езды в санях, на которой отчетливо видны обутые в лапти³⁶ лыжники, сопровождающие сани (Герберштейн, 1988. рис. 22). По рисунку нельзя сказать русские ли это лыжники, хотя в записках Герберштейна отмечает, что на лыжах ходили во многих местах России (илл. 283). У Олеария в книге имеется рисунок, где показаны обутые в лапти вооруженные крестьяне (илл. 281), хотя в тексте о лаптях нет никаких упоминаний (Олеарий, 1906).

³⁶ На рисунке лапти традиционно показаны косой петриховкой.

В Москве лапти из растительных волокон были зафиксированы при раскопках в Зарядье (Рабинович, 1964. С. 286), Манежной площади (Векслер 1994), на ул. Арбат (Векслер, 1997). Скопление лаптей было обнаружено в слое I-й половины XVII века при раскопках Романова двора (Кренкс, 2002).

Тем не менее результаты раскопок свидетельствуют, что в городах лапти встречаются крайне редко. По-видимому, обувь, сплетенная из лыка, бересты или других растительных волокон, больше подходит для крестьянского труда, связанного с полевыми работами на покосе, пашне и гумне, тогда как город больше жил ремеслом и торговлей.

Деревянная обувь. Деревянная обувь родственна лаптям. В свое время она была широко распространена у народов Южной и Западной Европы. В отдельных странах, как, например, в Финляндии, ношение деревянной обуви сочеталось с лаптями (Вахрос 1959. С. 55). Считается, что в древнерусском быту деревянная обувь не употреблялась. (Вахрос, 1959. С. 54). Хотя в отдельных районах этнографы отмечают существование деревянных «колодок» (колодяшек), использовавшихся для хождений по болотам (Маслова, 1956. С. 723). При раскопках в Москве на Космодемьяновской набережной в слое XVIII в. была найдена единственная пара обуви с деревянными (сосновыми) подошвами, крепившимися к ноге при помощи кожаной головки. По всему периметру подошвы с торца сохранились следы железных гвоздей (илл. 285).

Обувь с тканевым верхом. На последнем этапе исследуемого периода широко распространяются модели, верх которых шит из плательных тканей: сукна, рубчатого и узорного шелка, фактурной парчи и пр. Эта обувь предназначалась не для улицы, а для паркетных полов. Она подбиралась в тон к платью и богато декорировалась золотой или серебряной нитью, канителью, фольгой. В Отделе ткани и костюма Государственного исторического музея хранятся образцы такой обуви (илл. 286, 287). Из атласа изготавливался верх балльных дамских туфель (илл. 289).

Кроме низких форм нам известны домашние (внутрипokoйные) сапоги зеленого бархата, богато расшитые золотой нитью (илл. 288). Это единственный в Москве образец мягких т. н. внутренних сапог — ичегот (от тюрк. *ич* — внутрь и *итык* — сапог). Такие сапоги, шитые из камки, бархата и атласа, украшенные золотым и серебряным шитьем, носила знать, перенявшая эту обувь от татар.

VI. Информационные возможности обувных коллекций

В шестой главе, состоящей из четырех частей, затронуты различные темы, намеченные нами при обработке обувных коллекций. В первой части рассмотрены примеры диагностирования ортопедических заболеваний по определенным признакам, во второй приводятся различные типы обувных клеев, в третьей систематизированы обувные подковки, а в четвертой описана с ритуальная обувь, встречающаяся в погребениях московского некрополя.

1. Диагностика ортопедических заболеваний.

Как показывает практика, анализ обувных деталей может способствовать изучению проблем, связанных с диагностикой ортопедических заболеваний населения средневекового города. Для этого следует обращать внимание на нестандартный характер износа деталей. Чаще всего в слое встречаются подошвы и головки, непригодные для вторичного использования. По неравномерной стертости головок и подошв можно определить на какой ноге эту обувь носили. Определенные деформации (вытяжения) кожи, нехарактерный износ отдельных частей могут свидетельствовать о конкретных патологических отклонениях, связанных с деформацией стопы, поскольку нарушение опорно-двигательного аппарата существенно влияют на характер износа обуви. Причины таких заболеваний могли быть самые различные: врожденные или приобретенные травмы, нарушение обмена веществ и пр. При обработке обувных коллекций, можно диагностировать определенные заболевания, чтобы затем определять частоту их распространения.

Ниже мы приведем наиболее распространенные заболевания стопы и характерные признаки, которые можно диагностировать по нестандартному износу обувных деталей.

1. Подагра³⁷. Для этого заболевания характерны наросты (шишки), деформирующие детали верха при ношении обуви. Четкие следы округлых вытяжек на головке мы наблюдаем у пары туфель, найденных при раскопках Манежной площади (илл. 290).

2. Для варусной деформации (*Pes varus*), при которой стопа вывернута вовнутрь (Назаров, Виноградов, 1941. С. 123) очевиден неравномерный износ деталей пиза. При этом заболевании сильно стесанной оказывается наружная сторона подошвы и нижняя, боковая часть головок или берцов³⁸.

³⁷ От греч. Podagra — букв. каккан для ног. Хроническое заболевание, обусловленное нарушением обмена веществ. Проявляется острыми приступами артрита и деформации суставов с нарушением их функции.

³⁸ Берцы (бортики) — детали верхнего края башмаков.

3. При вальгусной деформации (*Pes valgus*), когда стопа, наоборот, вывернута наружу, наибольшая стертость подошвы и каблука наблюдается, как правило, с наружной стороны подошвы.

4. При такой достаточно распространенной деформации стопы, как косолапость (*Pes equino valgus*) сильный износ подошвы должен быть хорошо заметен с наружной стороны каблука, а также в носочно-пучковой части подошвы. В качестве примера можно рассмотреть подошву и каблук у детского сапожка, обнаруженного при раскопках на Кадашевской пабережной в слое XVII века (Векслер, Осипов, 2000, С. 164). В данном случае отчетливо виден сильно стертый каблук (илл. 291). Учитывая тот факт, что ребенок, в силу возраста, не мог носить такой сапог долго, можно предположить, что заболевание было сильно выраженным.

Таким образом, визуальный осмотр найденных в слое обувных деталей способствует сбору ценной информации для антропологов и специалистов по истории медицины.

2. Клеймение обуви.

Визуальный анализ деталей кожаной обуви позволяет выявить различные виды клейм, расположенных на сапожных подошвах. В словаре русского языка Владимира Даля клеймом называется — *знак, налагаемый на предметы, метка, печать* (Даль, 1881. С. 116). На обуви клейма встречаются довольно редко. На сегодняшний день в собраниях российских музеев известно всего 87 образцов клеймёной обуви XVIII — начала XIX вв.

Самые ранние из этих клейм датируются серединой XVIII в. (Алешина, 1997. Приложение 1). Они выполнены в виде тисненого орнамента: треугольничков, прямых линий, трилистников (ГИМ 22548, Ж-109) и звездочек (ГИМ 23667, Ж-56), образующих различные комбинации (илл. 283). Все известные нам клейма расположены на плантарной части подошвы.

В дальнейшем тисненый орнамент сменяют т. н. «именники» — инициалы мастера, оттиснутые в прямоугольной рамке (коллекция ГИМ Ж-327). Самые ранние «именники» появляются на моделях 30–40-х гг. XIX в. (Алешина, 1997. Приложение 1.).

Привычное нам клеймо в виде товарного знака фирмы-производителя окончательно оформляется лишь к началу XX в. (Алешина, 1995, С. 98. Рис. 3).

При обработке коллекции из раскопок в Зарядье нами были зафиксированы геометрические линии, нанесенные на плантарной части подошв. Из 401 подошвы их следы зафиксированы на 29 экземплярах, что составляет более 7 % от общего числа деталей (табл. 1).

Табл. 1. Клеймение обуви

Подошвы	Количество	Процент
Клейменные	29	7,2 %
Без клейма	372	92,8 %
Всего	401	100 %

На кожу подошвы линии нанесены методом тиснения при помощи заостренного нагретого стержня (шила?). На наш взгляд, тисненные линии, расположенные в этом месте, могли выполнять лишь роль клейма (метки). Чтобы убедиться в этом, попробуем рассмотреть другие функции:

Поскольку орнамент, нанесенный на плаштарную часть подошвы, невиден, декоративную функцию можно исключить.

Неглубокие линии различной конфигурации нельзя рассматривать и в качестве технологического приема, поскольку на физических свойствах подошвы неглубокое тиснение никак не отражается.

Все выявленные нами линии ровно вписаны в контур детали, что свидетельствует о нанесении орнамента после выкройки подошвы, что исключает версию клеймения шкуры.

С помощью метода исключения выясняется, что обнаруженные нами знаки могут быть лишь метками (клеймами), нанесенными на готовую продукцию.

Рисунок клейм различен. Мы можем выделить здесь пять групп:

1. Чаще других встречается метка в виде трех продольных линий, расположенных в перееме (илл. 292). В коллекции насчитывается 22 таких клейма. Подошвы с тремя продольными линиями встречались при раскопках на Машежной площади (материал не опубликован).

2. В единственном экземпляре присутствует копьевидное клеймо (илл. 293). В отличие от остальных меток оно занимает всю площадь подошвы, поэтому сильно стерто³⁹.

3. Подошва с клеймом в виде семи продольных полос имеется в нашей коллекции на двух подошвах (илл. 294). Обувь с этими метками известна по раскопкам некрополя Моисеевского женского монастыря на дамских туфлях первой половины XVIII в. (Векслер, Осипов, 1999 а. С. 217. Рис. 3). Аналогичные метки присутствуют на обуви середины XVIII в., хранящейся в коллекции ГИМа (Алешина, 1997. С. 42).

4. Еще одну разновидность представляет знак в виде двух линий, образующих острый угол (илл. 295). Такое клеймо зафиксировано на подошвах из слоя отходов сапожной мастерской на Пречистенке (Векслер, Осипов, 1999 б. С. 145. Рис. 2, 2).

5. Наиболее сложную композицию имеет клеймо в виде четырехконечного креста с четырьмя отростками, вписанного в двойную трапециевидную рамку (илл. 296). В нашей коллекции подошва с таким клеймом присутствует в единственном экземпляре. Среди более поздней обуви подобные клейма также не встречались.

6. Последняя группа клейм образована сочетанием продольных и поперечных линий (илл. 298). В коллекции Зарядья такое клеймо присутствует в двух экземплярах на различных типах подошв.

По форме края подошв все клейменные подошвы относятся к конструкциям, распространенным в середине второй половины XVII века. Такие модели зафиксированы нами при раскопках на ул. Арбат, Кадашевской набережной и ул. Пречистенка (Векслер, Осипов, 1999 б. С. 145. Рис. 2).

³⁹ Возможно, клейма этого типа присутствовали и на подошвах первой группы, частично стертых в результате ношения обуви.

По результатам выборки процент клейменных подошв в коллекции Зарядья составил 5,1% (12 из 231). Все клейменные подошвы принадлежат к типу т. н. подошв «с крокулем», характерных для моделей с паборным каблучком. Небольшая длина (не более 240 мм) позволяет относить их к моделям женской обуви⁴⁰. Нужно отметить, что при сравнении клейм на подошвах третьей четверти XVII в. из коллекции Зарядья с клейменными туфлями середины XVIII в., хранящимися в ГИМе⁴¹, хорошо видна преемственность рисунка.

Известно, что сапожные клейма имеются не только на московской обуви. Они зафиксированы в коллекциях кожаной обуви Выборга и Твери⁴², поэтому дальнейшая разработка данной темы представляется достаточно перспективной. Ведь клеймо превращает безликую деталь стандартного кроя в гораздо более информативную вещь. Отслеживание клейменной обуви в археологических коллекциях различных регионов может способствовать решению таких вопросов, как сроки формирования ремесленных объединений, определение рынков сбыта отечественной и импортной продукции, миграция населения и т. д.

Клеймение обуви (детали) обозначает принадлежность товара конкретному мастеру, стремившемуся выделить свою продукцию на общем фоне. Продолжение процесса разделения труда внутри самого сапожного производства приводит к изменениям в организации ремесленного производства, способствует сложению ремесленных объединений. На первых порах эти объединения не могли выступать в качестве серьезной силы, конкурировавшей с мануфактурами, ибо они заполняли лишь те ниши, где предъявлялись повышенные требования к индивидуальному ручному труду. При отсутствии точных данных реальную численность ремесленников на начало XVIII столетия установить невозможно. Только в 1726 году, когда во исполнение нескольких указов 1722 года была произведена запись в цехи, было зарегистрировано 6885 московских ремесленников, что в 2,7 раза больше, чем в Петербурге (Материалы по истории крестьянской промышленности, 1950. С. 57). Сапожный цех, бывший одним из самых крупных, насчитывал в 20-е годы XVIII в. 1416 человек (История Москвы, 1997. С. 304).

3. *Обувные подковки XV–XVIII вв.*

Кроме обувных деталей в культурных напластованиях часто встречаются железные обувные подковки, предохраняющие каблук от быстрого износа. В горизонтах XVI–XVIII вв. их количество исчисляется сотнями. В отличие от изделий из кожи, железные подковки более долговечны и хорошо сохраняются в сухом грунте. Тем не менее, несмотря на широкое распространение, эта категория археологических находок до сих пор не

⁴⁰ До XVIII века не существовало конструктивного различия женской и мужской обуви.

⁴¹ Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю благодарность Т. С. Алешиной за возможность ознакомиться с коллекциями и активную помощь в подготовке этого материала.

⁴² Пользуясь случаем, хочу поблагодарить А. В. Курбатова, предоставившего мне эту информацию.

привлекала специального внимания исследователей. Как попутный материал, подковки рассматривались в работах по изучению обувного производства (Изюмова, 1959. С. 192–222), кузнечного (Колчин, 1959, С. 7–121) и железообрабатывающего ремесла (Никитин, 1971. С. 42). Их появление не имеет точной датировки. Одни исследователи относят его к XIV в. (Изюмова, 1959. С. 214), другие — к середине XVI в. (Курбатов, 1997).

В московских коллекциях, обувные подковки не встречаются в слоях ранее XVI в. В многочисленных публикациях археологических коллекций других древнерусских городов различные формы подковок упоминаются без разделения их по хронологическим группам (Гайдуков, 1992, Лабутина, 1967).

К настоящему времени количество подковок значительно возросло, что позволяет систематизировать этот материал, проследив характерные изменения этой категории археологических находок на протяжении XVI–XIX вв.

Базой для исследования послужили коллекции, собранные во время раскопок исторического центра на улицах Арбат, Ильинка, на Старом Гостином дворе и Машежной площади. Общая численность собранных нами обувных подковок составляет 165 единиц.

Впервые описание и систематизация подковок была представлена в работе Б. А. Колчина «Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого» (Колчин, 1959. С. 110), где исследователь выделил два типа крепления подковки к каблуку: на шипах и на гвоздях. Используя этот же признак, А. В. Никитин выделил третий тип обувных подковок с «комбинированным» способом крепления пластины (Никитин, 1971. С. 42). Таким образом, все подковки были разделены по способу крепления на три группы:

1. Врезные (на шипах).
2. Комбинированные.
3. Набивные (на гвоздях).

В типологии О. Н. Левко вместе со способом крепления учитывается также высота и толщина подковки, т. е. размер самой пластины (Левко, 1984. С. 48). В данной работе мы хотели бы сопоставить различные признаки, выделенные предыдущими исследователями. При рассмотрении подковок мы учитывали две группы признаков: размеры пластины и способ ее крепления к каблуку.

В таблице 2 сопоставлены высота и ширина пластины, дающие четыре возможных варианта:

1. Пластина высокая и узкая (илл. 301).
2. Пластина высокая и широкая (илл. 305).
3. Пластина низкая и узкая (такая форма нам не известна).
4. Пластина низкая и широкая (илл. 309).

В четвертом варианте можно выделить подковки как с остроконечной задней кромкой (илл. 304), так и без нее (илл. 302).

В таблице 3 дана корреляция групп, выделенных по размерам со способом крепления. В наших материалах из 18 возможных вариантов представлено 8. Врезные подковки наиболее разнообразны: четыре группы, тогда как набивные и комбинированные — по две.

Расположение этих групп в хронологической последовательности позволяет выстроить следующую схему:

В слоях XVI в. присутствуют лишь врезные подковки. Комбинированные пластины получают распространение в XVII в. и долгое время сосуществуют с врезными подковками. В слое второй половины XVII в. врезные подковки встречаются довольно редко, уступая позиции комбинированным. В горизонтах конца XVII — начала XVIII вв. врезные подковки отсутствуют вовсе. Процесс вытеснения одного типа другим можно проследить на примере коллекции из раскопок Мангазеи, собранной в слое второй половины XVII в. (Белов и др., 1981. С. 50). В коллекции общей численностью 81 шт., из которых 67 экземпляров находятся в хорошей сохранности, врезные подковки составляют 25 % (17 шт.), комбинированные 70 % (47 шт.), а набивные 4,4 % (3 шт.).

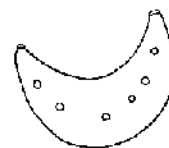
В Москве набивные подковки, как показывают материалы раскопок на Манежной площади, зафиксированы лишь в слое начала XVIII в. Они имеют вид плоской широкой пластины со скругленными краями и отверстиями под гвозди. В нашей коллекции имеется только одна такая подковка.

Набивные подковки доживают до нашего времени и выходят из употребления лишь в последние десятилетия XX в. Это связано с изменениями в технологии обувной промышленности, таких как использование высокопрочных синтетических материалов, не требующих дополнительного укрепления подошвы. В настоящее время объем производства делает ремонт обуви экономически невыгодным, массовое производство обувных набоек давно забыто (за исключением набоек на пшильки).

Теперь мы хотели бы остановиться на развитии формы самой пластины. Врезные подковки, обнаруженные в слое XVI в., представлены тремя группами пластин: высокой — узкой (скоба), высокой — широкой и низкой — широкой. Выделить из этих двух групп более раннюю на основании имеющегося у нас материала мы не можем. Тем не менее высокая и узкая пластина отсутствует и среди комбинированных и, тем более, среди набивных подковок. Зато существует широко распространенная «переходная» форма врезной подковки, более широкой и плоской по отношению к узкой и высокой пластине.

В горизонтах первой половины XVII в. вместе с комбинированными подковками с широкой, низкой пластиной встречаются врезные подковки с такой же пластиной. Широкие и высокие подковки, имеющие квадратное сечение, относятся к редким разновидностям поздних форм, обнаруженных в горизонтах к. XVIII—XIX вв. В Москве в слоях пер. пол. XVII в. найдена лишь одна врезная подковка с подобной пластиной. Таким образом, за исключением редкого варианта широкой и высокой подковки, мы наблюдаем процесс унификации, который приводит к господству одного распространенного варианта (илл. 308). Врезные подковки имеют три варианта пластины: высокую-узкую, высокую-широкую, низкую-широкую. Для комбинированных используется низкая широкая пластина, она же применяется для изготовления набивных подковок, размеры которых со временем уменьшаются. В дальнейшем все более преобладают подковки, закрывающие лишь заднюю часть каблука.

Собранный в наших коллекциях материал позволяет предположить следующую схему: вначале изготовлялись лишь врезные подковки, затем начинается использование комбинированных пластин, которые сосуществуют с врезными, постепенно вытесняя их. И лишь затем появляются набивные подковки.

Использование набивных подковок обеспечивает следующие преимущества:

Во-первых, универсальность. Набойки на заднюю часть каблука подходят как на широкий, так и на узкий каблук. Подходят они также и для носочной части подошвы.

Во-вторых, унификация производства. Широкое разнообразие форм, связанных с определенными каблуками, постепенно сводится к единой универсальной форме, используемой до недавнего времени.

В-третьих, удобство изготовления. Плоские подковки с отверстиями имеют более простую форму.

В-четвертых, удобство крепления. Набивные, плоские пластины не нужно врезать в толщу каблука.

В-пятых, экономия материала. Небольшие плоские набойки требуют для своего изготовления меньше металла.

Представленный подобным образом материал позволяет нам рассматривать вещь в процессе её развития. Понять характер и закономерности этого процесса, установить четкие различия между различными признаками, на основе которых проводится систематизация материалов, а также определить необратимые (макроэволюционные) изменения формы набоек, которые являются как бы хронологическим репером для своего периода.

Хотелось бы еще раз отметить, что подковки существуют не сами по себе, а являются деталью обуви, поэтому форма подковок зависит от ее конструктивных изменений. Появление в обиход новых, более совершенных моделей обуви, заставляет менять форму подковок и способ их крепления. А широкое разнообразие новых фасонов, появившихся в связи с дальнейшим развитием обувного производства и усилившимся влиянием западной моды, способствует, на наш взгляд, стандартизации пластин, пригодных для крепления на каблук любого фасона.

Анализ сырья установили, что основная часть подковок изготовлена из обычного кричного железа (Колчин, 1959. С. 112). Тем не менее при раскопках встречаются подковки из металла желтого цвета, которые имели еще и декоративную функцию. Три такие пластины, украшенные рельефным орнаментом, были выявлены при раскопках на ул. Арбат и ЦВЗ «Манеж» (илл. 311–313).

По сравнению с обычными подковками, декоративные пластины встречаются гораздо реже. Очевидно, что они принадлежали к дорогой, декорированной обуви.

Таблица 2. Размеры пластины

Высота	Ширина	
	узкая (не более 10 мм)	широкая (более 10 мм)
Высокая (свыше 3 мм)	+	+
Низкая (менее 3 мм)	—	+

Таблица 3. Корреляция групп по размерам и способам крепления

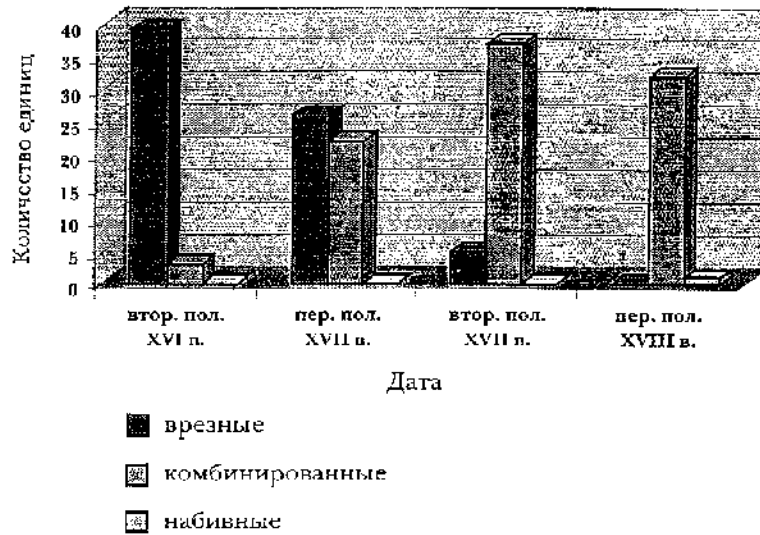
Способ крепления	Форма пластины (сечение)					
	Узкая высокая		Широкая высокая		Широкая низкая	
	без кромки	с кромкой	без кромки	с кромкой	без кромки	с кромкой
Врезные	+	-	+	+	+	-
Комбинированные	-	-	+	+	-	-
Набивные	-	-	+	-	-	-

Таблица 4. Хронологическая последовательность групп подковок

Группы:	XVI в. (втор. пол.)	XVII в. (пер. пол.)	XVII в. (втор. пол.)	XVIII в. (пер. пол.)
1. Врезная высокая узкая без кромки	10	5	-	-
3. Врезная низкая широкая без кромки	23	11	2	-
4. Врезная широкая низкая с кромкой	6	9	3	-
5. Врезная широкая высокая без кромки	-	1	-	-
9. Комбинированная широкая низкая без кромки	3	12	30	17
10. Комбинированная широкая низкая с кромкой	-	10	7	15
15. Набивная широкая высокая без кромки	-	-	-	-
17. Набивная широкая низкая без кромки	-	-	-	1
Всего	165 экземпляров			

Гистограмма 5. Распределение подковок по способу крепления

1. Ритуальная обувь.

В археологической литературе обувь, найденная в погребениях, подразделяется на бытовую — носимую при жизни, и специальную, т. е. «покойницкую». Впервые особый тип погребальной обуви выделил А. В. Арциховский. Анализируя известные ему курганные погребения с остатками обуви, он писал следующее: «подошвы курганной обуви обычно настолько тонки, что она, по-видимому, не носилась, а шилась специально для покойников» (Арциховский, 1930. С. 102). Несмотря на отсутствие рисунков кроя эти описания весьма ценны, поскольку в отчетах других исследователей этого времени они практически не встречаются. По-видимому, описанные А. В. Арциховским башмаки отличались от других моделей, обнаруженных им в курганах. Однако такой признак как толщина подошвы вряд ли следует считать надежным для выделения специальной покойницкой обуви.

Во-первых, нам хорошо известны многочисленные находки бытовых моделей кожаной обуви с тонкой подошвой в культурном слое средневековых поселений XII — нач. XIV вв., что соответствует времени появления описанных в книге курганных групп. А во-вторых, следует учитывать сильное усыхание кожи в песчаной насыпи погребений.

О наличии в курганных погребениях повседневной (бытовой) обуви свидетельствуют находки, сохранившиеся в коллекциях МИГМа (Опись № 28000/30) и ГИМа (Отдел археологии. Инв. № 42436). Кроме того, мы имеем подробное описание такой обуви, зафиксированной в 1953 г. в курганной группе Матвеевское II (Латышева, 1953. С. 48, 52). Здесь, в самом большом кургане, основным было мужское захоронение на горизонте, положенное в гробовине в центре площадки. На обеих ногах покойника сохранились остатки кожаной обуви. Раскрой этой модели был восстановлен специалистами Московского технологического института легкой промышленности (Зыбин, 1960. С. 84, 85). По заключению Ю. П. Зыбина данная обувь не являлась специально пошитой для захоронения, а служила в реальной жизни. Автором раскопок Г. П. Латы-

шевой было высказано мнение об изготовлении обуви деревенским мастером. Поводом для такого заключения послужило отсутствие подобных моделей в культурном слое Зарядья. По-видимому, Г. И. Латышева имела в виду коллекции из Зарядья, хранящиеся в МИГМ⁴³, где присутствовали модели более позднего времени. На сегодняшний день обувь аналогичного кроя зафиксирована в культурном слое XI–XIII вв. Пскова, Новгорода, Полоцка, Твери и др. (Курбатов, 1997).

Анализ форм обувных моделей, найденных в погребениях московского некрополя, позволил нам выявить специфический тип обуви, не встречающийся при раскопках культурного слоя. Все они скроены по одному принципу и имеют четкие признаки, позволяющие отнести такие модели к специальной покойницкой обуви, изготовлявшейся специально для захоронения. На наш взгляд, такую обувь нужно отнести к ритуальной, поскольку она является атрибутом погребального обряда как совокупности ритуально-практических действий, совершаемых с целью захоронения умершего (Ольховский, 1995. С. 88).

В московских коллекциях нам удалось обнаружить одиннадцать неполных пар такой обуви. Для того чтобы лучше представить, как выглядели эти модели, следует рассмотреть их более подробно.

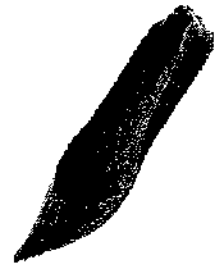
Первая пара «покойницких» туфель была обнаружена при охраняемых раскопках на ул. Ильинка, у церкви Ильи Пророка в женском погребении XVI в. (Векслер, Осипов, 2003. С. 17–30). На этом же участке найден фрагмент туфли, попавшей в слой из разрушенного погребения (илл. 314–317).

Еще одна пара туфель (илл. 319) была зафиксирована при охраняемых раскопках на месте церкви Троицы «в Старых Полях» в Третьяковском проезде в одном из погребений, датированных не позднее середины XVI в. (Векслер, 1999).

Четвертая пара (илл. 320) происходит из раскопок погребения на территории Московского Кремля (ФГУИКМЗ. Арх. № 662). Там же обнаружена и пятая, близкая по форме модель с острым носком (ФГУИКМЗ. Арх. № 663) (илл. 321).

Шестая пара туфель была обнаружена при раскопках некрополя близ церкви Ризположения московского Кремля⁴⁴ в мужском монашеском погребении конца XV – пер. пол. XVI вв. (ФГУИКМЗ, саркофаг № 905). Рядом, в саркофаге № 906, в мужском монашеском погребении того же времени обнаружена седьмая пара, представленная несколькими крупными деталями туфель, конструкция которых близка к вышеописанной модели из саркофага № 905 (илл. 323).

Еще одну, седьмую по счету пару «покойницких» туфель, удалось найти в коллекции из раскопок Зарядья, хранящейся в фондах Музея истории г. Москвы (МИГМ. О. Ф. 27081/1885). Туфли были обнаружены в погребении «...взрослого человека» на территории некрополя XIV–XVI вв. у церкви жен Мироносиц в районе Елецкого переулка⁴⁵. Хотелось

⁴³ В этих коллекциях преобладает материал XVI–XVII вв.

⁴⁴ По предположению автора отчета Г. Д. Пановой, погребения имеют отношение к некрополю Чудова монастыря (основан в 1358 году).

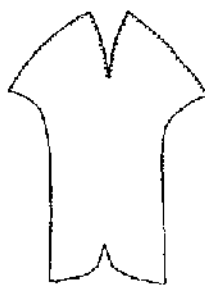
⁴⁵ Сейчас на этом месте расположено здание гостиницы «Россия».

бы отметить, что в отчете упоминаются еще две пары (!) «покойницких» туфель, которые «...взяты не были» (Дубынин, 1955. С. 129, 136). Можно лишь предполагать, что все они имели сходную форму кроя.

Туфли седьмой пары, длина стопы которых составляет 23 см, также выкроены из одного куска кожи, сшитого переметочным, продольным швом по подошве. Форма кроя этой модели аналогична вышеописанной находке из саркофага № 905, обнаруженной у церкви Ризположения в Кремле.

Кроме вышеописанного материала, нам известны еще четыре пары покойницких туфель аналогичного кроя, обнаруженных при раскопках Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря (Раскопки О. Г. Ульянова. Отчета нет)⁴⁶.

Как было отмечено выше, покойницкая обувь зафиксирована и в других русских городах. В Новгороде, на площади Троицкого XI раскопа, были выявлены два комплекса погребений (перезахоронения погребений с кладбища у ц. Василия Парийского). В Старой Рязани в 1832 году зафиксировано погребение с кожаной обувью (ФГУИМКЗ. Отдел рукописных графических и печатных материалов. Фонд акад. Солищева, рис. № 48198). Характерный крой, хорошо видимый на рисунке, аналогичен вышеописанным моделям, найденным в Москве. В Рождественском соборе города Суздаля у северной стены жертвенника, под полом XIII века в белокаменном саркофаге было обнаружено погребение церковного иерарха или монаха⁴⁷. На костяке зафиксированы остатки «...могильной обуви, сфюенной из одного куска кожи» (Глазов, 1994). В соборном храме Переславского Никитского монастыря в погребении преподобного Никиты Столпника Переславского Чудотворца, были обнаружены кожаные сандалии (шлесницы) с закрытой пяткой и открытыми пальцами (Станюкович, 2001. С. 18. Рис. 10). В Серпухове, на территории женского Введенского монастыря были найдены еще несколько пар близких по форме цельнокроеных туфель⁴⁸ и др.

Единые принципы раскроя и сборки такой обуви дают нам возможность установить четкие признаки, отличающие ее от бытовых моделей, также встречающихся в погребениях.

Прежде всего, *материал*. Все туфли изготовлены из достаточно тонкой (1–1,5 мм) кожи. Так, пара туфель, найденная в Третьяковском проезде, изготовлена из кожи ошойка. Для изготовления туфель из Зарядья использовалась кожа выростка⁴⁹. Все имеющиеся в нашем распоряжении туфли не имеют следов износа.

Во-вторых, *конструкция* моделей. Вся обувь принадлежит к типу легкой обуви мягкой конструкции. У этой обуви отсутствуют дополнительные детали — подшаряд, каблук, стелька и т. д. Туфли выкроены из одной или двухчастной заготовки и не имеют крепления для фиксации на ноге.

⁴⁶ Приношу благодарность А. К. Станюковичу за возможность ознакомиться с материалами отчета.

⁴⁷ Сведения любезно предоставлены Г. Д. Пановой.

⁴⁸ Раскопки проводились под руководством М. И. Гоняного в 2001 г.

⁴⁹ Видовое определение кожи сделано зав. лабораторией «Технологии кожаного производства» ЦНИИКП, доктором технических наук В. И. Чурсиным.

В-третьих, *техника* сборки. Описанные нами туфли сшиты тонкой нитью, швом «через край» (переметочным швом). Причем шов зачастую заходит на подошву, проходя вдоль или поперек стопы.

В данном случае очевидно, что принцип конструирования покойницкой обуви заключается в *абсолютной непригодности для повседневного ношения* (тонкая кожа, швы на подошве, отсутствие крепления). В этой связи следует пересмотреть атрибуцию отдельных моделей обуви, найденной при раскопках погребений. Так, представленные в отчете П. С. Шеляпиной (Владимирской) покойницкие туфли, найденные в некрополе Успенского собора московского Кремля в женском погребении первой половины XIII в., по-видимому, нельзя считать таковыми. Сложный крой туфель и наличие подпязда, хорошо видимого на фотографии (Шеляпина, 1965), характерен для бытовой обуви (илл. 322).

Датировку описанных выше туфель определить достаточно сложно, поскольку немногие погребения имеют узкую дату. В публикациях сведения о покойницкой обуви практически отсутствуют. Информацию приходится собирать по материалам отчетов или черпать из устных сведений. Тем не менее мы попробуем выстроить имеющийся у нас материал в хронологической последовательности.

1. Достоверных находок покойницкой обуви в курганах нам не известно. Вся курганная обувь, хранящаяся в музейных коллекциях (МИГМ, опись № 28000/30 ГИМ инв. № 42436. к. II № 4а) относится к бытовым конструкциям. Найденные в погребении Цикиты Столпника (1186 г.) кожаные сандалии с открытым поском и ремешками для крепления к ноге также являются не погребальной, а канонической монашеской обувью (Сталкокович, 2001. С. 39. Рис. 10).

2. Самые ранние из известных нам моделей покойницкой обуви обнаружены в погребении Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря и датируются автором отчета рубежом XIV–XV вв. (Раскопки О. Г. Ульянова. Отчета нет).

3. Описанные выше покойницкие туфли из московского некрополя (№ 1, 3, 6, 7) датируются авторами отчетов концом XV–XVI вв.

4. Самые поздние из известных нам моделей, найденных в Новгороде на территории кладбища у ц. Василия Парийского, по мнению Д. В. Пежемского, следует относить к рубежу XVI–XVII вв. (Пежемский, 1998. С. 152).

При раскопках некрополя Моисеевского женского монастыря в погребениях первой половины XVIII в. были найдены бытовые туфли сложной конструкции со следами износа. (Векслер, Осипов, 1999 а. С. 217. Рис. 3).

На наш взгляд, найденные в погребениях туфли можно соотнести с упоминавшимися в источниках калигами (от лат. *caliga*). Изначально калиги использовались как обувь монахов-странников и выглядели совершенно иначе. В это время их конструкция представляла собой мягкие туфли. В письменных источниках есть указания на использование калиг перед чинном пострига, что свидетельствует об их ритуальном значении. К XVI в. относятся первые упоминания калиг в качестве погребальной обуви монахов (Срезневский, 1893). И. С. Вахрос, ссылаясь на Кормчую книгу, предполагает, что уже с XV в. в калигах могли хоронить не только представителей духовенства, но и высокопоставленных светских лиц (Вахрос, 1959. С. 95).

С первой половины XVII в. калитги используют при погребении усопших мирян «А денег его издержано от могилы да от гробу рубль, калитги купил, дал 4 алтын» (цит. по Вахрос, 1959. С. 96). Очевидно, в это время калитги изготавливались не только из кожи, но и различных видов материй (бархата?) (Савваитов, 1896. С. 44). С первой половины XVIII в. обувание покойников в калитги становится обычным явлением (Вахрос, 1959. С. 96). По записи 1757 года в Устье Великом под калитами подразумевалась «обувь, что на мертвых кладут» (Симони, 1898. С. 445).

Особо хотелось бы отметить необычную конструкцию погребальной обуви, непригодной для повседневного ношения. Понимание такого отличия кроется в основе самого погребального обряда, отражавшего определенные представления о смерти и потустороннем мире. В наши планы не входят поиски корней древних верований, переметнувшихся в области мифологии, или иных устных традиций. Эта тема для специального исследования. Нам же, в данном случае, нужно сопоставить полученный материал с уже существующей культурологической схемой.

По мнению ряда исследователей, принятие внешних форм православного обряда не обязательно сопровождается отказом от прежних языческих обычаев (Макаров, 1997), поэтому в христианском погребальном обряде так отчетливо проявляются языческие истоки, выраженные в сакрализованном антиповедении. Различие же состоит в том, что сакрализованное антиповедение в средневековье постепенно вырождается в собственно ритуальное, когда функция действий сохраняется, но теряется их семантика (Успенский, 1985. С. 329).

Смыкаясь с потусторонним миром, имеющим зеркальные (по отношению к этому миру) связи, погребальный обряд приобретает тем самым сакральный смысл (Успенский, 1985. С. 29), подразумевающий определенную последовательность магических действий. Начинались они с того, что покойному закрывали глаза, в соответствии с представлениями о слепоте умерших. Затем свершалось омовение, и лишь после этого покойника переодевали в специальную «одежду мертвых». Одежда при этом должна быть новой, не соприкасавшейся с живым телом (Карский, 1916. С. 301). Такую одежду нужно было шить без узлов, на живую нитку. При шитье иголку держали левой рукой, в направлении «от себя», т. е. к покойнику (Зеленин, 1916. С. 1246). В таком случае, переметочный шов, проходящий по оси подошвы, должен был иллюстрировать инакость загробного мира.

Причины примитивности кроя калит, напоминающего раннесредневековую одночастную обувь, могут быть подсказаны результатами исследований погребального обряда финно-язычного населения северо-запада России (Копькова, 1999. С. 29, 30). В частности, в среде финно-угорских народов отмечено стремление к архаичности погребальной одежды и обуви. Если покойника обували в сапоги или башмаки, то из них выдергивали железные гвозди, а северные корелы отрывали каблочки. По мнению автора исследований, в результате этих действий погребальная обувь приводилась в соответствие с обувью ранее умерших родственников, с которыми человек соединяется в потустороннем мире. Учитывая явную консервативность погребального обряда, отмеченную в упомянутых работах П. А. Макарова и В. С. Ольховского, можно рассматривать примитивный крой погребальной обуви как подражание обуви предков.

Однако далеко не вся найденная в погребении обувь является ритуальной. Причины, по которым в погребениях наряду с «покойницкой» обувью встречаются обычные модели, объяснить довольно сложно. Связывать этот факт только с материальным положением неверно, поскольку неравенство погребального инвентаря не имеет прямой зависимости от прижизненного статуса покойника. По сведениям этнографических источников XIX–XX вв., многие различия в наборе погребального инвентаря (украшений, головных уборов, одежде и обуви) определялись возрастом погребенного, его социальным и семейным положением (Сабурова, 1988). У русского населения Европейской части России существовали несколько видов одежды, в которой хоронили, в том числе и одежда, специально приготовленная для похорон (Маслова, 1984. С. 85). Так, в Курской губернии молодых женщин, в соответствии с их семейным положением, хоронили в головных уборах (платках и кичках) и надевали шубку, подпоясывая ее шнурками. При этом требовалось, чтобы одежда была мало ношеной. Незамужних девушек зачастую хоронили в наряде невесты. Это делалось с целью обретения незамужними и неженатыми «на том свете» супруга. С этой же целью на похоронах игралась «свадьба». Покойницкая обувь в разных местностях России также имела большие различия. От специальных, сплетенных особым способом, смертных лаптей до валенок — даже, если хоронили летом (Кремлева, 1997. С. 520, 521).

Заключение

Анализ обувных коллекций убеждает нас в том, что направленный процесс развития кожевенно-сапожного ремесла неразрывно связан с культурно-историческим развитием государства, его экономической и политической ориентацией. Определенные изменения этой ориентации преобразовали и облик обуви. Радикальные перемены, существенно изменившие технологию кожевенного производства и, как следствие, внешний вид обувных моделей, позволяют нам разделить историю обуви московской земли на три периода:

1. Середина XII–XIII вв.

Основная часть этого, относительно короткого периода – последнее столетие древнерусской эпохи, предшествовавшей монголо-татарскому нашествию. За это время небольшая сторожевая крепость, возникшая на юго-западных рубежах Ростово-Суздальской земли по воле князя Юрия Долгорукого, приобретает все признаки средневекового города. Благодаря выгодному местоположению в Москве активно развивается ремесло и торговля. Несмотря на разгром и сожжение Москвы в 1177 году рязанским князем Глебом и монголо-татарским разорением 1238 года, Москва довольно быстро восстанавливается, продолжая расти и развиваться.

Уже на начальном этапе существования города в Кремле и на посаде возникают сапожные мастерские. Здесь работают профессиональные мастера, которые шьют обувь мягкой конструкции (туфли, поршни, сапоги), у которой отсутствуют внутренние элементы (детали подкладки). В отличие от Новгорода, где во второй половине XII в. сапоги были доминирующей обувью (Исюмова, 1959. С. 214), в Москве в этот период преобладала обувь низких форм. Для ее изготовления используется тонкая кожа молодых особей крупного рогатого скота (КРС) и мелкого рогатого скота (МРС).

2. Начало XIV–XVII вв.

Образование в Нижнем Поволжье Золотой Орды способствует проникновению технических навыков и технологии обработки сырья из стран Востока. Освоение новых технологий приводит к изменению традиционных форм, приспособленных к новым возможностям раскроя и сборки. Стремительно распространяются сапоги «жесткой конструкции», вытесняя обувь низких форм (туфли, поршни). С начала XIV в. сапоги становятся доминирующей обувью Московской земли, которую носят как взрослые, так и дети. Заимствование технологии сопровождается вхождением в русский язык значительной группы терминов из восточно-

го кожевенного производства: *лабаз, тузлук, шакша*, а также наименований сортов кожи и ее отделки: *булгафа, мусат, сафьян, бахша, бахтарма*.

За этот период Москва становится столичным городом, вокруг которого идет процесс формирования Русского централизованного государства, что способствовало стремительному росту городской территории, развитию ремесла и торговли. В силу того, что столичное кожевенное производство более не могло снабжать сапожников своим сырьем, кожа стала поступать сюда из других районов, где сформировались традиции кожевенного производства (Нижегородской, Костромской, Смоленской, Ярославской земель).

В позднем средневековье впервые возникает такое социальное явление как мода (сравнительно частая смена костюма в связи с увлечением какими-то новинками и подражанием им). На примере обуви мы видим смену фасонов, выраженную в изменении формы носка и высоты каблука. Однако технология выделки кож, а также принципы раскроя и сборки обувных моделей, сформировавшихся еще на рубеже XIII–XIV вв., остаются неизменными вплоть до петровских реформ, знаменующих начало третьего этапа развития обувного производства.

3. Начало – середина XVIII в.

Третий период в истории московской обуви связан с изменением внешней политики Российского государства, ориентированной на активные контакты с Западной Европой. Польская и венгерская мода распространяется среди столичной знати уже при Борисе Годунове. Во второй половине XVII столетия в Москву постепенно проникает общеевропейская (немецкая) мода. Известно, что будущий царь Алексей Михайлович еще при жизни отца завел при дворе моду на короткие кафтаны. Однако, вступив на трон, он вынужден был уступить требованиям духовенства, и вернулся к традиционной русской одежде (Рабинович М. Г. 1986, с. 109–110).

Резкую смену традиционного русского костюма повлекли за собой внешнеполитические изменения начала XVIII в., что иллюстрирует петровский указ от 30 декабря 1701 года «*О ношении всякого чина людемъ Немецкаго платья и обуви...*». Это привело к тому, что к концу правления Петра I, новые костюмы прочно входят в быт дворян, чиновников и военных.

Смена технологии российского обувного производства приводит к увеличению числа конструктивных элементов. У моделей, изготовленных по европейской технологии, появляются не применявшиеся ранее детали, такие как: стелька, геленок, штаферка и супинатор. У обуви, изготовленной на затяжных колодках, доминирует рантовый способ крепления подошвы.

Проникновение западноевропейской моды продолжалось и в последующее время. Преодоление феодальной замкнутости большинства европейских стран и развитие международной торговли способствовало постепенному становлению общеевропейской культуры и, в частности, к сложению единых форм общеевропейского костюма.

Разнообразие ассортимента, вызванное проникновением западноевропейской моды, порождает не существовавшую ранее специализацию обуви.

В данном исследовании рассмотрена обувь московской земли XII—XVIII вв. Однако при сравнении обувных коллекций из других русских городов обнаруживается высокая стандартизация этой категории археологических находок. Основная часть одновременных моделей из Повгорода, Москвы, Владимира или Пскова, на первый взгляд, не имеет больших различий. Это объясняется качественной характеристикой сырья и стремлением ремесленников к оптимальным приемам раскроя и сборки обуви.

На современном этапе определить четкие региональные особенности обуви можно скорее по декору или по степени распространения тех или иных конструкций. Для выявления региональных различий в приемах раскроя и сборки необходим более широкий круг обобщения, который будет возможен лишь на следующем этапе исследования. Надеемся, что для этой цели послужит и наша книга.

Письменные источники

1. Записная книга крепостных актов XV–XVI вв. СПб., 1898.
2. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 23. Сиб., 1910.
3. К. де Бруин. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. Перевод с французского П. П. Барсова, проверенный по голландскому подлиннику С. М. Бродянским. М. 1873.
4. Лаврепьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. (фототип. воспроизвед.: М., 1997.)
5. Летописец начала царствования царя и Великого князя Ивана Васильевича. ПСРЛ. Т. 29. М., 1965
6. Мейерберг А. Путешествие в Московию. М., 1877.
7. Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М.-Л., 1949.
8. Олеарий А. Путешествие в Московию. СПб., 1906.
9. Переписи московских дворов XVII столетия. М., 1886
10. Переписные книги города Москвы 1665–1676 гг. М., 1886
11. Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии // Ред. и пер. Станкевича. М. 1905.
12. Росписной список города Москвы 1638 года // Труды Московского отдела императорского Русского Военно-исторического общества. М., 1911.
13. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии, М., 1988.
14. Флетчер Джильс. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.
15. Якутские акты 1640 г. Картоoteca древнерусского словаря Института языкознания АН СССР.
16. Margeret. Etat de L'Empire de Russie. 1669. Paris.

Археологические отчеты

1. Арциховский А. В, Арсакова М. А, Липеровская Е. П, Левашева В. П. Отчет о раскопках в Московском и Подольском уездах Московской губернии. 1924 год. Архив ИИМК РАН. Ф. 2 опись № 1. № 175.
2. Байбурт Е. К. Отчет о раскопках, произведенных летом 1925 года студентами археологического отделения ФОН 1-го Московского Государственного Университета в Московской губернии близ города Пушкино. Архив ИИМК РАН. Ф. 2 опись № 1. № 178.
3. Брюсов А. Я, Дмитриева П. А, Смирнова А. П., Фосс М. Е. Отчет о раскопках в Московском и Подольском уездах Московской губернии в 1924 году. Архив ИИМК РАН. Ф. 2 опись № 1. № 141.
4. Векслер А. Г. Отчет об охранных археологических раскопках на Манежной площади в 1994 г. Архив ИА РАН. Р. 1. № 18722.
5. Векслер А. Г. Отчет об охранных археологических работах в г. Москве в 1996 г. Кн. V. Охранные археологические работы на Арбате (д. 1/7). Архив ИА РАН. Р. 1. № 20406.
6. Векслер А. Г. Отчет об охранных археологических работах в г. Москве в 1996 г. Кн. III. Охранные археологические работы в Замоскворечье. Кн. 3. Кадашевская набережная дд. 16–18 Архив ИА РАН. Р. 1 № 20402.
7. Векслер А. Г. Отчет об охранных археологических работах в г. Москве в 1996 г. Охранные археологические работы, связанные с прокладкой коммуникаций по ул. Ильинка. Том 3 Архив ИА РАН. Р. 1. № 20390.
8. Векслер А. Г. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством торгового центра по адресу Старый Гостинный двор в 1997 г. Архив ИА РАН. Р. 1. № 20782.
9. Векслер А. Г. Отчет об охранных археологических работах, связанных с возведением торгово-делового комплекса по адресу ул. Арбат, д. 1/7 в 1997 г. Архив ИА РАН. Р. 1. № 20775.
10. Векслер А. Г. Отчет о натуральных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством жилого комплекса с подземной автостоянкой по Молочному пер., вл. 3. в 2001 г. Архив ИА РАН. № 23538.
11. Векслер А. Г. Отчет о натуральных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством московского международного Дома музыки по адресу Космодемьянская наб., д. 52 в 2001 г. Архив ИА РАН. № 23542.
12. Векслер А. Г. Отчет об археологических исследованиях, связанных с реконструкцией здания Московского академического театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко по Б. Дмитровке, 17 в 2002 г. Архив ИА РАН № 23375.
13. Векслер А. Г. Отчет об охранных археологических раскопках на Болотной ул. д. 18 в 2003 г. Архив ИА РАН б/н.
14. Векслер А. Г. Отчет о натуральных охранных археологических исследованиях, связанных с реставрацией и реконструкцией Центрального выставочного зала «Манеж» в 2004 г. Архив ИА РАН. б/н.
15. Владимирская Н. С. Отчет об археологических раскопках в Кремле (г. Москва) в 1982 году. Архив ИА РАН. Р. 1. № 9383.

10. Ворокин Н. Н. Отчет об археологических работах на территории Московского Кремля в 1960 г. Архив ИА РАН. Р. 1 № 2128.
17. Дубынин А. Ф. Отчет о работе московской экспедиции за 1955 год. Архив ИА РАН. Р. 1. № 1110.
18. Дубынин А. Ф. Отчет о работе московской экспедиции за 1956 год. Архив ИА РАН. Р. 1. № 1338.
19. Зыбин Ю. П., Шестакова И. С., Богданов И. А. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи. Архив ИА РАН. Ф-1. № 555.
20. Кренкс Н. А. Отчет об охранных раскопках на Ромаповом дворе в 2002 г. в г. Москва. Архив ИА РАН б/н.
21. Лагышева Г. П. Раскопки курганов у станции Матвеевская в 1953 году. Архив ИА РАН. Р. 1 № 800.
22. Мазуров А. Б. Отчет об археологических исследованиях в г. Коломне в полевом сезоне в 2001 г. Т. 1. Коломна 2004. Архив ИА РАН. б/н.
23. Панова Т. Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Московского Кремля в 1994 году. Архив ИА РАН. Р. 1. № 19652.
24. Пассек Т. С., Киселев С. В., Потапов А. А., Арциховский А. В., Зя. Коробков Н. М., Сытин П. В., Смирнов А. П. Предварительные отчеты о работах на строительстве Московского Метрополитена в 1933 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 2 опись № 1. № 79.
25. Рабинович М. Г. Отчет об археологических раскопках в Зарядье в 1946 г. Архив ИА РАН Р. 1. № 70.
26. Рабинович М. Г. Отчет об археологических раскопках в Зарядье в 1949 году. Архив ИА РАН. Р. 1. № 289.
27. Рабинович М. Г. Отчет об археологических раскопках в Зарядье в 1950 году. Архив ИА РАН Р. 1. № 526.
28. Рабинович М. Г. Отчет об археологических раскопках в Зарядье в 1951 году. Архив ИА РАН. Р. 1. № 568.
29. Рабинович М. Г. Отчет о раскопках у башни Кутафьи Кремля на территории Александровского сада в 1957 году. Архив ИА РАН. Р. 1. № 1321.
30. Сыроватко А. С. Отчет об охранных археологических исследованиях в городе Коломне Московской области в 2002 г. Том 1. Коломна 2003 г. Архив ИА РАН. б/н.
31. Сыроватко А. С. Отчет об охранных археологических исследованиях в городе Коломне и на территории Коломенского района Московской области в 2003 г. Коломна 2004 г. Архив ИА РАН. б/н.
32. Чернов С. З. Отчет московской археологической экспедиции об археологических раскопках. Том. 1–10 Архив ИА РАН. Р. 1. № 13154–64. 1988.
33. Чернов С. З. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в Москве. Архив ИА РАН. Р. 1. Том 1–6 № 14015–1420, № 14662. 1989.
34. Шеляпина Н. С. Московский Кремль. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском Кремле в 1963–1965 гг. Архив ИА РАН. Р. 1. № 3578.
35. Шеляпина Н. С. Отчет об архитектурно-археологических наблюдениях на территории Московского Кремля в 1974 г. Архив ИА РАН. Р. 1. № 5491.
36. Энгватова А. В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Дмитров Московской области в 2002 году. Архив ИА РАН б/н.

Список использованной литературы

1. Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974–1982) // СА. № 3. 1982.
2. Авдусина Т. Д., Панова Т. Д. Археологическая выставка Музеев Кремля. Каталог. М., 1983.
3. Аксенов П. В., Калываев М. К. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979.
4. Алешина Т. С. Обувь, шитая золотом и серебром из Горжки // Памятники русской народной культуры. Труды ГИМ. Вып. 75. М., 1990.
5. Алешина Т. С. Историко-культурный потенциал обуви городского типа в России XVIII – начала XX вв. Дис... канд. ист. наук. М., 1997.
6. Антропова Я. В., Торопова Е. В. Средневековая кожаная обувь Старой Руссы: первые результаты исследования // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Новгород, 2001.
7. Аристов Н. Д. Промышленность древней Руси. СПб., 1866.
8. Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.
9. Арциховский А. В. Новгородские ремесла // ИИС. Вып. 6. Новгород, 1939.
10. Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
11. Арциховский А. В. Основные вопросы археологии Москвы // МИА. Т. 7. М.–Л., 1947.
12. Арциховский А. В. Одежда // История культуры древней Руси. М.: Л., 1948.
13. Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА, Вып. 11. Л., 1949.
14. Бахрушин С. В. Ремесленные ученики в XVII в. // Научные труды. Т. II. М., 1954.
15. Бебре В. В. Типы кожаной обуви Риги XII–XIV вв. и их ареалы // КСИА. Вып. 190. М., 1987.
16. Бебре В. В. Кожаная обувь XI–XVI вв. в Латвии. Диссертация кандидата исторических наук. Рига 1988. Архив ИА РАН. Р – 1 № 2548.
17. Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы (кон. XIII – нач. XV вв.) по данным археологии // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 6. М., 1994.
18. Беляев Л. А., Векслер А. Г. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990-х годов) // РА. № 3. М., 1996.
19. Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре. М., 1990.
20. Богоявленский С. К. Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. М. 1930.
21. Булатова А. Г., Гаджисва С. Ш., Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушкино, 2001.
22. Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959.

23. Вейс Г. История цивилизации. М., 1998.
24. Векслер А. Г., Беркович В. А., Васильев Ю. Ю., Долбня Д. В., Зайцев В. В., Кондрашев Л. В. Охранные археологические исследования в Москве // АО 1995 года. М., 1996.
25. Вардугин В. И. Русская одежда. Саратов, 2001.
26. Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Лагутин А. В. Древние москвовые у начала улицы Ильинки в Москве. Предварительные итоги исследования // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996.
27. Векслер А. Г., Осипов Д. О. Кожаная обувь из раскопок на Маложной площади в Москве (1994 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1997а.
28. Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве). РА № 3. М., 1997б.
29. Векслер А. Г., Осипов Д. О. Кожаная обувь из раскопок на Маложной площади в Москве (1995 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999 а.
30. Векслер А. Г., Осипов Д. О. Мастерская сапожника на ул. Пречистенка в Москве. РА № 2 М., 1999б.
31. Векслер А. Г., Осипов Д. О. Кожаные сапоги из раскопок в Москве. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000.
32. Векслер А. Г., Осипов Д. О. Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы // Археология Подмосковья. М., 2004.
33. Висковатов А. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Том II. СПб., 1841.
34. Владимирская И. С. Археологическое изучение северной части Соборной площади Московского Кремля // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985.
35. Ворокин К. В. Информационно-поисковая система по керамике культур энеолито-бронзового века Волго-Окского междуречья (к вопросу о принципах классификации археологической керамики при изучении межкультурных контактов древности) // Базы данных в археологии. М., 1995.
36. Воронин И. И. К итогам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. Вып. 41. М., 1951.
37. Воронин И. И., Рабинович М. Г. Археологические работы в Московском Кремле. СА. № 1. 1968.
38. Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.
39. Ганина Ю. В. Обувь жителей древней Вологды // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда, 2000.
40. Гданский Л. Сапожник-практик. П.— М., 1917.
41. Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра XII–XIII вв. как этнографический источник // СЭ № 2. М., 1972.
42. Городцов В. А. Типологический метод в археологии. Рязань, 1927.
43. Горская Н. А. Земледелие и скотоводство // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М., 1977.
44. Григорьев М. Г. Древняя Москва // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953.
45. Грант Э. Эволюционный процесс. М., 1901.
46. Громов Г. Г. Одежда // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М., 1977.

47. Гудим-Левкович А. И. Методологические проблемы типологического метода в археологии // РА. № 2. М., 1994.
48. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.- М., 1882.
49. Даниловский П. Технология выделанной кожи дубленой и сыромятной. СПб., 1907.
50. Джонс Дж. Инженерное и художественное проектирование М., 1976. С. 31.
51. Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
52. Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. М., 1985.
53. Дубынин А. Ф. Археологические исследования в Зарядье (Москва). КСИИМК № 65. М., 1956.
54. Дубынин А. Ф. К истории московского посада // КСИИМК. Вып. 68. М., 1957.
55. Дубынин А. Ф. Археологические исследования в Зарядье в 1955 году КСИИМК. Вып. 79. М., 1960.
56. Дубынин А. Ф. Соболева Д. А. Археологические раскопки в Зарядье. КСИИМК. Вып. 96. М., 1963.
57. Дук Д., Соловьев А. Кожевенно-сапожное ремесло Полоцка XVI–XVIII вв. (по итогам археологического надзора на территории Великого посада в 2000–2002 гг. // Гістарычна-археалагічны зборнік № 19. Мінск 2004.
58. Жабрева А. Э. История костюма. СПб. 2002.
59. Забелин И. Е. История города Москвы. Ч. I. М., 1905.
60. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII вв. М., 1901.
61. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв. М., 1915.
62. Забелин И. Е. Слово Даниила Заточника по ред. XII–XIII вв. и их перделкам. Л., 1932.
63. Засурцев П. И. Усадьбы и постройки Древнего Новгорода // МИА. Вып. 123. М., 1963.
64. Зеленин Д. К. Русские народные обряды со старой обувью // Живая старина. № 1–2. СПб., 1913.
65. Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива императорского русского географического общества. вып. 1–3. Пгр., 1914–1916.
66. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
67. Земледельческий журнал. № 5. М., 1838.
68. Зубкова Е. С., Курбатов А. В. Некоторые вопросы сложения традиций средневекового русского кожевенного производства (по материалам Пскова) // Археология и история Пскова и Псковской земли 1991. Псков, 1992.
69. Зыбин Ю. П. Древнерусская обувь XII–XVI вв. Сообщение 1 // Известия вузов. Технология легкой промышленности. №. 4. Киев, 1958.
70. Зыбин Ю. П. Древнерусская обувь XII–XVI вв. Сообщение 2 // Известия вузов. Технология легкой промышленности. №. 6. Киев, 1958.
71. Зыбин Ю. П. Древнерусская обувь XII–XVI вв. Сообщение 3 // Известия вузов. Технология легкой промышленности. №. 5. Киев, 1960.
72. Зыбин Ю. П. Об одной исторической эпохе в развитии конструкции русской обуви // Известия вузов. Технология легкой промышленности. №. 4. Киев, 1961.
73. Зыбин Ю. П. Конструирование изделий из кожи. М., 1963.
74. Зыбин Ю. П. Материаловедение изделий из кожи. М., 1968.
75. Зыбин Ю. П. Технология изделий из кожи. М., 1975.
76. Зыбин Ю. П. История развития конструкций обуви. Учебное пособие по курсу лекций. М., 1978.

77. Иванов М. Н., Шакиланов И. Г., Шанасенко В. А. Товароведение обувных товаров. М., 1990.
78. Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890.
79. Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. Вып. 65. М., 1959.
80. История Москвы. Т. I. М., 1997.
81. Каменецкий И. С. Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.
82. Карский Е. Ф. Белорусы: очерки словесности белорусского племени. Т. 3. Варшава, 1916.
83. Керм Г. Г. Материалы по вопросу об исследовании обуви. Диссертация на степень доктора медицины. Спб., 1913.
84. Конькова О. И. Мужчина и женщина в жизни и после смерти (Археолого-этнографические заметки о погребальном обряде у финноязычного населения Северо-Запада России) // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. МАЭ. т. LVII. Спб., 1999.
85. Клейн Л. С. Археологические источники. СПб., 1995.
86. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве М., 1916.
87. Козырск И. С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974.
88. Кокорина Ю. Г., Лихтер Ю. А. Проникающие орудия и оружие. М., 1995.
89. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. Вып. 65. М., 1959.
90. Колчин Б. А., Хорошев А. С., Яппи В. Л. Усадьба Новгородского художника XII в. М., 1981.
91. Колчин Б. А., Яппи В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
92. Костомаров П. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862.
93. Костомаров П. И. Очерки домашней жизни и прав великорусского народа в XVI–XVII столетиях. М., 1992.
94. Кривцов И. Кожевенное производство. Выделка и отделка кож для обуви. Спб., 1912.
95. Краткий кожевенно-обувной словарь. М.—Л., 1940.
96. Крэмлева И. А. Похоронно-поминальные обряды // Русские. М., 1997.
97. Крис Х. И. О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 77. М., 1959.
98. Кузовкина С. И. К изучению косторезного и кожевенно-обувного ремесел средневекового Торжка // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький, 1990.
99. Кузовкина С. И. Кожаная обувь из раскопок Тверского кремля (1985) // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
100. Кузовкина С. И. Кожаная обувь из раскопок древнего Торжка (1984–1985 гг.) // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь, 1993.
101. Курбатов А. В. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания. Вып. 3. Л., 1991.
102. Курбатов А. В. Опыт исторической интерпретации изделий кожевенно-обув-

- ного производства // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994.
103. Курбатов А. В. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. № 2. 1995.
104. Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери в XIII–XIV вв. // Великий князь Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1996.
105. Курбатов А. В. Кожевенное производство в городах северо-западной России XV–XVII вв. Дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997.
106. Курбатов А. В. К истории лаптя на Руси // Сборник материалов II Тверской археологической конференции. Вып. 4. Тверь, 2001.
107. Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). Тверь, 2004.
108. Лабутина И. К. Раскоп 1967 г. в околном городе Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994.
109. Лапшин В. А. Быт Твери эпохи Михаила Ярославича // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1996.
110. Латышова Г. П. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. // Памятники археологии Москвы и Подмосквья. М., 1954.
111. Латышова Г. П. Торговые связи Москвы в XII–XIV вв. (по материалам археологических раскопок 1959–1960 гг. в Московском Кремле) // Древности Московского Кремля. М., 1971.
112. Левашева В. П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959.
113. Ле Гофф, Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
114. Лезко О. П. Витебск XIV–XVIII вв. Минск, 1984.
115. Лымонов Ю. А. Россия в западноевропейских сочинениях XV–XVII вв. // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
116. Лихтер Ю. А. Проникающие орудия и оружие. М., 1995.
117. Лихтер Ю. А. Археологический источник и базы данных. Выбор модели // Круг идей. М., 1996.
118. Лихтер Ю. А., Столярова Е. К. Конструктивная классификация некоторых предметов материальной культуры древности // Теория и практика классификации и систематики в народном хозяйстве. Тезисы. Пушкино, 1990.
119. Лихтер Ю. А., Осипов Д. О. Московская керамика и московское керамическое ремесло // РА. № 3. М., 1995.
120. Луковки И. Изделия из кожи. М., 1981.
121. Любич М. Г. Обувное материаловедение. М., 1970.
122. Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.
123. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси IX–XIII вв. М., 1997.
124. Макаров Н. А. Материалы круглого стола. 2005. М., РА № 1.
125. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений Т. I. М., 1953.
126. Маслова Г. С. Обувь мужская и женская // Восточнославянский сборник. М., 1956.
127. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984.
128. Материалы по истории крестьянской промышленности. Крестьянская промышленность XVIII в. и первой половины XIX в. Т. II. М.–Л., 1950.

129. Мельникова А. С. Булат и золото. М., 1990.
130. Мерцалова М. Н. Костюмы разных времен и народов. Том. 1–4. М., 1993–2001.
131. Миниатюры к рукописи поэмы «Шахнаме» 1333 год. М., 1985.
132. Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
133. Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М., 1971.
134. Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.
135. Новицкий Г. А. Первые московские мануфактуры XVII в. // Московский край в его прошлом. М., 1928.
136. Носов Н. Е. Ранний город и русское купечество в XVI столетии (к постановке вопроса) // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971.
137. Обувь. Термины и определения. Гост 23251–83. М. 1983.
138. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984.
139. Орлова М. А. О группе произведений древнерусского серебряного дела конца XIV – начала XV вв. (к проблеме генезиса стиля и орнамента) // Древнерусское искусство. Исследование и атрибуция. СПб., 1997.
140. Осипов Д. О. След в истории. Каталог выставки. М., 2000.
141. Осипов Д. О. К вопросу об антропометрических характеристиках и ортопедических заболеваниях населения средневековой Москвы // Древности московской земли. Проблемы современной археологии. Тезисы конференции. М., 2001.
142. Осипов Д. О. Информационные возможности коллекций кожаной обуви (по материалам раскопок в Москве) // РА № 2. М., 2003.
143. Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4. Л., 1962.
144. Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 7. Л., 1965.
145. Оятева Е. И. Кожаная обувь из средневековых городов Польши (Краткий обзор публикаций) // АСГЭ. Вып. 12. Л., 1970.
146. Оятева Е. И. Белозерская кожаная обувь // Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
147. Оятева Е. И. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. Вып. 15. Л., 1973.
148. Оятева Е. И. Обувь из раскопок Переяславля-Рязанского // Археология Рязанской земли. М., 1974.
149. Оятева Е. И. Осбергская обувь (Опыт исторического исследования) // Скандинавский сборник XX. Таллин, 1975.
150. Оятева Е. И. (две публикации средневековой кожаной обуви. Критические замечания) // АСГЭ. Вып. 17. Л., 1976.
151. Памятники архитектуры. М., 1983.
152. Папова Т. Д. Городской погребальный обряд средневековой Руси (XV–XVII вв.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1990.
153. Панова Т. Д. Археология мыса Боровицкого холма Москвы: стратиграфия и хронология // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000.
154. Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е-4-2. 1974.
155. Позднепалеолитическое поселение Сунгирь. (Погребение и окружающая среда). М., 1988.

156. М. Поварнин Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб., 1912.
157. Полонская М. Ю. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Плездово. М., 1991.
158. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
159. Попова С. В. Орнаментация древнерусской обуви как датирующий признак. // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
160. Потапов А. Л. Древний погреб близ Крымской площади. // По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936.
161. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I, II. М., 1910-1912 гг.
162. Прохоров В. Одежда. // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволению. Т. I СПб., 1881.
163. Рабинович М. Г. Работа московской экспедиции КСИИМК. Вып. XXVII. М., 1949.
164. Рабинович М. Г. Раскопки в Москве в 1950 г. // КСИИМК. Вып. 44. М., 1952.
165. Рабинович М. Г. Из истории быта городского населения Руси XI-XVII вв. (по материалам археологических раскопок в Москве в 1946-1951 гг.). // СЭ № 4. М., 1955.
166. Рабинович М. Г. Великий посад Москвы (по раскопкам 1951 года). КСИИМК. Вып. 57. М., 1955.
167. Рабинович М. Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI-XVI вв. М., 1964.
168. Рабинович М. Г. Одежда русских XIII-XIV вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
169. Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
170. Равдоникас Т. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. Л., 1990.
171. Рикман Э. А. Результаты археологических наблюдений в Зарядье (по раскопкам 1949-51 гг.). // КСИИМК. Вып. 57. М., 1955.
172. Ровинский Л. А. Достоверные портреты московских государей. СПб., 1882.
173. Розенфельдт Р. Л. Инструменты московских ремесленников // Древности московского Кремля. М., 1971.
174. Руденко С. И. Горно-Алтайские находки и Скифы. М.-Л., 1952.
175. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.-Л., 1948.
176. Рыбаков Б. А. Ремесло. // История культуры Древней Руси. Т. 1. М.-Л., 1951.
177. Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X-XVI вв. М., 1978.
178. Рындина А. В. Новгородское серебряное дело XIII-XV вв. Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI-XV вв. М., 1996.
179. Сабурова М. А. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии. // Древности славян и Руси. М., 1988.
180. Сабурова М. А. Древнерусский костюм. Одежда. Обувь. Реконструкция древнерусской одежды. // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
181. Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.
182. Сапожно-башмачное ремесло. Практическое руководство. СПб., 1911.

183. Сimoni П. Два старинных областных словаря XVIII столетия. Спб., 1898.
184. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IV. М., 1991.
185. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980.
186. Смирнов А. С. Компьютерные базы данных в археологии. // Компьютер в археологических исследованиях. Базы данных в археологии. М., 1995.
187. Смирнов А. С. Сохранение археологического наследия России. Истории и проблемы. // Российская археология. № 4., М., 2000.
188. Соловьев Д. И. Некоторые итоги изучения коллекции изделий из кожи Федоровских раскопок Новгорода. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 16. Новгород, 2002.
189. Справочная книга обувщика. Т. 1. М.-Л., 1935.
190. Справочник обувщика. М., 1967.
191. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1912.
192. Станюкович А. К. Гробница преподобного Никиты Столпника, Переславского чудотворца. Звенигород, 2001.
193. Сухман М. М. Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
194. Сытин П. В. Из истории московских улиц. М., 1952.
195. Тарасов С. В. Технология и инструменты кожевенно-сапожного ремесла Полоцка и Минска (XI–XVIII вв.) // Памятники науки и техники. 1987–1988 гг. Минск, 1989.
196. Тверская Д. И. Москва – центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959.
197. Терешкович Т. А. Словарь моды. Минск, 1999. С. 39
198. Тихомиров М. П. Москва – столица Московского великого княжества. // История Москвы Т. 1. М., 1952.
199. Тихомиров М. Н. Древняя Москва. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. // Сер. «Клуб любителей истории Отечества». Изд. 2-е. М., 1992.
200. Торговля и промышленность Москвы в XVI–XVIII вв. М., 1910.
201. Тургенев И. С. Собрание сочинений М., Т. I. 1953.
202. Урьева А. Ф., Черных Н. Б. Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопок Пскова. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983
203. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре древней Руси. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
204. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. СПб., 1996.
205. Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. Труды ГИМ. Вып. XXI в. М., 1952.
206. Флеров В. К. Дснь на кожевенном заводе и обувной фабрике. М., 1926.
207. Фоняков Д. И. Обувь и другие кожаные изделия из раскопок Тороща // КСИА. Вып. 195. М., 1989.
208. Хлебникова Т. А. Кожевенное дело // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
209. Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV вв. М., 1963.
210. Хорошкевич А. Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988.
211. Хорошкевич А. Л. «Записки» Мартина Груневсга. // Россия – Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002.

212. Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства в Древней Руси // МИА. Вып. 51. М., 1956.
213. Цалкин В. И. Некоторые итоги изучения костяных останков животных из раскопок Москвы. // Древности Московского Кремля. М., 1971.
214. Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956.
215. Черных И. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994.
216. Шагапова И. М. Технология сборки заготовок верха обуви. М., 1989.
217. Шахмазов А. А. Исследование о Радзивилловской или Кёнигсбергской летописи. Т. II. СПб., 1902.
218. Шеляпина Н. С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963-1965 гг. // Древности московского Кремля. М., 1971.
219. Штыхов Г. В. Опыт исследования древнеполоцкой кожи // СА, № 4. М., 1963.
220. Штыхов Г. В. Дрезний Полоцк. Минск, 1975.
221. Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978.
222. Шут К. П. Обувь древнего Минска. // Вопросы истории. Материалы IX конференции молодых ученых. Минск, 1965.
223. Щапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., 1989.
224. Щапова Ю. Л. Программа изучения керамики. // Древнерусская керамика. М., 1992.
225. Щапова Ю. Л. Морфология древностей. Программа спецкурса. М., 1990. Можно ли построить общую классификацию древнего вещного мира? // История эволюции древних вещей. М., 1994.
226. Щапова Ю. Л. Введение в вещеведение. М., 2000.
227. Щапова Ю. Л. Лихтер Ю. А. Столярова Е. К. Морфология древностей. Киев, 1990.
228. Якунина Л. И. Новгородская обувь XII-XIV вв. // КСИИМК. Вып. XVII. М.-Л., 1947.
229. Якунина Л. И. Фрагменты одежды и обуви // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на о. Фаддея и на берегу Симса. Л.- М., 1951.
230. Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.
231. Bebre V. Adas aravi Riga 13-14 gs. // Archeologija un etnografija. 14. Riga, 1983.
232. Grew F. & de Noergaard M. Shoes and pattens // Medieval finds from excavation in London: 2. London, 1988.
233. Groenman- van Waateringe, W. Die Lederfunde von Haithabu // Berichte uber die Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 21. Neumunster, 1984.
234. Groenman- van Waateringe, W. Leather from medieval Svendborg // The archaeology of Svendborg, Denmark. Vol. 5. Odense, 1988.
235. Groenman- van Waateringe, W. & van den Berg von Tom. Das Leder aus dem Umfeld des Lubecker hafens // Lubecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte. Bd. 18. Bonn, 1992.
236. Goubitz O. The drawing and registretion of archeological footwear // Studies in conservation. Vol. 29. 1984.
237. Hald M. Primitive Shoes. Copenhagen, 1972.
238. Jafvert, Ernfrid. Skomod och skotillverkning fran medelriden till vara dagar. Nordiska Museets Handlingar 10. Stoskholm, 1938.

239. Lacroix. 1862. Historic. pl. XIV, 118, 120. XVII, 151. Paris.
240. Larsen A. J. Skomatialet fra utgravingene i Borgung pa sunnmare 1954-1962. // *Ardor for universitetet i Bergen (Humanistik serie)*, Nr. 1. Bergen-Oslo, 1970.
241. Kubalova L., Herbenova O., Lamarova. *Das grosse Bilderlexikon der Mode*. Praga, 1966. S. 573-575.
242. Leloir M. N. *Historic du costume de l'antiquite a 1914*. Paris, 1933-1938.
243. Milewska M. A metod of rekording late medieval footwear finds // *Archeologia* XIX. Polona, 1980.
244. Navickas K. *Vilniaus gyventoju apavas XIII-XIV gs.* // *Is Lietuviu kulturos istorijos*. 4. Vilnius, 1964.
245. Palmquist E/ *Nagre widh Sidste Kondl: Ambassaden till Tzaren Muscon giorde Observationer Ufwer Russlandh*. Stokholm, 1674.
246. Wiklak H. *Oduwie gdanskie z XIII-XIV wieku* // *Gdansk wczesnosredniowieczny*. t. VI. Gdansk, 1967.
247. Wiklak H. *Polskie obuwie wczesnosredniowieczne z VIII-XIII w. na podstawie wykopalisk* // *Materiały Wczesnosredniowieczne*. T. VI. Wroclaw - Warszawa - Krakow, 1969.
248. Wojtasik J. *Wczesnosredniowieczne wyroby ze skory znalezione na stanowisku 4 w Wolinie* // *Materiały Zachodnio-Pomorskie*. T. VI. Szczecin, 1960.

Приложение 1

Терминологический словарь

- Башмак** – обувь, закрывающая стопу выше лодыжки (Зыбин, 1977. С. 12)
- Бахтарма** – внутренняя (нижняя) поверхность дермы после обработки шкуры, имеет бархатистую фактуру (Краткий словарь..., 1941. С. 12).
- Берцы** – удлиненные боковины головок. Используются у моделей без голенищ. Закрывают подъем стопы, геленостопный сустав, а иногда и нижнюю часть голени (Шаганова, 1989. С. 35).
- Бычина** – вид шкуры крупного рогатого скота (КРС). Шкура кастрированных быков (Краткий словарь..., 1941. С. 17).
- Верх** – часть обуви, закрывающая лятку, тыльную часть стопы и голень (у высокой обуви). Состоит из головки, задника, голенища.
- Вид** – элемент системы, конструктивный элемент. Характеристика предмета с точки зрения соотношения его измерений. (см. емкость, объем, пластина, стержень).
- Выворотный шов.** Детали, сложенные лицевыми сторонами, скрепляют по выровненной части одной строчкой, после чего выворачивают на оборотную сторону, чтобы шов оказался внутри (Шаганова, 1989, с. 67).
- Выросток** – вид шкур крупного рогатого скота (КРС). Шкуры телят в возрасте менее 1 года, перешедших на растительную пищу (Краткий словарь..., 1941. С. 23).
- Геленок** – от. Нем. Das Gelenk – сустав, сгиб, сочленение.
- Геленочная часть** – (перейма) – сужение подошвы в области свода стопы (Краткий словарь..., 1941. С. 24).
- Голенище** – конструктивный элемент обуви, деталь верха, закрывающая голень. (Краткий словарь..., 1941. С. 30).
- Головка (перед)** – деталь верха, закрывающая тыльную часть стопы. (Палицкий, Дэйч, 1990, с. 20).
- Гольевое вещество (гольс)** – собственно дерма, средний слой шкуры без жиров, влаги, минеральных и органических наполнителей (Краткий словарь..., 1941. С. 30).
- Дерма** – (греч. derma – кожа). Соединительнотканная часть кожи животных и человека. Расположена под эпидермисом (Краткий словарь..., 1941. С. 34).
- Детали обуви** – отдельно выкроенные элементы многочастной конструкции, составляющие при сшивании или другом способе соединения полную модель. Детали делятся на основные (подошва, головка, задник, голенище) и дополнительные (подкладку).
- Дратва** – крученая льняная нить, в конец которой, как правило, выстлалась петина. Для лучшей сохранности она пропитывалась воском (Краткий словарь..., 1941. С. 37).
- Дубление** – процесс взаимодействия проникающих в дерму дубящих веществ, приводящий к необратимым изменениям, в результате чего гольс превращается в кожу (Краткий словарь..., 1941. С. 38).

- Жирование** — процесс повышения водостойкости кожи, придания ей мягкости, эластичности, стойкости к многократным изгибам (Краткий словарь..., 1941. С. 44).
- Завязки** (ремни, шнурки) — элемент обувного крепления.
- Задника** — мягкая прокладка на пяточную часть стопы (Зыбин, 1982. с. 10).
- Задник** — конструктивный элемент обуви, деталь низа, закрывающая пятку. Жесткие конструкции обуви включают шитые между собой пластины — т. н. карман задника с собственно задником — твердой прокладкой, изготовленной из кожи, бересты или дуба (Краткий словарь..., 1941. С. 45).
- Заличка** (квашение) — обработка сырья перед дублением кислыми составами для размягчения кож. Обеспечивает лучшее проникновение дубящих веществ в глубинные слои кожи (Краткий словарь..., 1941. С. 46).
- Застежка** — элемент крепления (пряжка, пуговица и пр.)
- Каблук** — наружная деталь низа обуви, служащая для подъема пяточной части стопы на определенную высоту (Шагапова, 1980. С. 22).
- Квашение** — один из терминов для залички в кустарном производстве (Краткий словарь..., 1941. С. 46).
- Конструктивный элемент** — элемент системы конструкция. Часть предмета, выделенная в его конструкции изменением контура (Щапова, 200. С. 55).
- Край** — срез детали.
- Крепление** — приспособление (завязки, отверстия, застежки, язычок) для фиксации обуви на ноге.
- Низ** — детали обуви, находящиеся между стопой и опорной поверхностью (Зыбин, 1982. С. 107).
- Обувь**. 1. (обувище, обувка, обува). Всякая одежда ног, верхняя или исподняя: носки, кофточки, чулки или обертки, подвертки, онучи, сапоги, бахилы, упаки, коты, башмаки, кенги; валепы, катанги; лапти; поршши и пр. (Даль, 1881., с. 628).
2. Изделия из кожи или других материалов, обычно с твердой подошвой носимые на ногах. (Ожегов, 1975. С. 309).
- Общая форма** — Очертания, контуры детали.
- Опоек** — шкура теленка с первичным пелинальным волосным покровом, питавшегося материнским молоком (Краткий словарь..., 1941. С. 99).
- Перед** — деталь обуви, закрывающая пальцы и тыльную часть стопы (Палицкий, Дейч, 1990. С. 20).
- Переметочный** (через край) — вид ниточного шва в виде зигзагообразной строчки с чередованием сквозных проколов (Шагапова, 1989. С. 66).
- Плантарная часть стопы** — подошвенная часть стопы, соприкасающаяся с землей (Краткий словарь..., 1941. С. 136).
- Подметка** — набойка, прикрепленная к нижней плоскости подошвы с целью предотвращения ее износа.
- Поднаряд** — внутренняя деталь, соответствующая по форме и размерам носке. Повышает прочность и формоустойчивость обуви (Шагапова, 1989. С. 39).
- Подошва** — деталь, расположенная под всей плантарной поверхностью стопы (Палицкий, Дейч, 1990. С. 20).
- Подошва с крокулем** — подошва, пяточная часть которой имеет форму фронтальной поверхности каблука (Палицкий, Дейч. 1990. С. 20)

- Потайной шов** — вид ниточного шва. Скрепление деталей, при котором отверстие шва проходит в толще кожи, не выходя на лицевую поверхность (Поварнин, 1912. С. 148).
- Рант** — узкая полоска кожи, используемая как связующее звено для крепления верха обуви с подошвой при ниточных способах крепления (Справочник обувщика 1989. С. 181).
- Сквозной (сандальный) шов** — вид нитяного шва. Скрепление деталей прямой строчкой насквозь. (Поварнин, 1912. С. 139).
- Стежок** — участок строчки, заключенный между двумя смежными проколами. Ряд стежков образует строчку. (Шагапова, 1989. С. 61).
- Стежка** — дополнительная деталь, служащая основанием для крепления подошвы, головки и задника (Краткий словарь..., 1941. С. 135).
- Супинатор (геленок)** — дополнительная деталь, конструктивный элемент в виде жесткой деревянной или металлической прокладки, закрепляемой на внутренней стороне подошвы в области свода стопы для лучшего поддержания свода стопы (Краткий словарь..., 1941. С. 143).
- Тачной шов** — вид ниточного шва, при котором детали складываются одноименными сторонами и скрепляются по выравненному краю одной, реже двумя строчками (Шагапова, 1989. С. 65).
- Токмачик** — отслочный инструмент, применявшийся для отделки каблука (Сапожно-балтачное ремесло. 1911. С. 29).
- Туфля** — обувь, закрывающая стопу ниже лодыжки (Зыбин 1977. С. 12).
- Фумель** — отделочный инструмент, применявшийся для уреза подошвы и накатки каблука (Краткий кожевенно-обувной словарь. 1940. С. 156).
- Шов** — место соединения деталей при помощи полоски кожи или ниток (Шагапова, 1989. С. 61).
- Штаферка** — полоска кожи или ткани, пристрачиваемая к верхней части берцов (Краткий кожевенно-обувной словарь. 1940. С. 168, 169).
- Эпидермис (надкожица)** — верхний наружный слой кожи (Краткий словарь..., 1941. С. 171).
- Юфтевые кожи (юхта)** — выделяются из шкур молодых животных крупного рогатого скота и конины. Предназначаются для изготовления деталей верха. Обладает эластичностью, мягкостью и чистотой лица (Краткий словарь..., 1941. С. 171).
- Язычок** — наружная деталь, предохраняющая стопу от давления шнурков или других застежек, а также предотвращающая попадание в обувь пыли и грязи (Шагапова, 1989. С. 37).
- Яловка** — шкуры коров в возрасте старше полутора лет (Краткий словарь..., 1941. С. 171).

Справочники-классификаторы

Алгоритм описания: Конструкцию обуви создают различные комбинации конструктивных элементов. Следовательно, программу описания каждого элемента достаточно дать один раз. Например, если в списке элементов указана головка или подошва, то неважно к какой модели она относится — к башмаку, сапогу или поршпо. В справочник-классификаторе достаточно слов для описания самых разнообразных форм. Для описания формы обуви по предлагаемому алгоритму необходим следующий порядок действий:

1. Определить набор конструктивных элементов, характеризующих вещь в целом (имеются в виду целые модели).

При определении набора конструктивных элементов необходимо установить, отсутствует ли конструктивный элемент в конструкции вещи (например, у модели нет задника) или же это нельзя установить из-за плохой сохранности обуви. В первом случае ставится «0», во втором — «нельзя установить». Если обувь описывается по рисунку, на котором не отражены те или иные позиции, можно написать «нет сведений».

2. Затем по таблице 1 определить класс, к которому относится та или иная модель (верх + низ; низ + подкладка + крепление и т. д.).

3. Определить набор конструктивных элементов и класс сложного конструктивного элемента — т. е. из каких элементов состоит верх (головка, задник, голенище), низ (подошва, каблук), внутренние детали (стелька, поднаряд, супинатор, рант) и крепления (отверстия, завязки, застежки, язычок).

4. Найти структуру описания для перечисленных простых конструктивных элементов.

5. Найти словарь-классификатор, соответствующий каждой позиции. Если информация исчерпана, то на следующих уровнях описания лучше ставить «0». Это позволяет отличить исчерпанную информацию от информации неполной. Пропуск уровней, например переход от первой колонки к третьей, недопустим.

6. При наличии нескольких однотипных элементов конструкции (например, два отверстия) каждое из них описывается отдельно.

7. После описания конструкции и формы необходимо определить вид кожи, пользуясь соответствующим справочником-классификатором.

8. Затем, используя справочник-классификатор следов технологических операций, можно определить тип шва. Следует помнить, что на конструктивных элементах может быть несколько швов разных видов.

Справочники-классификаторы организованы в виде матрицы, которая состоит из нескольких колонок. В первой колонке содержатся термины, описывающие признаки, которые можно определить даже на небольшом фрагменте. Во второй колонке содержатся уточнения к терминам первой, в третьей — уточнение ко второй и т. д. Такая организация позволяет не только описывать, но и сравнивать между собой вещи различной сохранности.

При работе с предлагаемой системой есть возможность использовать разные уровни — от фиксации набора конструктивных элементов до подробного описания каждой из перечисленных позиций.

Раздробление информации о вещи позволяет исследователю иметь в поле зрения те подсистемы, которые необходимы при решении поставленных им задач. При этом признаки, с которыми ведется работа, являются выделенными не произвольно, а в соответствии с определенными правилами. Уровень обобщения материала зависит от постановки задачи.

СПРАВОЧНИКИ-КЛАССИФИКАТОРЫ

Морфология

Справочники-классификаторы для описания формы конструктивных элементов были составлены участниками семинара «Морфология древностей» (Щапова, 1989, С. 32-75; Щапова, Лихтер, Столярова, 1990; Лихтер, Щапова, 1991; Кокорина, Лихтер, 1995). Авторы приспособили их для описания деталей кожаной обуви.

ВИД

I	II	III	IV
1. Пластина	1. Геометрический	1. Ровный	1. Полный
2. Объем		2. Выпуклый	2. Половина
3. Емкость		3. Вогнутый	
4. Стержень		4. Изогнутый	
5. Разные части		5. Скошенный	

КРАЙ (срез деталей)

I	II	III
1. Острый	1. Расходящийся	1. Симметричный
2. Выпуклый	2. Сходящийся	2. Асимметричный
3. Вытянутый	3. Параллельный	3. Граненый
4. Вогнутый		4. Ровный
5. Плоский		5. Неровный
6. Сложный		

ЛИНИЯ СОЕДИНЕНИЯ

I	II	III
1. Встык	1. Угол	1. Угол прямой
2. Отступ	2. Дуга	2. Угол острый
	3. Прямая	3. Угол тупой
		4. Выпуклая
		5. Вогнутая

ОБЩАЯ ФОРМА

I	II	III
1. Округлая	1. Цилиндр	1. Усеченный
2. Граненая	2. Конус	2. Усеченный дважды
	3. Конус расходящ.	3. Вогнутый
	4. Биконус	4. Ровный
	5. Куб	5. Скругленный
	6. Призма	6. Заостренный
	7. Пирамида	
	8. Бипирамида	
3. Плоская	1. Круг	
	2. Эллипс	
	3. Овал	
	4. Квадрат	
	5. Прямоугольник	

ПОПЕРЕЧНОЕ СЕЧЕНИЕ

I	II	III	IV
1. Округлый	1. Крутлый	1. Усеченный	1. Одинарный
2. Граненый	2. Овальный	2. Изогнутый	2. Двойной
3. Ребристый	3. Полукруглый	3. Загнутый	3. Тройной
4. Бугристый	4. Полуовальный	4. Гладкий	4. Четвертной
5. Плоский	5. Треугольный		5. Сложный
	6. Квадратный		6. Асимметричный
	7. Прямоугольный		
	8. Розетка		
	9. Фигурный		
	10. Ромбический		
	11. Сектор		
	12. Шестиугольный		
	13. Сердцевидный		
	14. Сегмент		
	15. Почковидный		

СТРОЕНИЕ

I	II	III
1. Сплошной	1. Цельный	1. Отдельный элемент
2. Ажурный	2. Составной	2. Продолжение другого элемента
		3. Совмещен с другим элементом

МЕСТО РАСПОЛОЖЕНИЯ

I*	II**
	1. Вверху
	2. Внизу
	3. Справа
	4. Слева
	5. В центре
	6. В углу
	7. Внутри

Примечания

* На первом уровне указывается тот конструктивный элемент, на котором расположен описываемый элемент.

** На втором уровне указывается, в какой части конструктивного элемента оно расположено.

ОТВЕРСТИЕ

Форма

I	II
1. Коническое	1. Деформированное
2. Биконическое	2. Несовершенное
3. Цилиндрическое	
4. Бицилиндрическое	
5. Призматическое	
6. Бипризматическое	
7. Пирамидальное	
8. Бипирамидальное	
9. Расширенное внутри	
10. Дугообразное	

МАТЕРИАЛ

В случае использования помимо кожи другого материала для изготовления отдельных деталей обуви (бересты, войлока, ткани и т. д.) имеет смысл указывать это. Например: вкладная стелька — войлок; задник — береста; головка — ткань и т. д.

ОПИСАНИЕ КОЖИ

1. Вид животного

- Корова
- Лошадь
- Овца
- Коза
- Свинья

2. Поверхность шкуры:

- 1. Ровная
- 2. Бугристая
- 3. Форма устья волосяных каналов

I

- 1. Округлое
- 2. Вытянутое

II

- 1. Крупное
- 2. Мелкое

4. Расположение волосяных каналов:

I

- 1. Рядное
- 2. Равномерное
- 3. Треугольное

II

- 1. Слабо выражено
- 2. Ярко выражено

5. Расщепление

- 1. Есть
- 2. Нет

2. Профрас

- 1. Равномерный
- 2. Неравномерный

ТЕХНОЛОГИЯ

Швы

- 1. Сквозной
- 2. Выворотный
- 3. Тачной
- 4. Потайной
- 5. Через край

Формовки

- 1. Есть
- 2. Нет

СЛЕДЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Форма отверстий от швов

I

- 1. Сквозные
- 2. Несквозные

II

- 1. Прямоугольн.
- 2. Округлые
- 3. Овальные
- 4. Заостренные

III

- 1. Прямые
- 2. Диагональные
- 3. Скругленные

IV

- 1. Частые
- 2. Редкие

V

- 1. Один ряд
- 2. Двойной ряд

Деформация края

1. Есть
2. Нет

Определение шва по виду отверстий

1. Ряд сквозных отверстий без деформации края — сквозной шов
2. Двойной ряд несквозных отверстий — потайной шов
3. Ряд сквозных отверстий, выходящих в торец — тачной шов
4. Ряд сквозных отверстий, фестонная деформация края — шов через край

Дополнительная обработка изделия

I	II	III	IV
1. Линии	1. Прямые	1. Видимые со стороны бахтармы	1. Одиночные
2. Прорезы	2. Косые	2. Не видимые со стороны бахтармы	2. Множественные
3. Проколы			

Примеры описания различных форм обуви

Модели обуви, приведенные на илл. № 22

Илл. ПОРШЕНЬ. Полная форма
По: Рабинович, 1964. С. 287. Рис. 124, 4

		КОНСТРУКЦИЯ	
НИЗ	ВЕРХ	КРЕПЛЕНИЕ	ПОДКЛАДКА
1	1	1	0
НИЗ			
подошва	каблук		
1	0		
ВЕРХ			
головка	голенница	задник	
1	0	1	
КРЕПЛЕНИЕ			
завязки	застежки	отверстие	язычок
1	?	1	?

ФОРМА И РАЗМЕРЫ

головка

Носок — обрез края: выпуклый, сходящ., симметр.
Верх — обрез края: сложн., параллельн., неровн.
Размеры — нет сведений
Строение: сплошн., цельн., продолж. друг. элемента

Задник

Низ — обрез края: плоск., паралл., ровн.
Верх — обрез края: плоск., параллельн., ровный
Размеры — нет сведений
Строение: сплошн., цельный, прод. др. элемента

Подошва

Носок — обрез края: выпукл., сход., симметричн.
Пятка — обрез края: выпуклый
Размеры — нет сведений
Строение: сплошн., цельн., прод. друг. элемента

ШОВ

Нет сведений

МАТЕРИАЛ

кожа / ?

Илл. САНДАЛИЯ. Полная форма
По: Флеров, 1926. С. 26. Рис. 5

		КОНСТРУКЦИЯ	
НИЗ	ВЕРХ	КРЕПЛЕНИЕ	ПОДКЛАДКА
1	0	1	?
НИЗ			
подошва	каблук		
1	0		
КРЕПЛЕНИЕ			
завязки	застежки	отверстие	язычок
1	?	1	?

ФОРМА И РАЗМЕРЫ

головка

Носок — обрез края: выпукл., сход., симметричный
Пятка — обрез края: выпуклый
Голеник — линия соедин.: отстун, дуга, вогнутая (?)
Строение: сплошн., цельн., отдельн. элемент

ШОВ

Нет сведений

МАТЕРИАЛ

кожа / ?

Илл. ТУФЛЯ. Полная форма
Флеров, 1926. С. 26. Рис. 5

КОНСТРУКЦИЯ			
НИЗ	ВЕРХ	КРЕПЛЕНИЕ	ПОДКЛАДКА
1	1	0	0
НИЗ			
подошва	каблук		
1	1		
ВЕРХ			
головка	голеннице	задник	
1	0	1	

ФОРМА И РАЗМЕРЫ

головка

Носок — **обрез края:** выпукл., сход., симм.
Верх — **обрез края:** выпукл., сход., симм.
Размеры — нет сведений
Строение: сплошн., цельн., отдельн. эл.

Подошва

Носок — **обрез края:** выпукл., сход., симм.
Пятка — **обрез края:** выпуклый
Гелепок — **линия соедин:** отступ., дуга, вогнут. (?)
Строение: сплошн., цельн., прод. др. эл.

Каблук

Вид: объем ровный
Строение: сплошн., цельн., отдельн. эл.
Размеры — нет сведений

ШОВ

Нет сведений

МАТЕРИАЛ

кожа / ?

Илл. ТУФЛЯ. Полная форма
Попова, 2001. С. 219. Рис. 2

КОНСТРУКЦИЯ			
НИЗ	ВЕРХ	КРЕПЛЕНИЕ	ПОДКЛАДКА
1	1	1	?
НИЗ			
подошва	каблук		
1	0		
ВЕРХ			
головка	голеннице	задник	
1	0	1	

ФОРМА И РАЗМЕРЫ

головка

Носок — **обрез края:** вогнут., сход., симм.
Верх — **обрез края:** плоск. паралл. ровн.
Размеры — нет сведений

Задник

Низ — **обрез края:** плоск., паралл., ровн.
Верх — **обрез края:** плоск., параллельн., ровный
Строение: сплошн., цельный., прод. др. элемента

Подошва

Носок — **обрез края:** острый, сходящ., симм.
Пятка — **обрез края:** выпуклый
Гелепок — **линия соедин:** отступ., дуга, вогнут. (?)
Строение: сплошн., цельн., отдельн. элемент

ШОВ

Нет сведений

Дополнительная обработка

Проколы прямые, видимые со стороны бахгармы, множественные

МАТЕРИАЛ

кожа / ?

Примеры описания деталей обуви, собранной при раскопках в Зарядье.

Илл. САПОГ. Полная форма
Флеров, 1926. С. 26. Рис. 8

КОНСТРУКЦИЯ			
НИЗ	ВЕРХ	КРЕПЛЕНИЕ	ПОДКЛАДКА
1	1	1	0

НИЗ

подошва	каблук
1	1

ВЕРХ

головка	голешище	задник
1	0	1

КРЕПЛЕНИЕ

завязки	застежки	отверстие	язычок
0	?	1	?

ФОРМА И РАЗМЕРЫ

головка

Носок — обрез края: выпукл., сход., симм.

Верх — обрез края: выпукл., сход., симм.

Размеры — нет сведений

Строение: сплошн., цельн., отдельн. эл.

Задник

Низ — обрез края: плоск., паралл., ровн.

Верх — обрез края: плоск., параллельн., ровный

Размеры — нет сведений

Строение: сплошн., цельный, прод. др. элемента

Подошва

Носок — обрез края: выпукл., сход., симм.

Пята — обрез края: выпуклый

Геленок — линия соедин: отступ., дуга, вогнут.(?)

Строение: сплошн., цельн., прод. др. эл.

Каблук

Вид: объем ровный

Строение: сплошн., цельн., отдельн. эл.

Размеры — нет сведений

ШОВ

Нет сведений

МАТЕРИАЛ

кожа / ?

№ 276. САПОГ. Деталь
Год 1957. Раскоп 5 опись № 1527
Комплекс: квадрат 6/н пласт 12

КОНСТРУКЦИЯ			
НИЗ	ВЕРХ	КРЕПЛЕНИЕ	ПОДКЛАДКА
?	?	?	1

ПОДКЛАДКА ДЕТАЛИ

Задник	стелька	поднаряд	супинатор
?	?	1	?

ФОРМА И РАЗМЕРЫ

Поднаряд

Носок — обрез края: острый, сход., асимм.

Верх — обрез края: острый, сход., симм.

L (длина) 14, 00

S (ширина) 12, 00

E (толщина) 0, 12

Строение: сплошной цельный отд. элем.

ШОВ

Переметочный поднаряд верх — обрез края

Сквозной поднаряд носок — обрез края

МАТЕРИАЛ

кожа / ?

Илл. № 277 САПОГ. Деталь
 Год 1957. Раскол 5 опись № 1398
 Комплекс: квадрат 107 пласт 22

КОНСТРУКЦИЯ			
НИЗ	ВЕРХ	КРЕПЛЕНИЕ	ПОДКЛАДКА
?	1	?	?

ВЕРХ		
головка	голеньице	задник
?	?	1

ФОРМА И РАЗМЕРЫ

Задник

Низ — обрез края: плоск., паралл., ровн.

Верх — обрез края: ?

H (высота) 0, 00

C (ширина) 18, 00

Строение: сплошн., цельный, отд. элемент

ШОВ

? задник верх — обрез края

выворотн. задник боков. — обрез края

сквозной задник низ — обрез края

МАТЕРИАЛ

кожа / крупн. рогатый скот

№ 349. ПОРШЕНЬ. Полн. форма
 Год 1955. Раскол 5 опись № 1122
 Комплекс: квадрат 59 пласт 18

КОНСТРУКЦИЯ			
НИЗ	ВЕРХ	КРЕПЛЕНИЕ	ПОДКЛАДКА
1	1	1	0

НИЗ	
подошва	каблук
1	0

ВЕРХ		
головка	голеньице	задник
1	0	1

КРЕПЛЕНИЕ			
завязки	застежки	отверстие	язычок
1	?	1	?

ФОРМА И РАЗМЕРЫ

головка

Носок — обрез края: выпукл., сходящ., симметр.

Верх — обрез края: вогнутый

L (длина) 10, 00

C (ширина) 7, 00

E (толщина) 0, 30

Строение: сплошн., цельн., продолж. друг. элемента

Задник

Низ — обрез края: плоск., паралл., ровн.

Верх — обрез края: плоск., параллельн., ровный

H (высота) 4, 00

C (ширина) 0, 00

Строение: сплошн., цельный, прод. др. элемента

Подошва

Носок — обрез края: выпукл., сход., симметричн.

Пятка — обрез края: выпуклый

Геленок — линия соединения: встык линия прямая

Строение: сплошн., цельн., прод. друг. элемента

C (ширина) h 10, 00

C (ширина) m 9, 00

C (ширина) b 7, 00

E (толщина) 3, 50

Клеймо: 0

Строение: сплошной цельный, продолжение другого элемента

ШОВ

Сквозной головка верх — обрез края

? головка низ — обрез края

МАТЕРИАЛ

кожа / ?

Консервация кожи в полевых условиях

Известно, что извлеченная из влажного культурного слоя кожа, в отличие от керамики, довольно быстро высыхает и разрушается. Какая-либо литература с описанием способов консервации археологической кожи в полевых условиях, нам не известна. Ниже мы приводим различные способы хранения и первичной обработки кожи в условиях камеральной лаборатории, которыми любезно поделились с нами наши коллеги⁵⁰.

1. Методика хранения кожи в полевых условиях⁵¹.

Для консервации кожи наиболее рациональными можно считать следующие действия: извлеченные из слоя находки пакетируются и хранятся единым блоком — по пластам (лрусам, слоям) и квадратам, при этом находки в разные дни, но происходящие из одного слоя и квадрата, хранятся в одном пакете; сильно влажные кожаные предметы (из заполнения колодцев и т. п. мест) лучше сначала подсушить на раскопе (или в другом месте), исключая попадание на предметы прямых солнечных лучей, накрыв их бумагой, но при этом не пересушивать; размывать кожаные предметы желательно сразу же после их извлечения из изъятия из культурного слоя — ранее их полного высыхания; при невозможности этого находки лучше всего запаковать в бумагу несколько влажными, создав условия для их медленного (последовательного) высыхания, что уменьшает или исключает вероятность расслоения кожи; при медленном высыхании предметы должны храниться в теплом, сухом и проветриваемом помещении, исключая гниение (плесневение) находок.

Размыв находок желательно вести специалисту, имеющему опыт работы с археологическими кожаными находками, поскольку на коже могут сохраняться слабые следы окраски или другой легко уничтожимой отделки, а также присутствовать металлические или растительные нити от сшивания и декора и другие особенности, показывающие процесс изготовления или эксплуатации; человек, не знакомый с этими особенностями кожаных предметов, может невольно смыть такие следы (Курбатов, 1997. С. 36).

2. Методика консервации кожаных изделий до попадания в реставрационную мастерскую⁵².

Первичная механическая очистка кожаных изделий производится при помощи скальпеля и жестких флейцев. Зачастую, пролежавшая в земле кожа (особенно из погребений) имеет высокую степень зараженности микроорганизмами. Предварительная антимикробная обработка и очистка от плесени проводится 3% водно-спиртовым раствором «Preventol R 80» фирмы Байер, который наносится на кожу кистью.

Для пластификации ломкой и пересушенной кожи используется раствор следующего состава:

1. ПЭГ (полиэтиленгликоль) марки 300—400 — 25%
2. Спирт — 25 %
3. Дистиллированная вода — 50 %

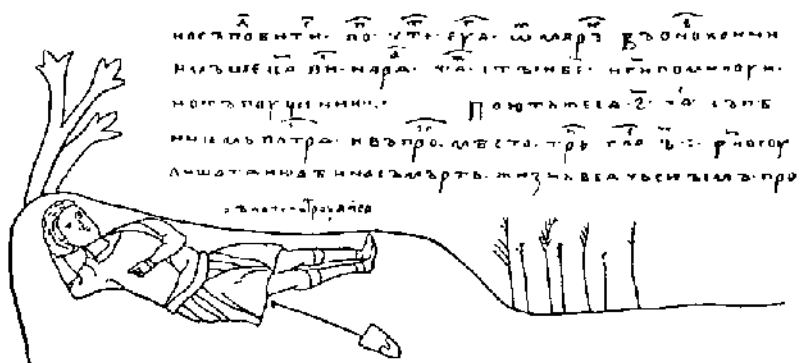
Изделие заливается данным раствором и помещается в полиэтиленовый пакет на 4—6 недель.

⁵⁰ Пользуясь случаем, автор выражает благодарность А. В. Курбатову и Н. П. Синициной, любезно предоставивших ему свою методику хранения и обработки изделий из кожи.

⁵¹ Разработана научным сотрудником отдела славяно-финской археологии ИИМК А. В. Курбатовым.

⁵² Разработана художником-реставратором Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» Н. П. Синициной.

Иллюстрации

Илл. 1. Отдыхающий крестьянин.
Рисунок на полях церковной рукописи XII в.

Илл. 2. Разнообразные виды обуви,
изображенной на фресках

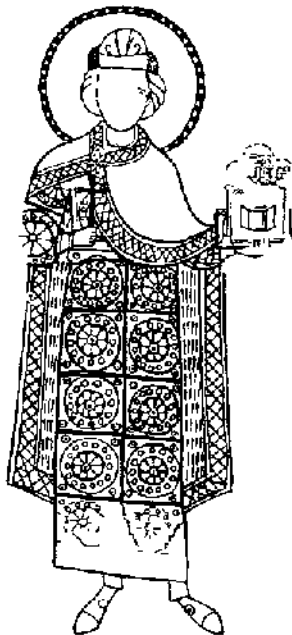
Илл. 3. Портрет Василия III
на гравюре венцианского издания
«Записок о Московии» С. Герберштейна
(20-е гг. XVI в.)

Илл. 4. Представление русских послов
императору Максимилиану (1576 г.). Фрагмент миниатюры

Илл. 5. Изображение горожан
на инициалах рукописей XIII–XIV вв.

Илл. 6. Изображение князя
Всеволода Мстиславича (?)
в рукописи XII в.

Илл. 7. Фигура мастера Авраама
на Корсунских вратах Новгородского
Софийского собора

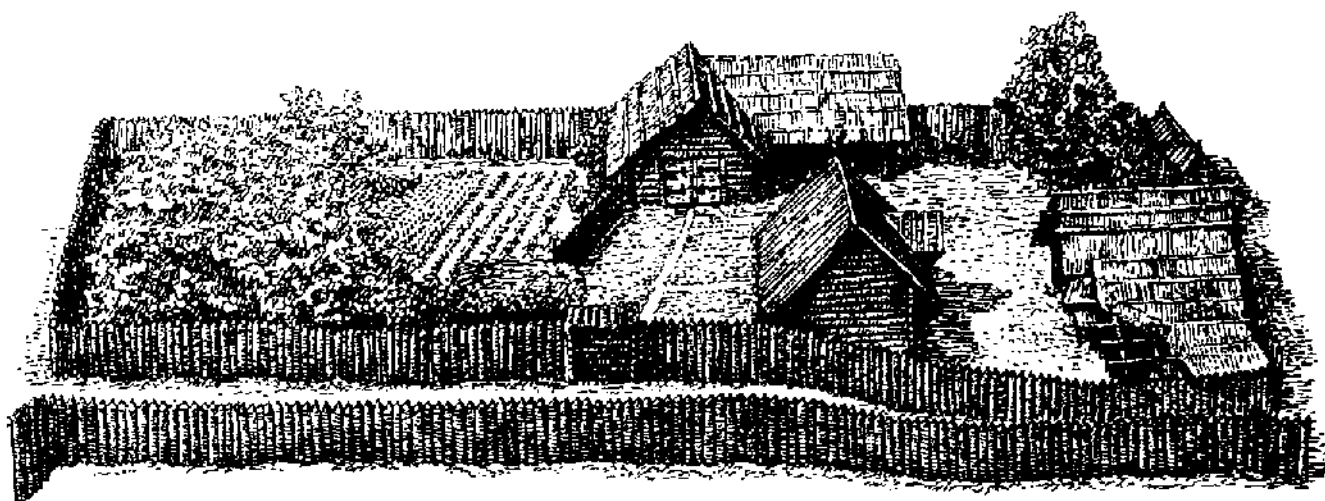
Илл. 8. Изображение Великого князя Киевского Святослава Ярославича с женой и сыновьями (1073 г.)

Илл. 9. Кузнецы за работой.
 Миниатюра из лицевого свода (XVI в.)

Илл. 10. Представление русских послов
в. к. Василия Ивановича Племянникова и Истомы
императору Максимилиану. Гравюра

Илл. 11. Усадьба сапожника. Макет М. В. Городцова (МИГМ)

Илл. 12. Стрелецкий голова.
Рисунок из альбома Э. Пальмквиста
(1674 г.)

Илл. 13. Лавка сапожника (30-е гг. XVII в.).
Рисунок из книги А. Олеария «Путешествие в Московитю»

Илл. 14. Верхние одежды мужчин и женщин.
Рисунок из книги А. Олсария «Путешествие в Московию»

Илл. 15. Наказание перед строем.
Рисунок из альбома Э. Пальмквиста (1674 г.)

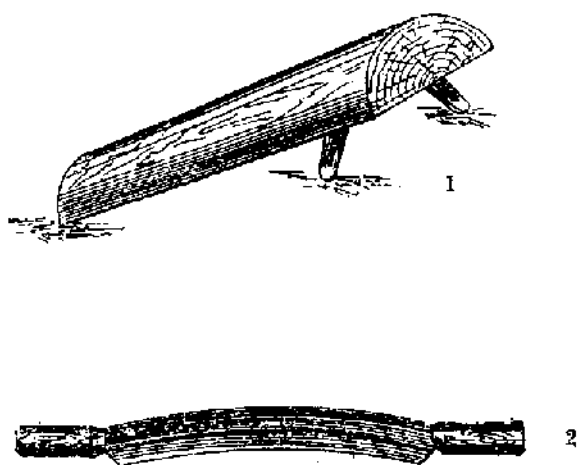

Илл. 16.1. Изразцовая печь
с изображением всадников. XVII в.
Реконструкция Н. И. Чудновской
по раскопкам А. Г. Векслера
на ул. Б. Дмитровка

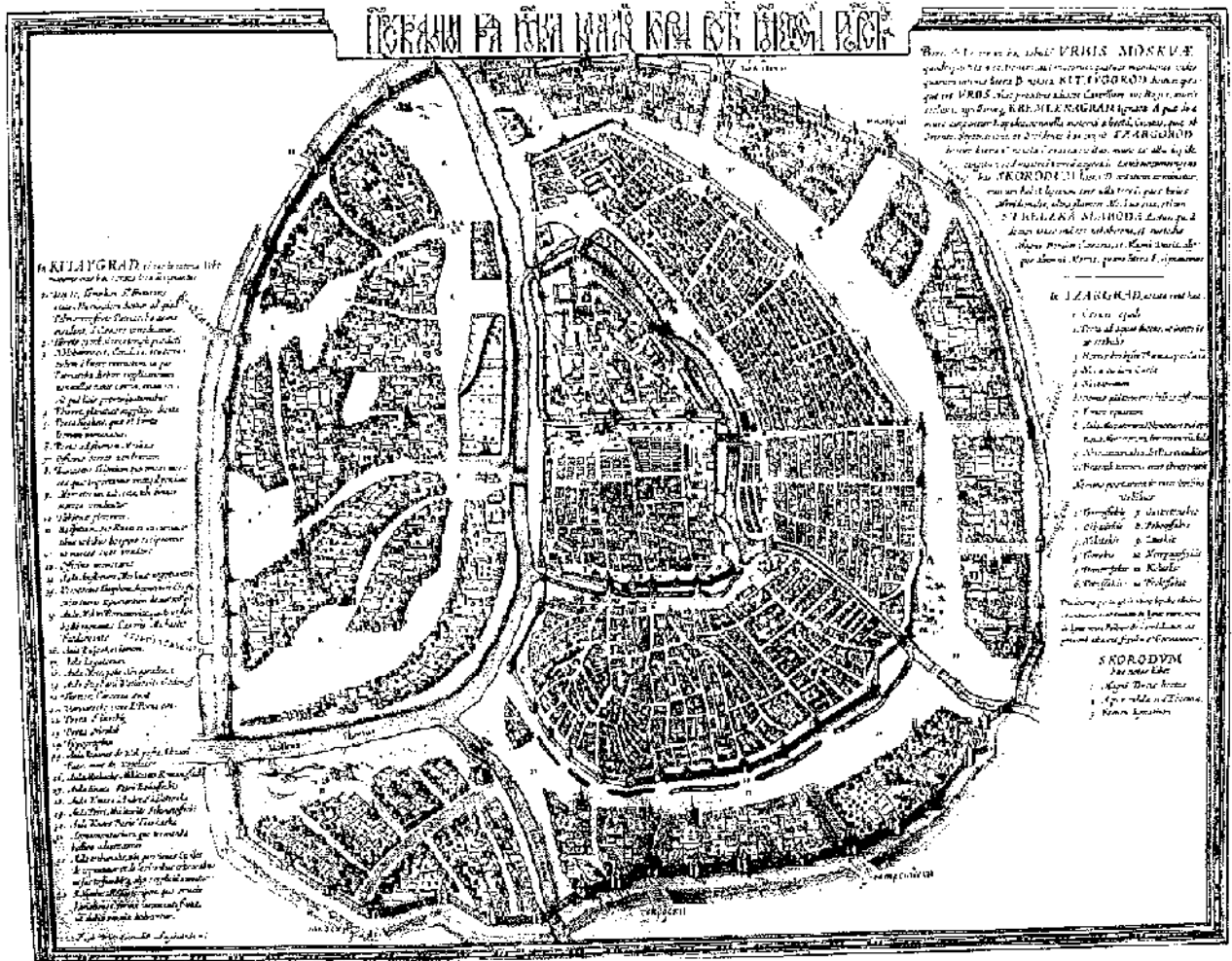
Илл. 16.2.
Изразец с изображением
гусара из раскопок в Полоцке
(XVII в.)

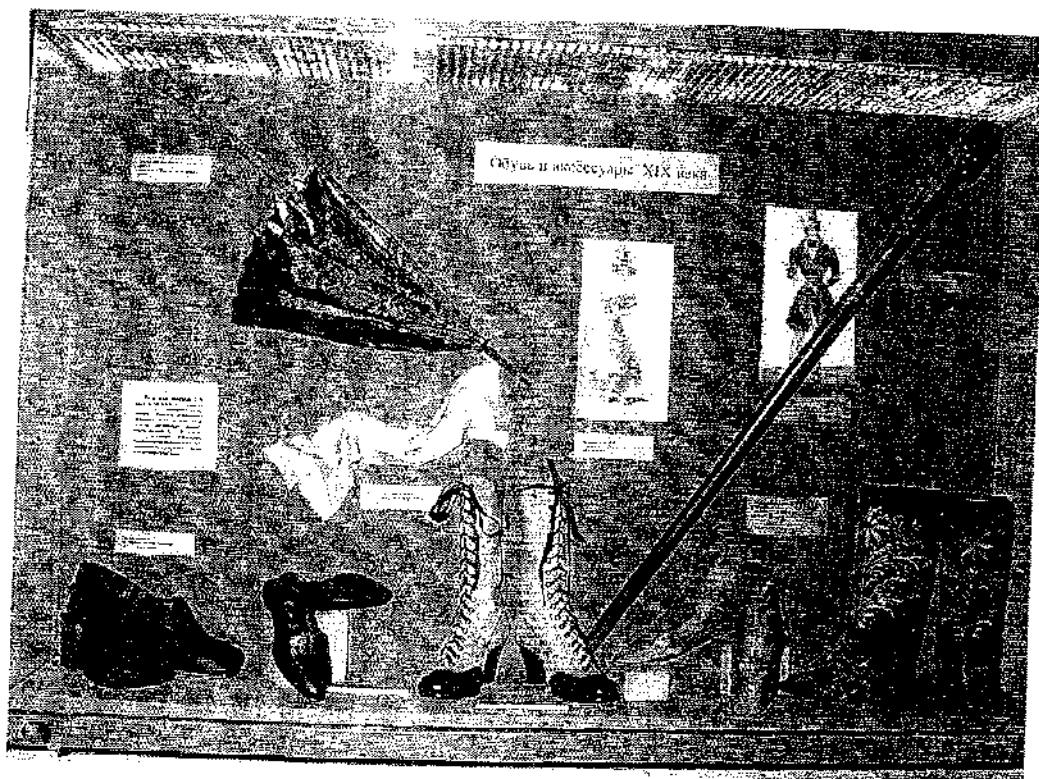
Илл. 17. Выделка шкур.
Фрагмент гравюры «Посольство боярина Колычева в Гродно» (XVI в.)

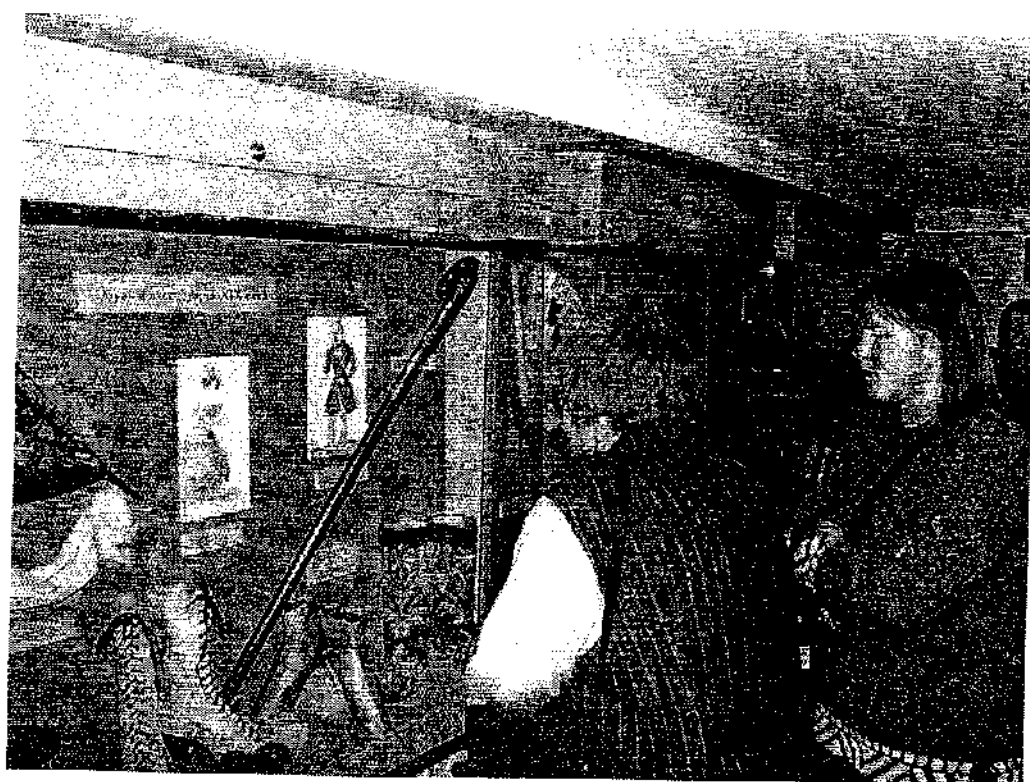
Илл. 18.
Инструменты для выделки шкур.
1. Колода. 2. Тупик

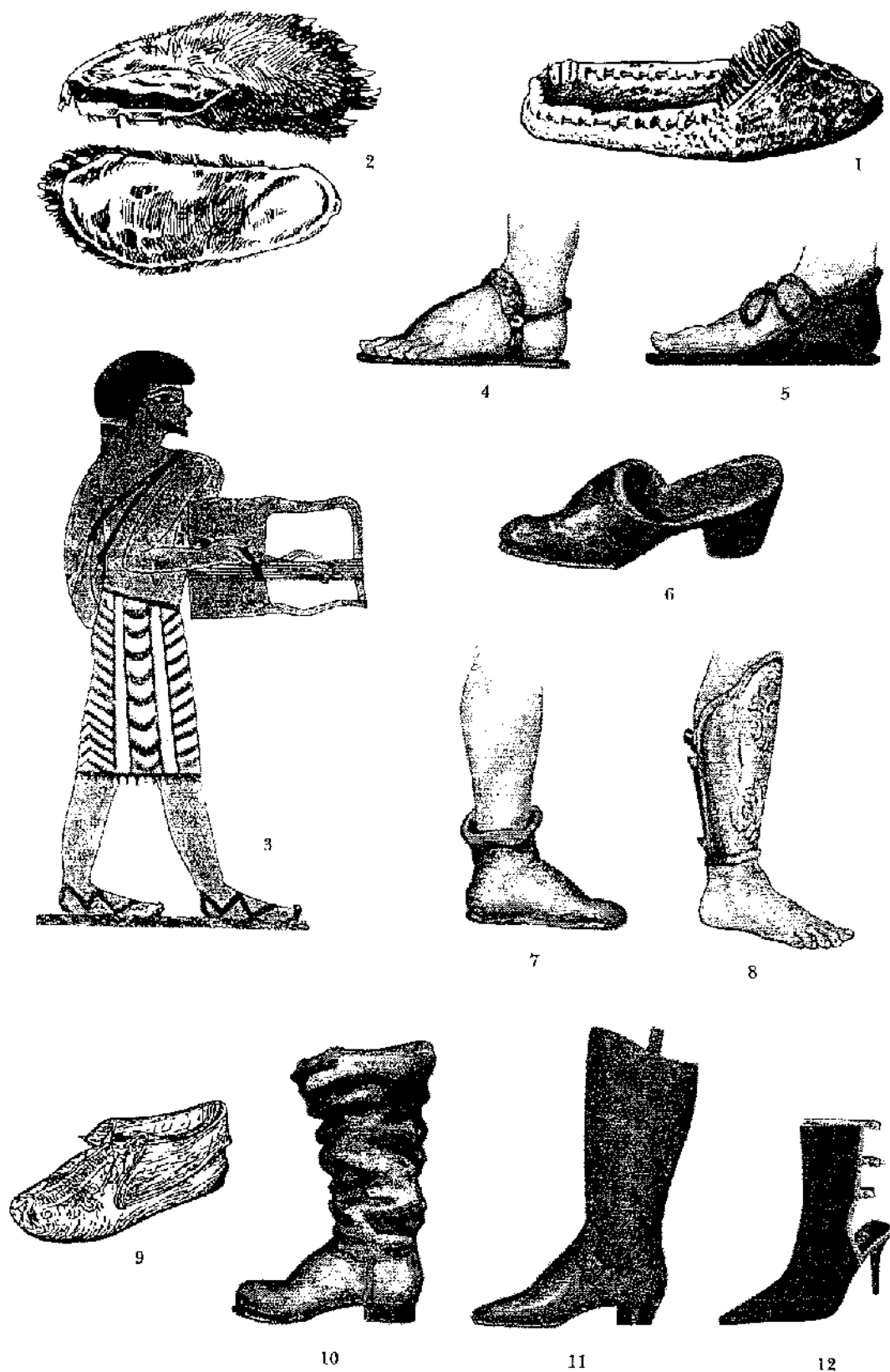
Илл. 19. Петров чертеж
(План Москвы конца XVI – нач. XVII вв.)

Илл. 20. Витрина «Обувь и аксессуары XIX в.»
с выставки «След в истории» МИГМ

Илл. 21. Посетители на открытии выставки «След в истории» МИГМ

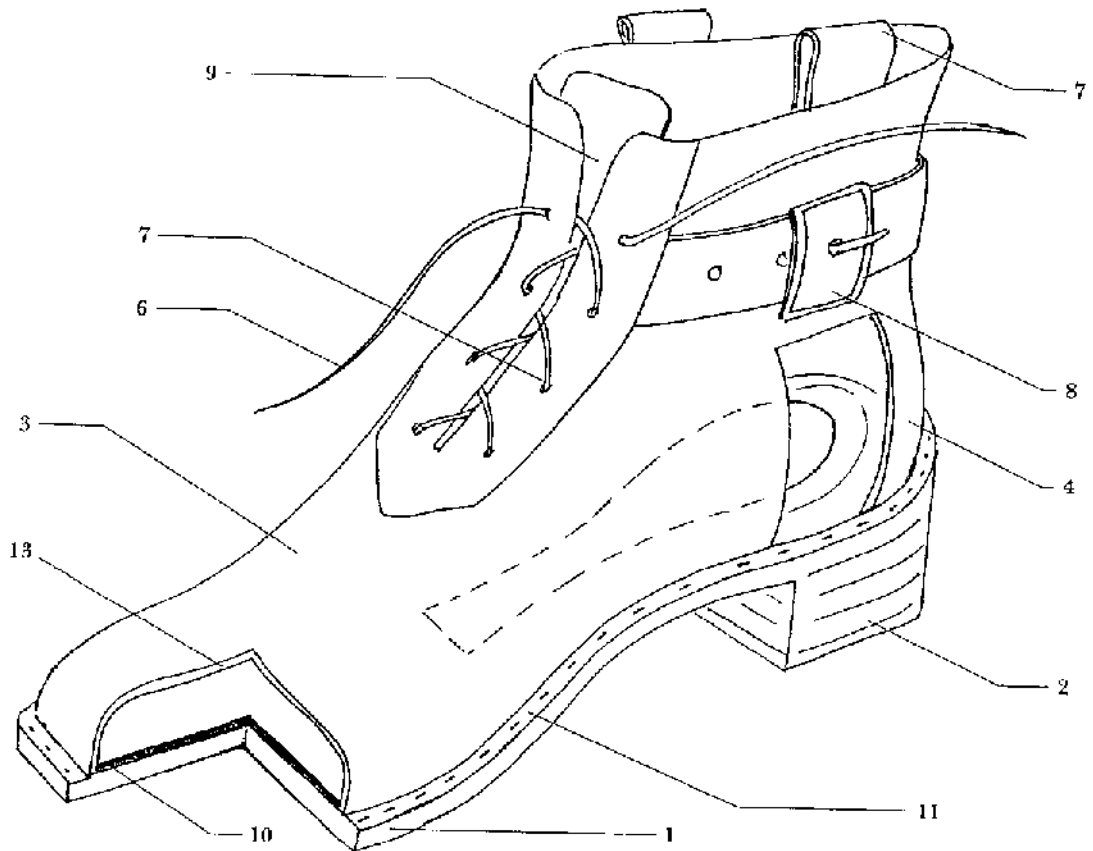
Илл. 22. Конструкции обуви.

1. Поршень. 2. Башмак из медвежьей лапы. 3. Фрагмент фрески из гробницы Хнумхотепа в Бени-Гасане с изображением сандалий. 4. Сандалия. 5. Крепида. 6. Туфля без задника. 7. Башмак. 8. Поножа. 9. Туфля. 10. Сапог. 11. Сапог с ушками. 12. Сапог без задника

Илл. 23. Конструкции обуви.

1. Сандалии. 2. Башмак из цельного куска шкуры. 3. Сапог. 4. Сапог. 5. Ботинок. 6. Туфля. 7. Сапог. 8. Ботинки. 9. Сандалии. 10. Ботинок

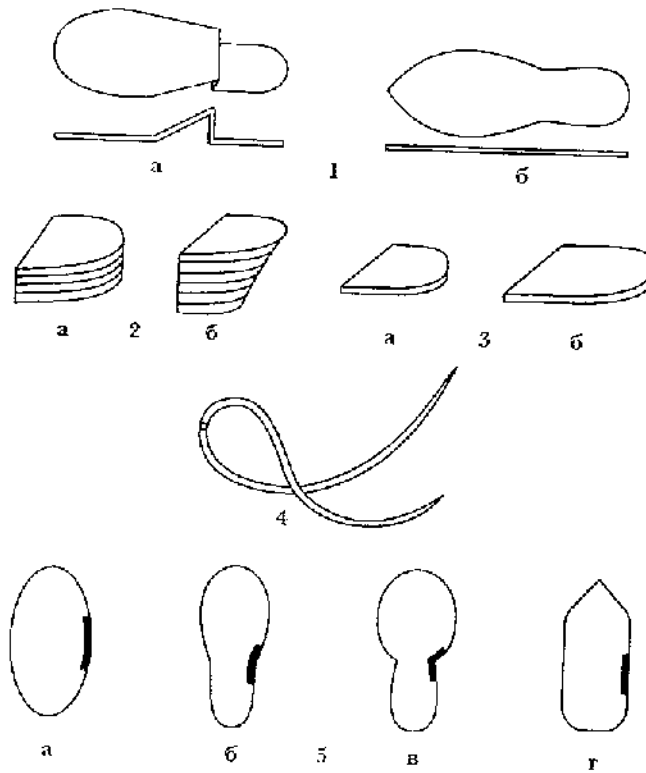
Илл. 24. Конструктивные элементы.

I. НИЗ. 1. Подошва. 2. Каблук. II. ВЕРХ. 3. Головка. 4. Задник. 5. Голенище (отсутствует).

III. КРЕПЛЕНИЕ. 6. Завязки. 7. Отверстия. 8. Застежка. 9. Язычок.

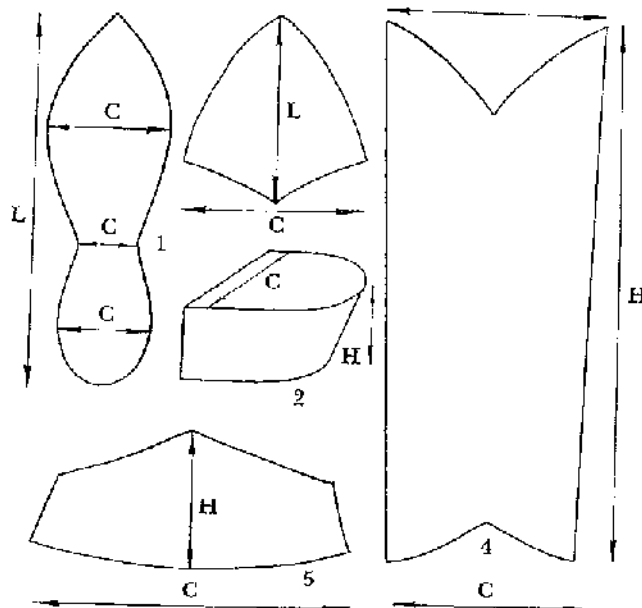
IV. ПОДКЛАДКА. 10. Стелька. 11. Рант.

12. Сушинагор. 13. Подпаряд

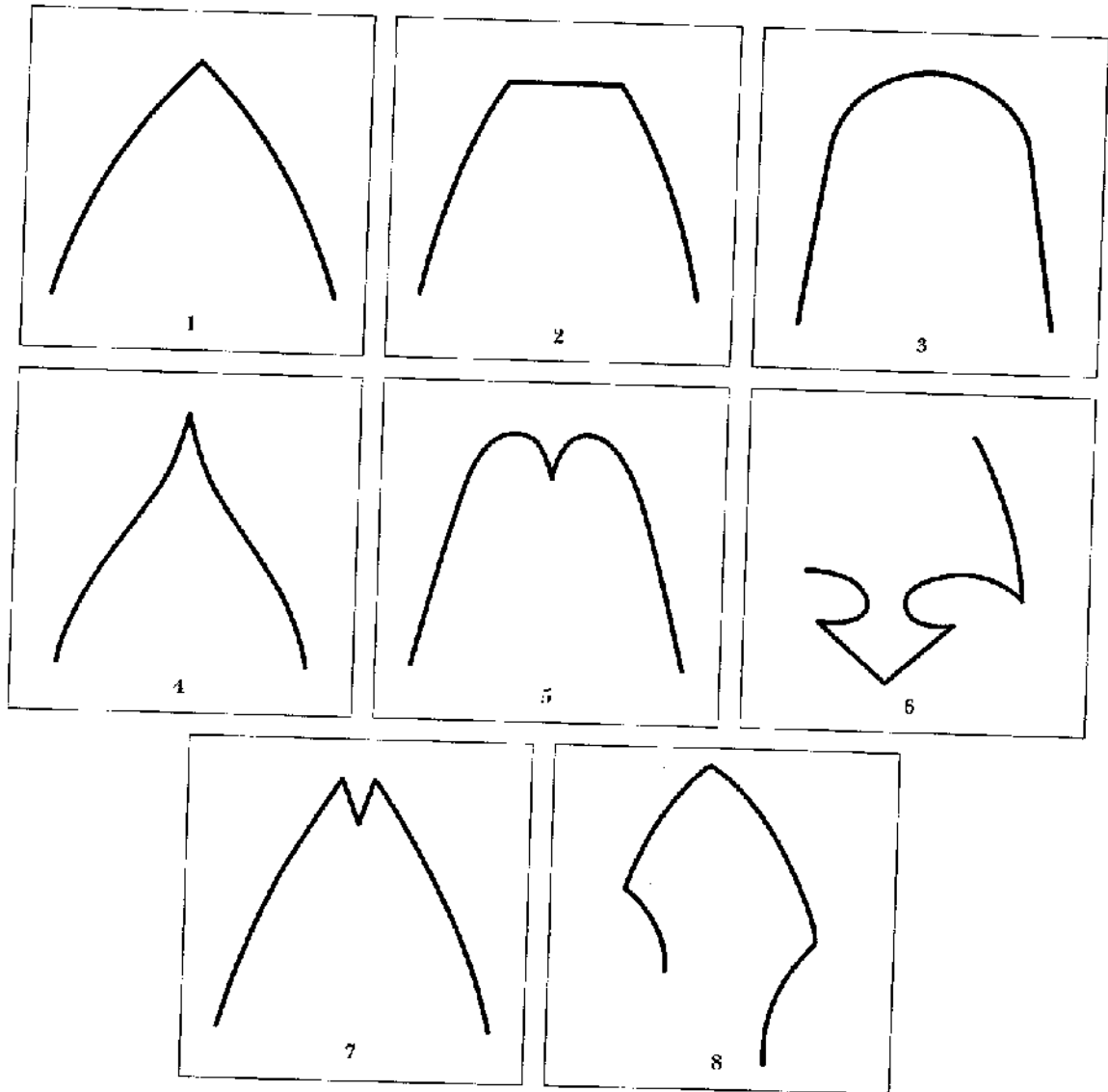

Илл. 25. Формы конструктивных элементов.

1. Пластина: а) прямая, б) изогнутая (с крокулем).
2. Форма каблука: а) округлый цилиндр усеченный; б) округлый конус усеченный.
3. Каблучные флисы: а) округлый круг усеченный; б) округлый овал усеченный.
4. Завязка.
5. Линия соединения: а) встык дуга вышуклая; б) отступ дуга вогнутая; в) отступ угол тупой; г) встык прямая

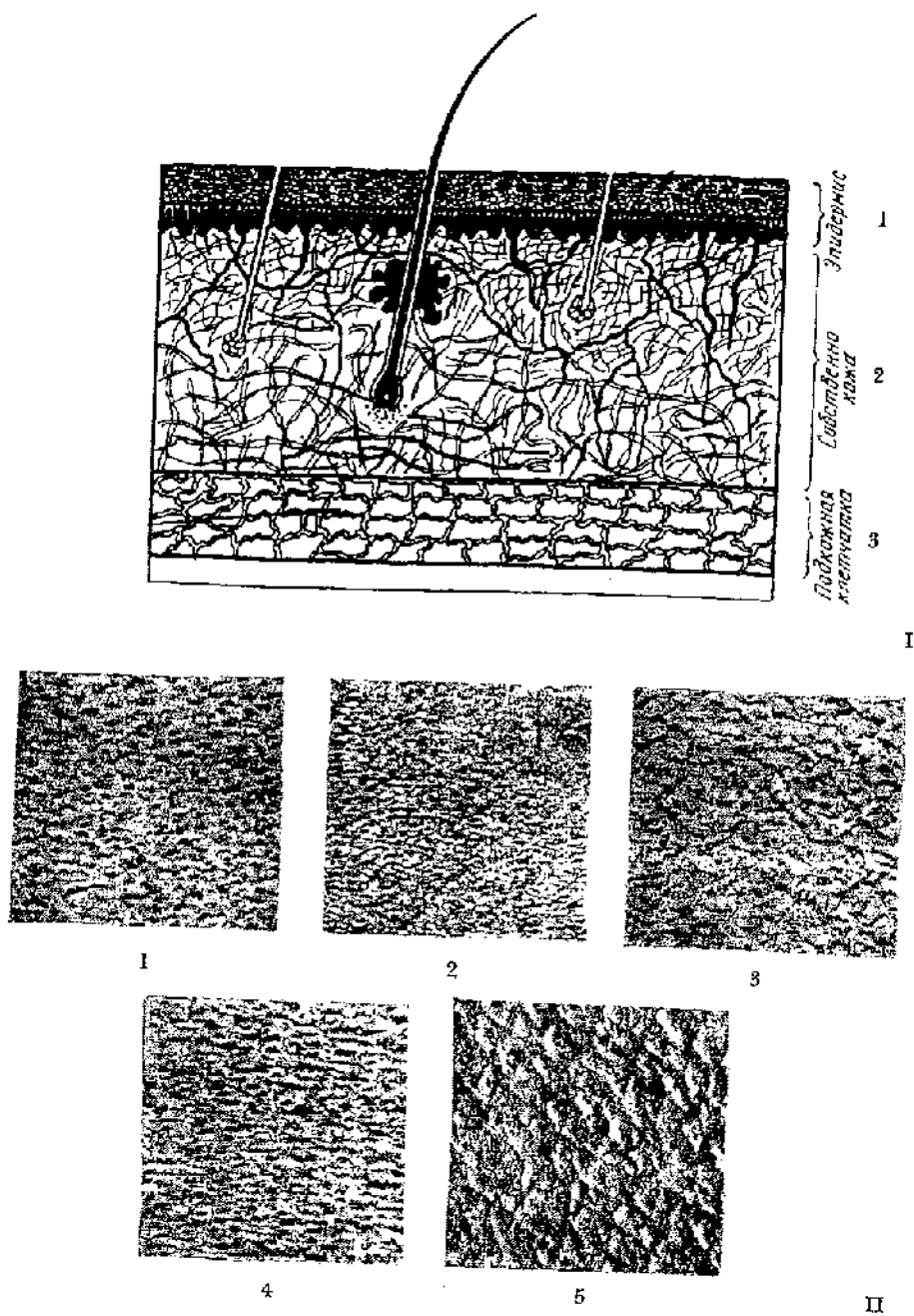

Илл. 26. Конструктивные элементы низа (1, 2) и верха (3, 5).
1. Подошва. 2. Каблук. 3. Головка. 4. Задник. 5. Голенище

Илл. 27. Форма среза.

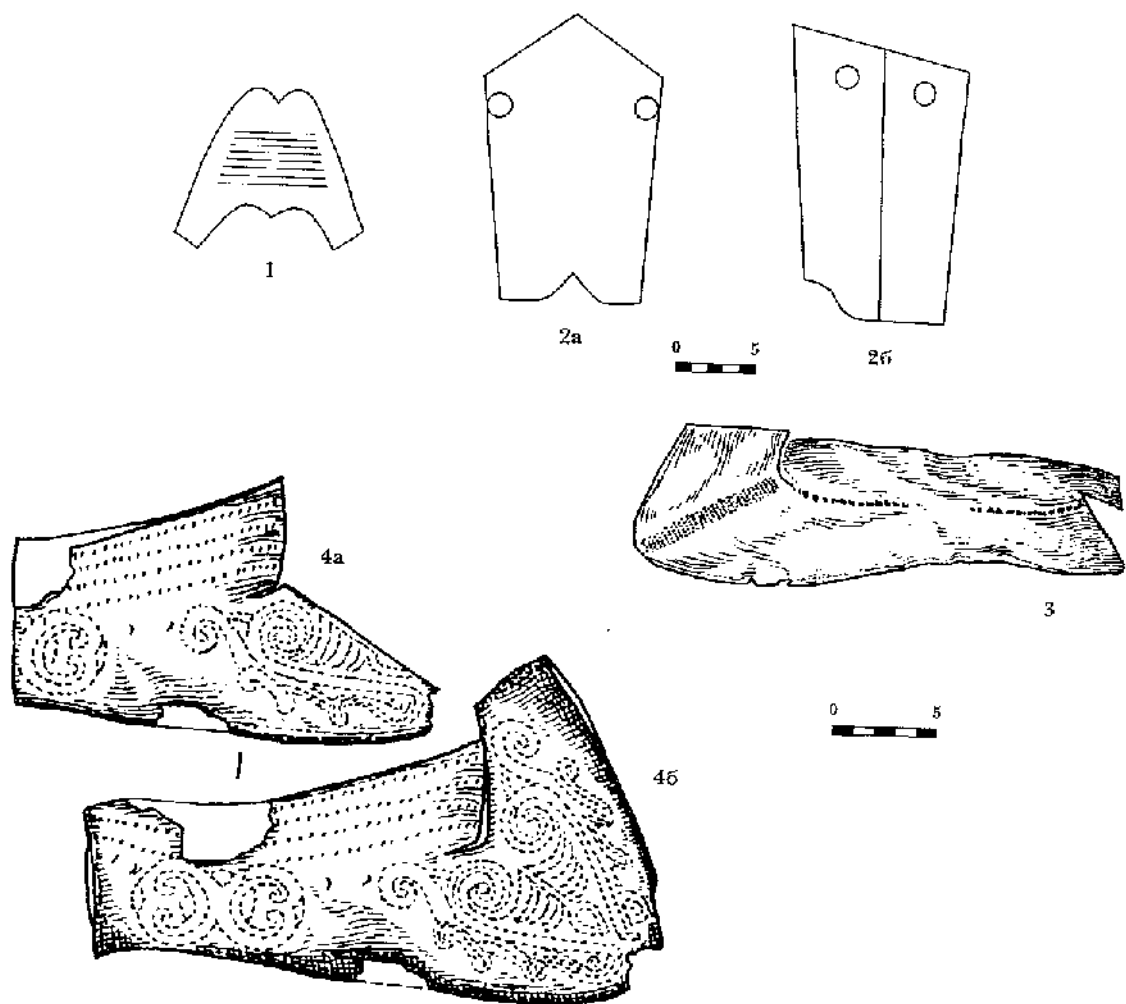
1. Острый сходящийся симметричный. 2. Плоский параллельный ровный.
 3. Выпуклый сходящийся симметричный. 4. Острый сходящийся симметричный.
 7. Вогнутый сходящийся симметричный. 8. Острый сходящийся
 асимметричный и грабелый

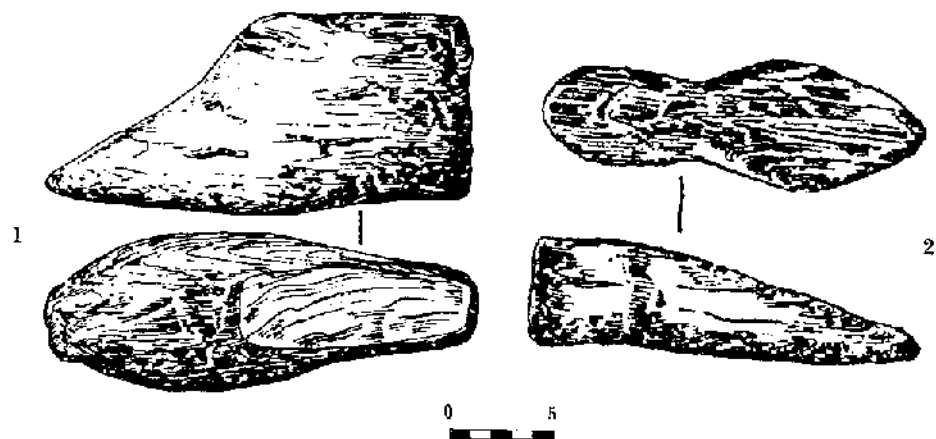
Илл. 28. Структура кожи.

I. Гистология. 1. Эпидермис. 2. Собственно кожа. 3. Подкожная клетчатка.

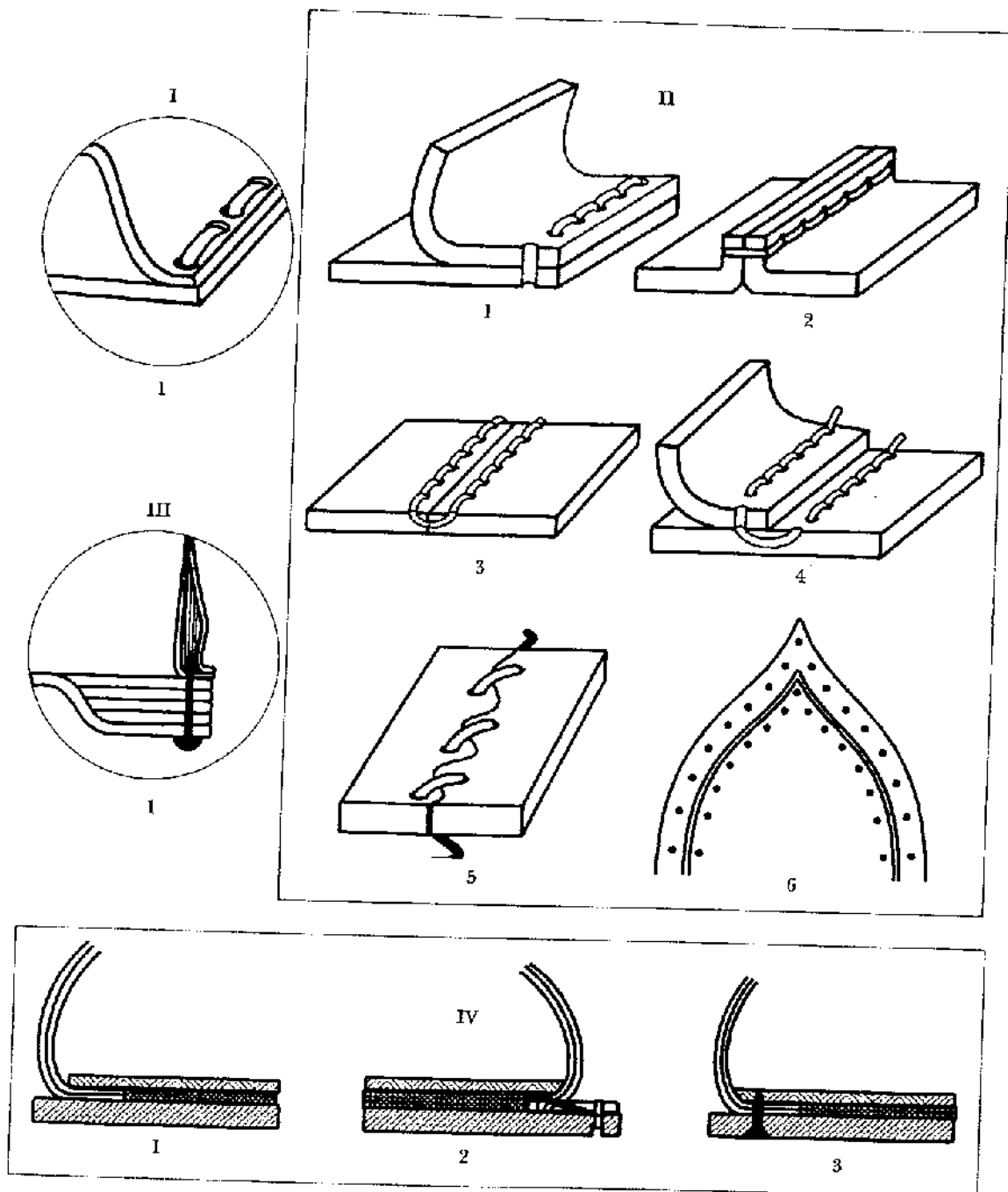
II. Мерея. 1. Коровы. 2. Теленка. 3. Овцы. 4. Козы. 5. Свины

Илл. 29. Дополнительные способы обработки обуви.
 1. Головка с вырезом в носке и тиснением. 2. Голенище сапога с декоративными сквозными отверстиями. 3. Туфля с продержкой. 4. Туфля с расшивкой

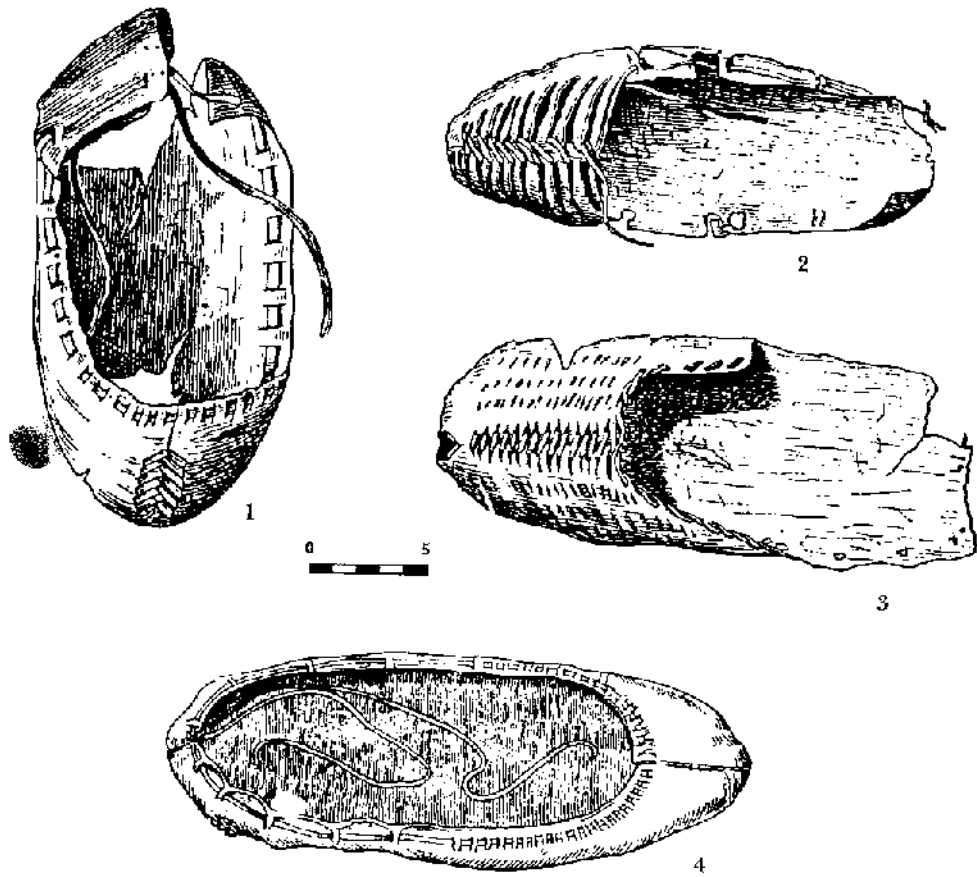

Илл. 30. Колодки-правила

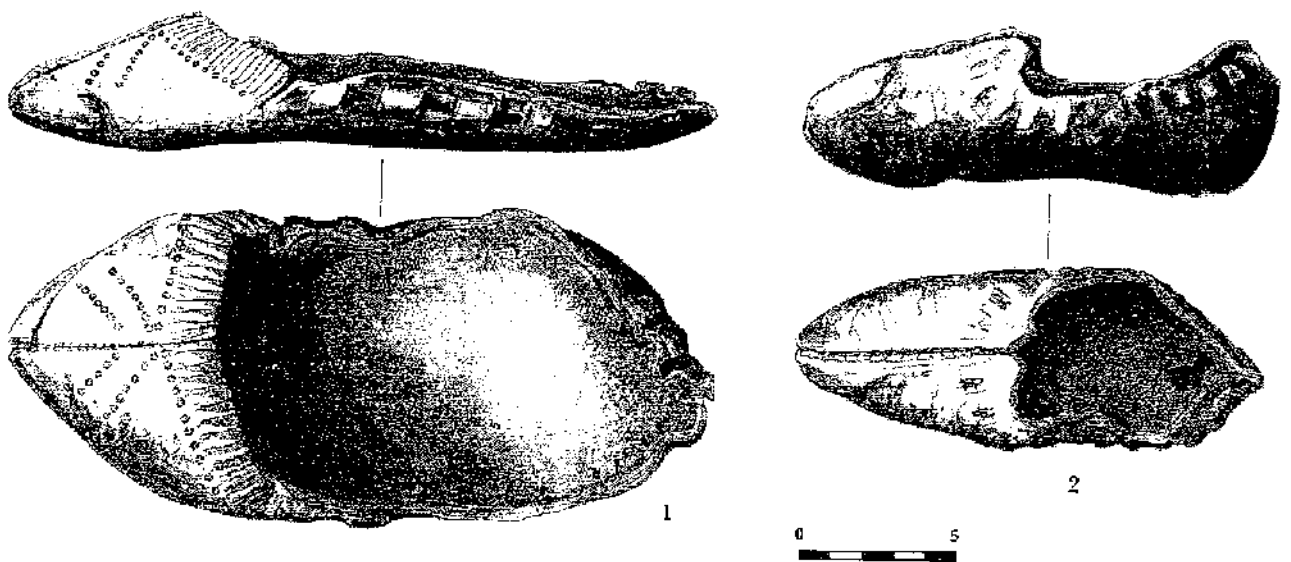

Илл. 31. Способы крепления.

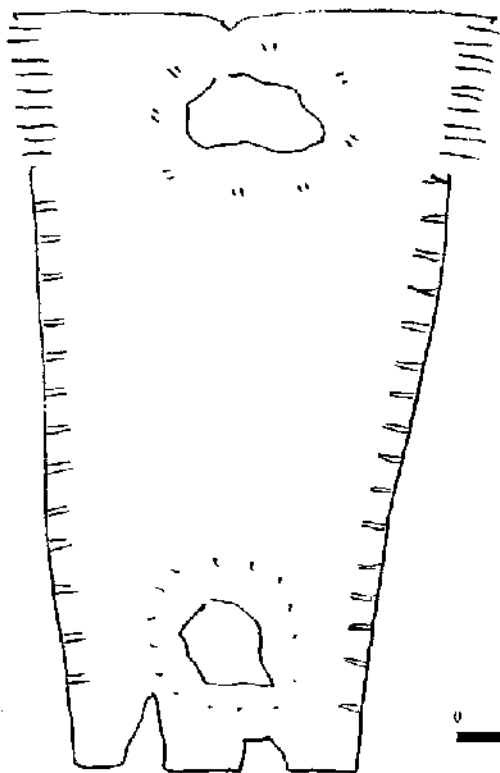
- I. 1. Ремешковое. II. Сшивное. Виды швов: 1. Сквозной.
 2. Выворотный, 3. Тачной, 4. Потайной, 5. Перемсточный (через край).
 6. След потайного шва на подошве. III. Крепление каблука.
 IV. Клеевое соединение, 2. Рантовое соединение.
 3. Гвоздевое соединение.

Илл. 32. Поршни.
1, 4 простые поршни. 2, 3 ажурные поршни

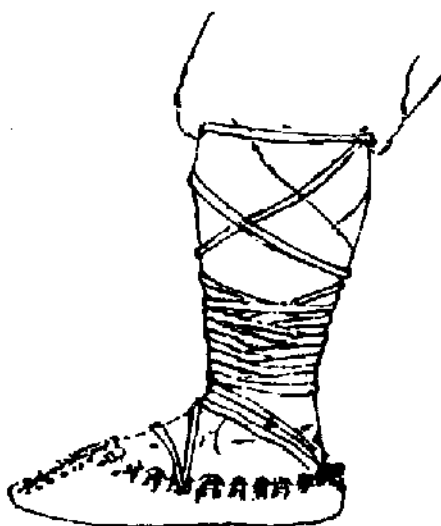
Илл. 33. Поршни из раскопок на ул. Арбат

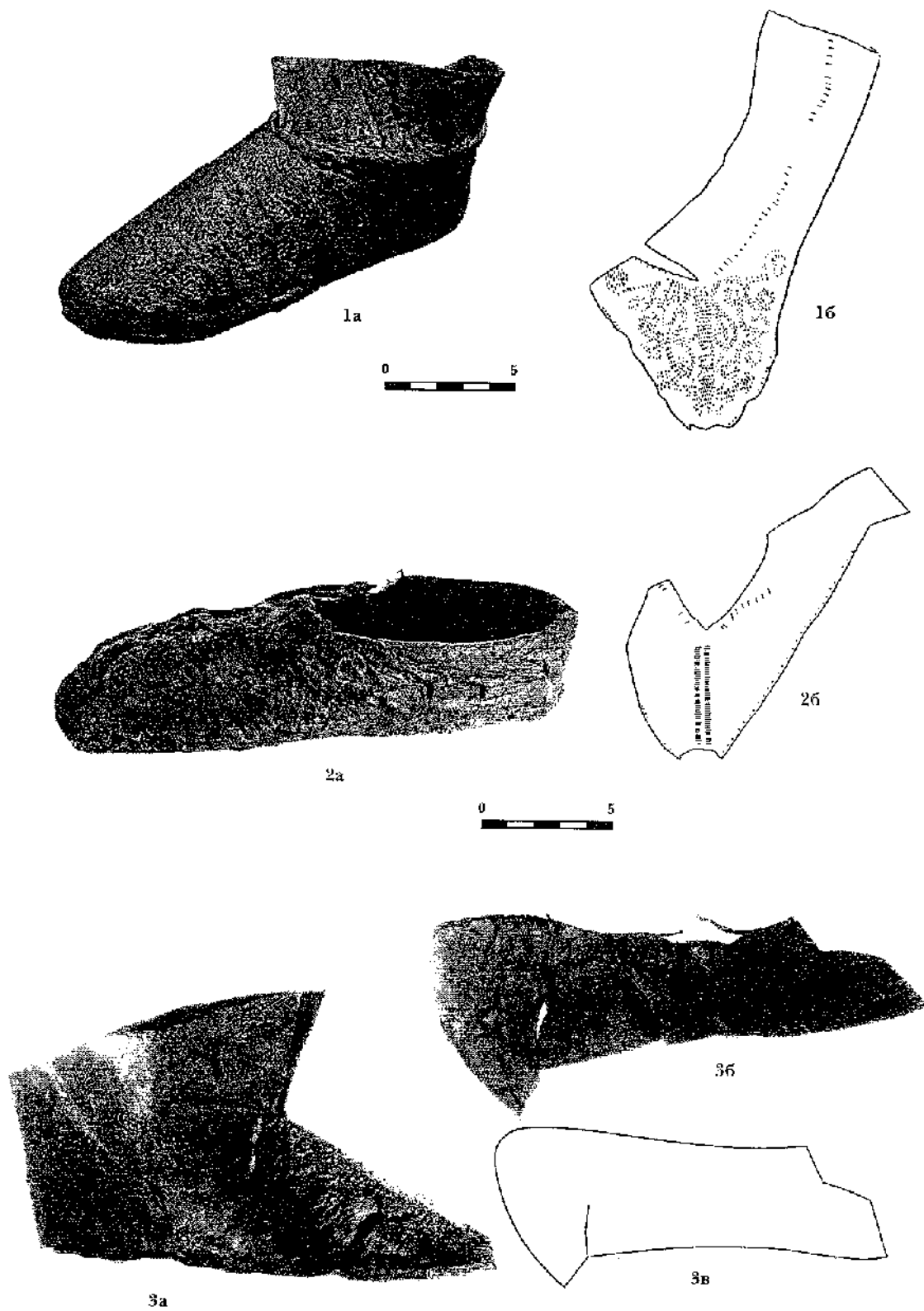
Илл. 34. Кожа, из которой был «согнут» поршень со следами износа и ремонта

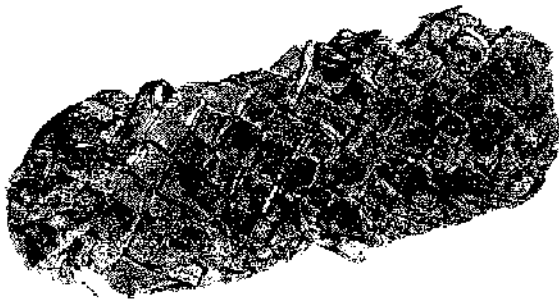
Илл. 35. Поршень из раскопок на ул. Ильинка

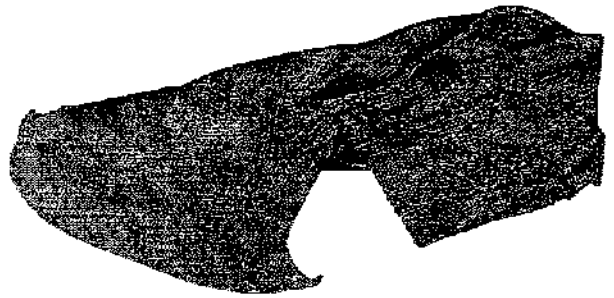
Илл. 36.
Крепление поршня на ноге

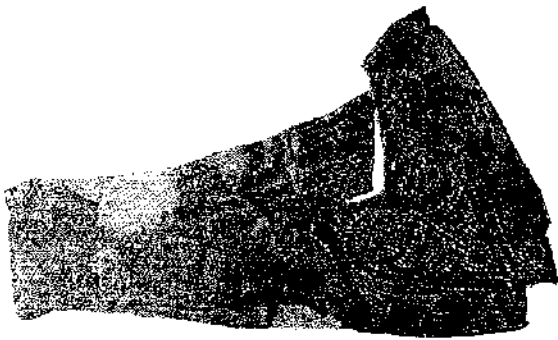
Илл. 37. Туфли кожаные XII-XIV вв.
 1, 2. Туфли из раскопок Н. С. Шеляпиной в Московском Кремле.
 3. Туфля из раскопок Т. Д. Пановой в Московском Кремле

Илл. 38. Кожаный лапоть

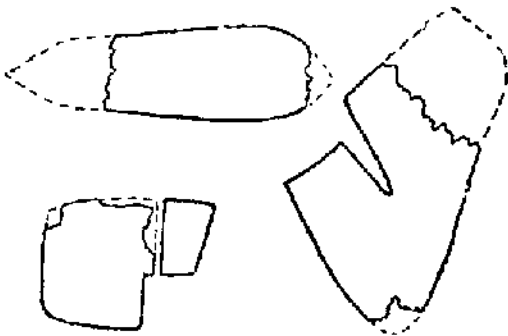
Илл. 39. Верх кожаной туфли

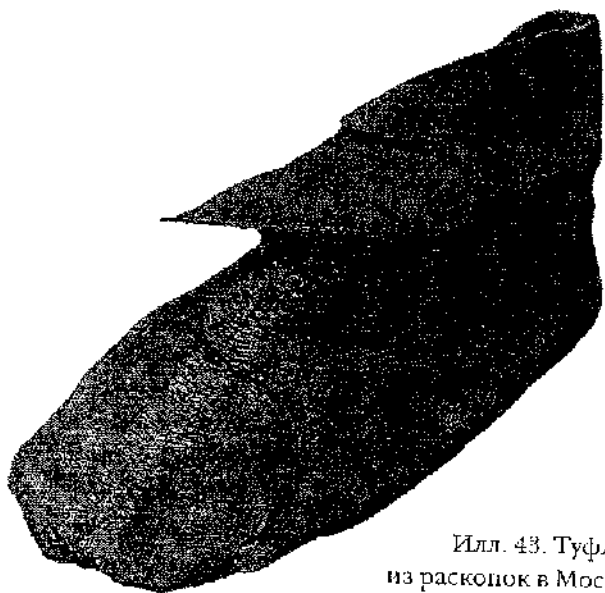
Илл. 40. Верх кожаной туфли. Новгород

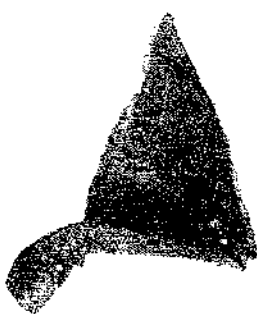
Илл. 41. Туфля из раскопок Г. П. Латышевой курганный группы «Матвеевское»

Илл. 42.
Туфли из раскопок Г. П. Латышевой
курганный группы «Матвеевское».
Форма края

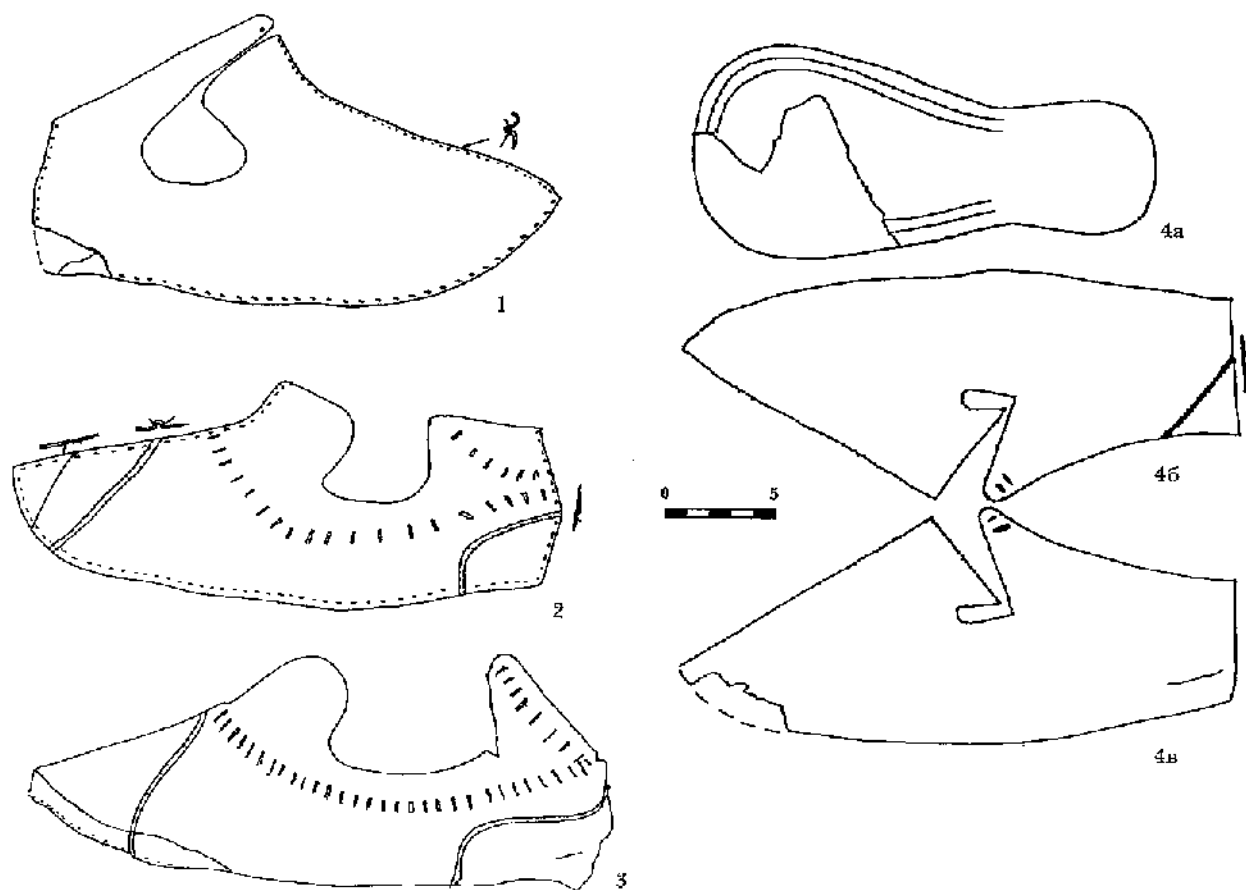
Илл. 43. Туфля кожаная
из раскопок в Московском Кремле

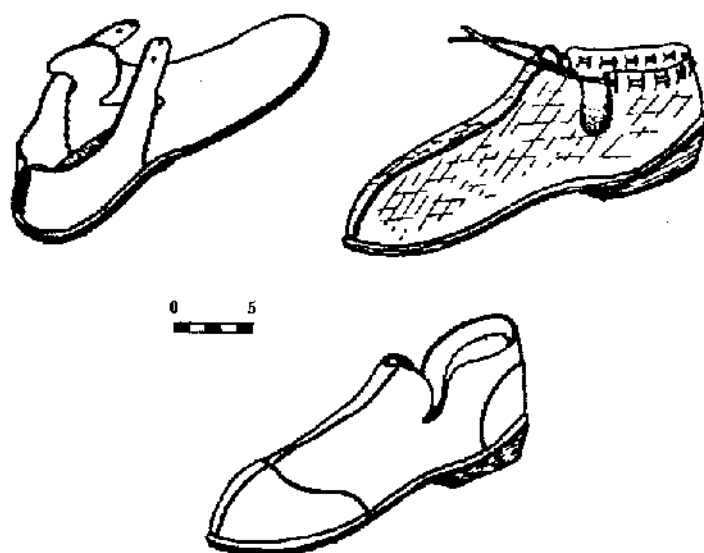
Илл. 44. Детская туфля,
изготовленная из пальца кожаной рукавицы

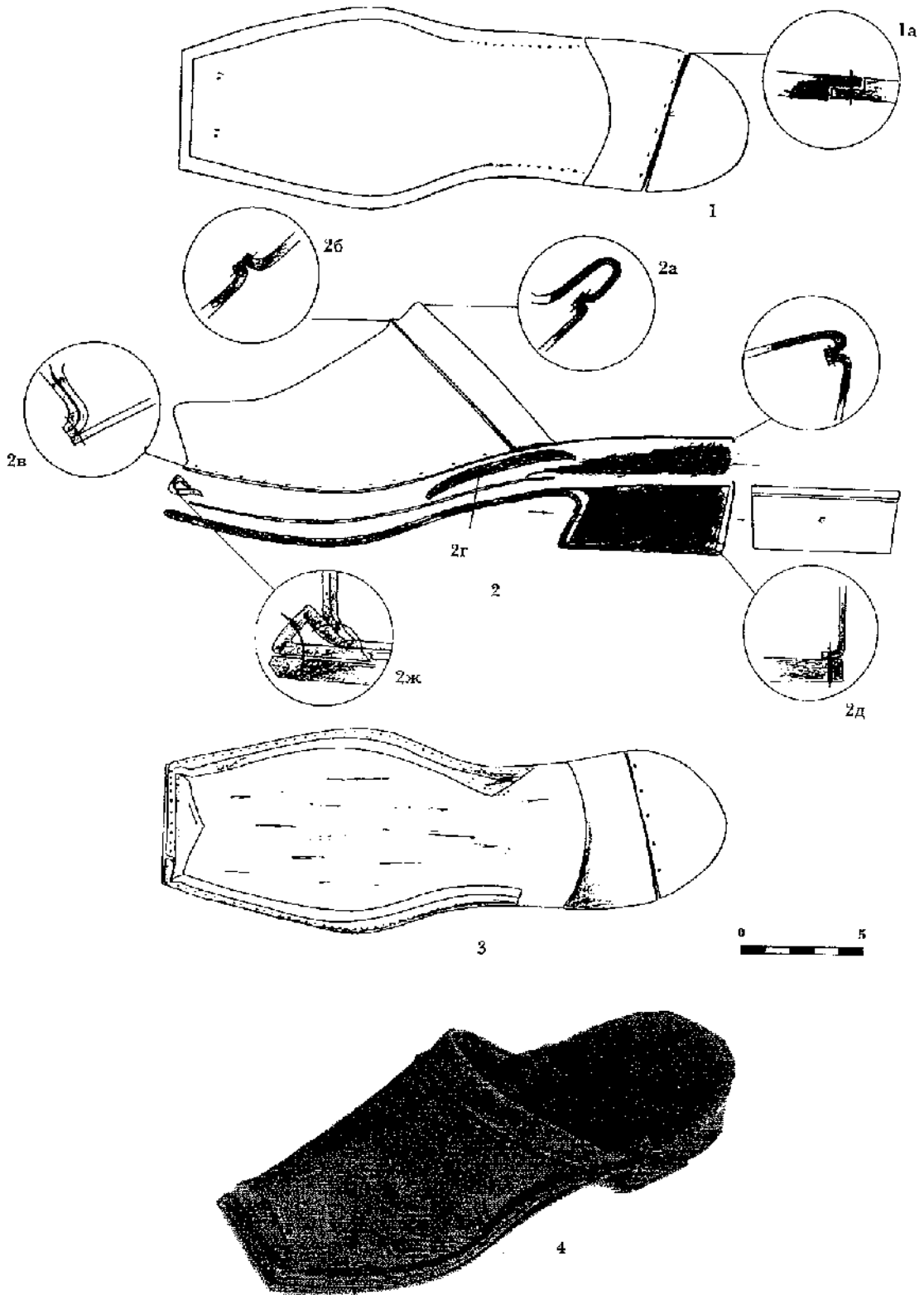
Илл. 45. Кожаная туфля
из раскопок на Манежной площади

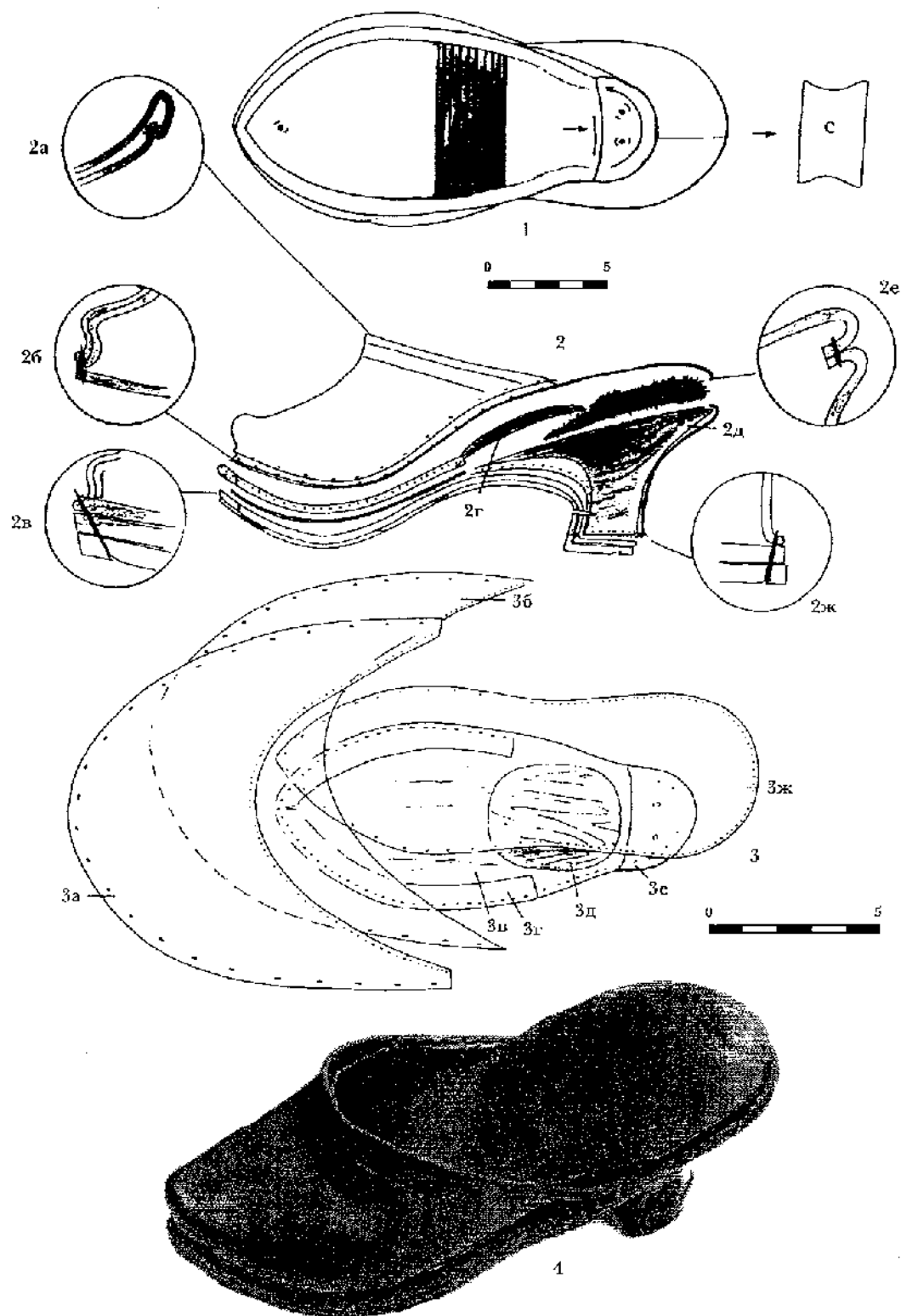
Илл. 46. Туфли из раскопок в ЦВЗ «Манеж»

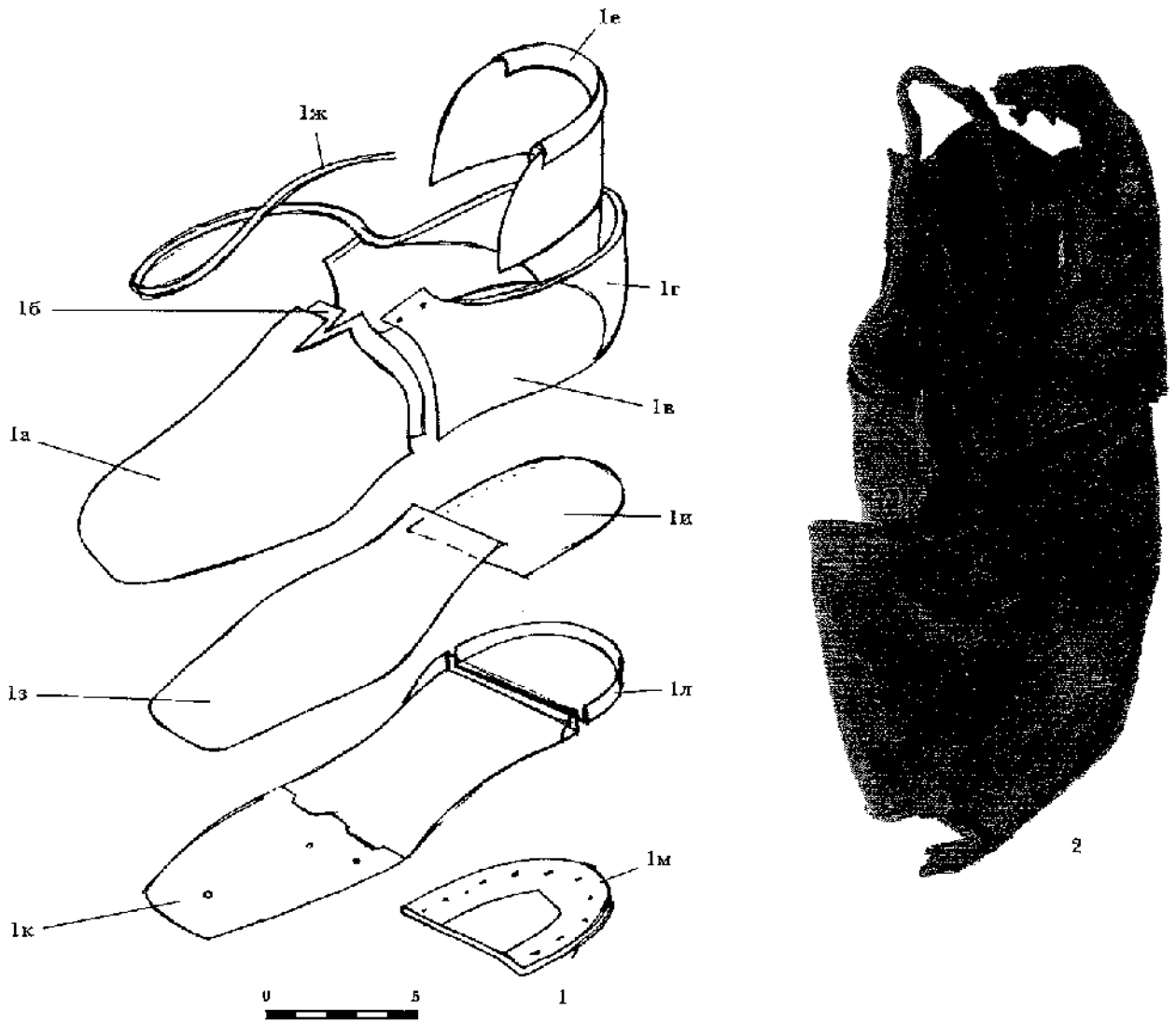
Илл. 47. Туфли из Ивангорода

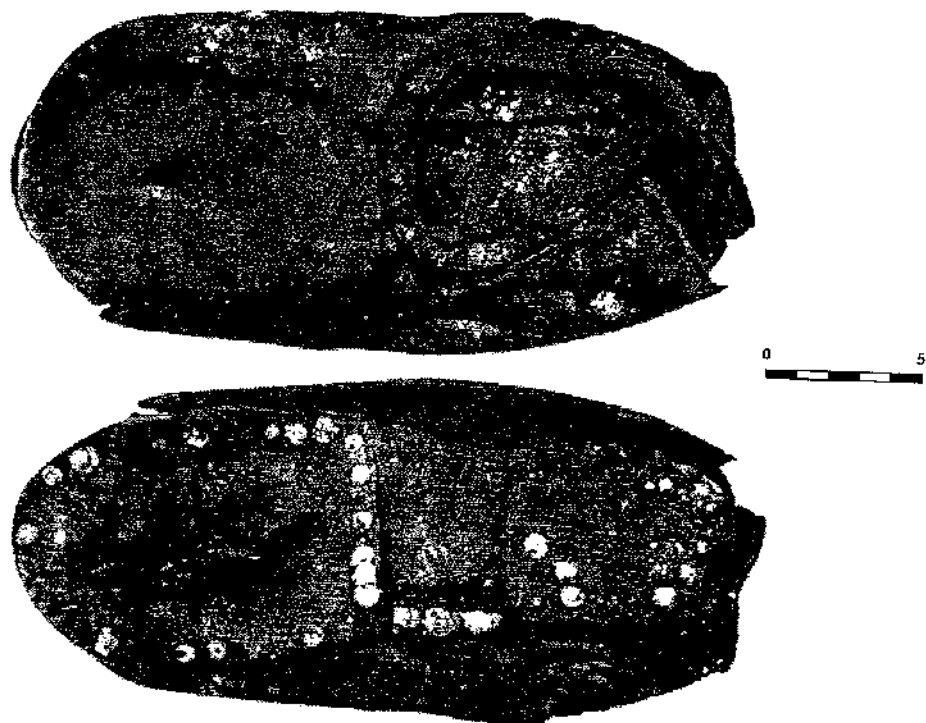
Илл. 48. Туфля женская из раскопок Моисеевского монастыря.
 1. Подошва (вид снизу). 1а. Сквозной шов (дотачка няточной части подошвы).
 2. Схема сборки. 2а. Обшивка верха головки. 2б. Декоративный шов. 2в. Прикрепление
 ранга. 2г. Супинатор. 2д. Крепление обтяжки каблука. 2ж. Крепление стельки.
 3. Внутренняя часть подошвы (подошва, ранг, внутренняя стелька).
 4. Реконструкция (фото)

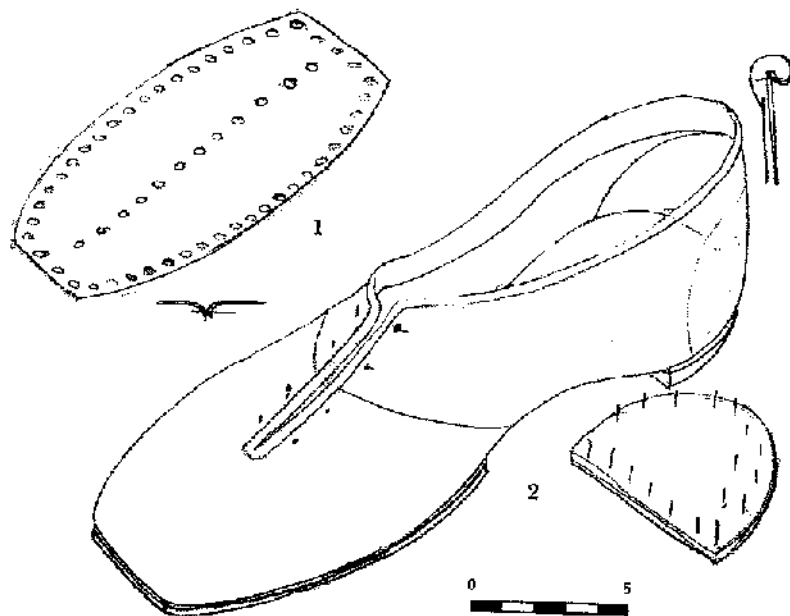
Илл. 49. Туфля женская из раскопок Моисеевского монастыря.
 1. Туфля (вид снизу). 2. Схема сборки. 2а. Крепление верха головки.
 2б. Крепление низа головки и подпяряда. 2в. Крепление подошвы. 2г. Супинатор.
 2д. Деревянный каблук. 2е. Крепление стельки. 2ж. Крепление подошвы и обтяжка каблука.
 3. Схема сборки. 3а. Головка. 3б. Подпярид. 3в. Внутренняя стелька. 3г. Рант. 3д. Супинатор.
 3е. Каблучная часть подошвы. 3ж. Стелька. 4. Реконструкция (фото)

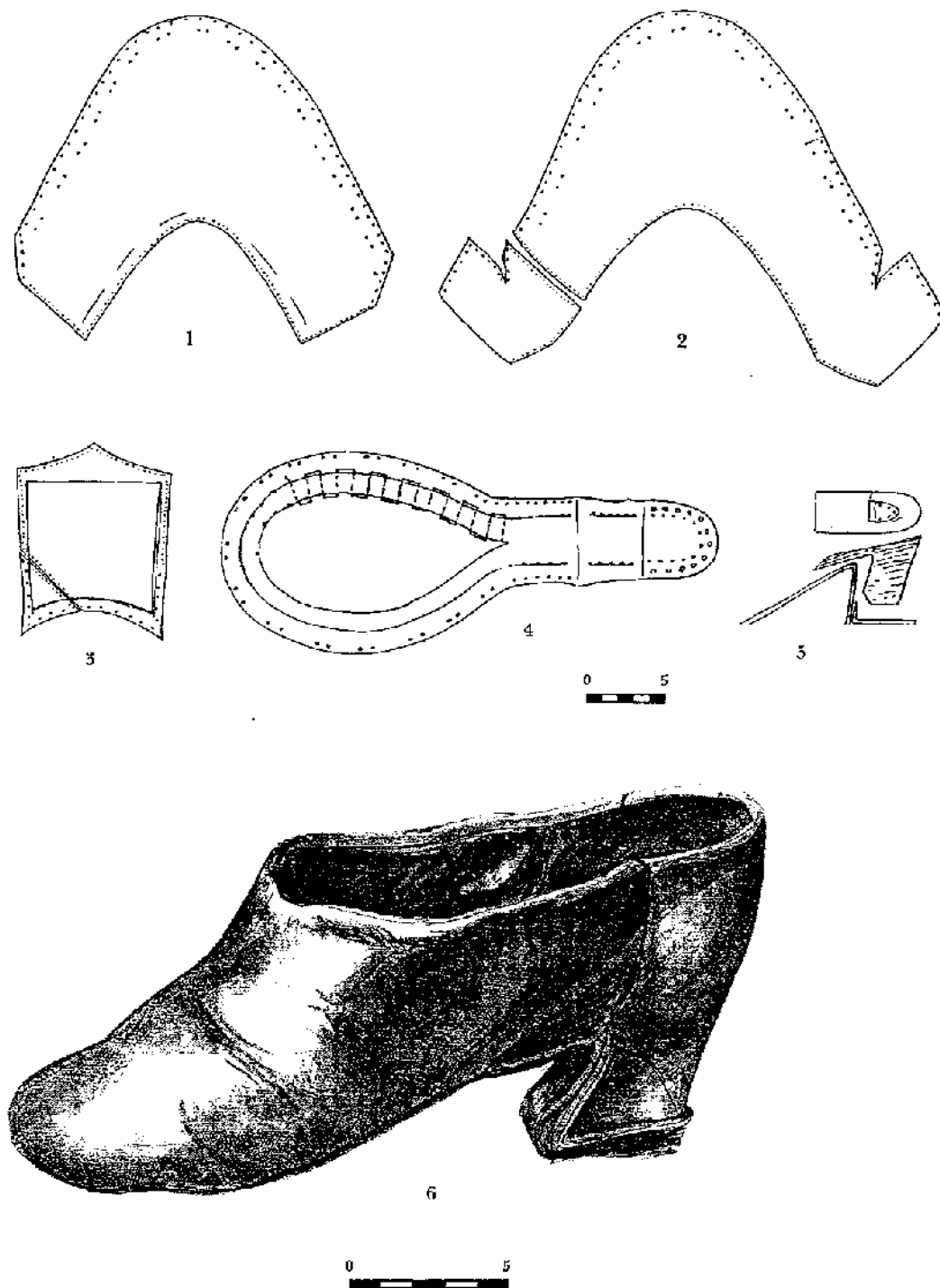
Илл. 50. Туфля из раскопок в Молочном переулке.
 Схема сборки. 1а. Головка. 1б. Подшаряд. 1в. Берцы. 1г. Задинка. 1е. Штаферка.
 1ж. Завязки. 1з, и. Стелька. 1к. Подошва. 1л. Обтяжка каблук.
 1м. Наборный каблук. 2. Туфля (фото)

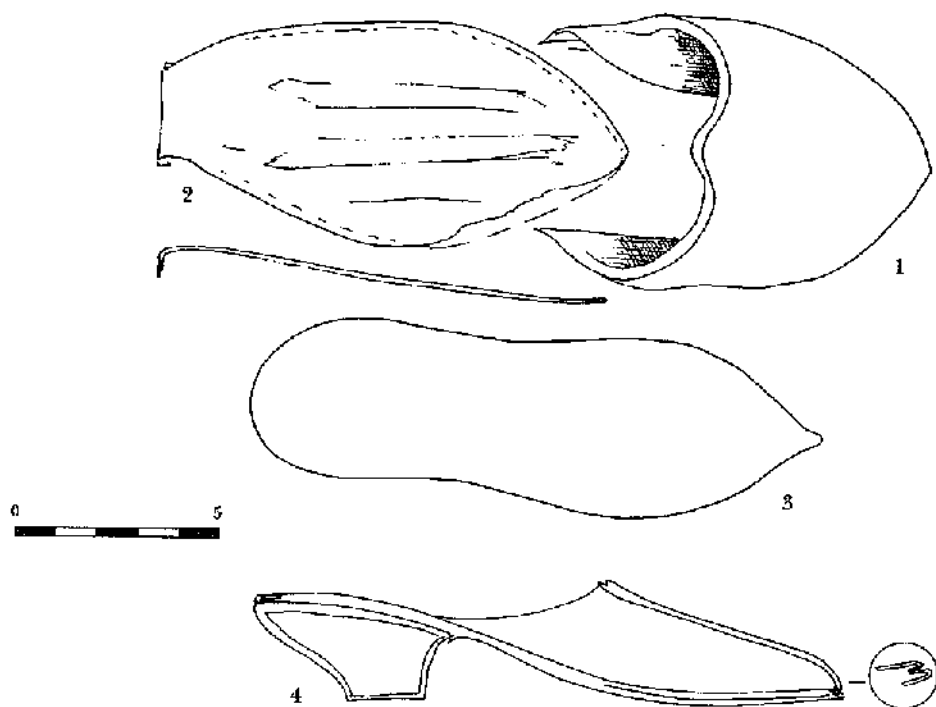
Илл. 51. «Скрещии»
из раскопок на ул. Арбат

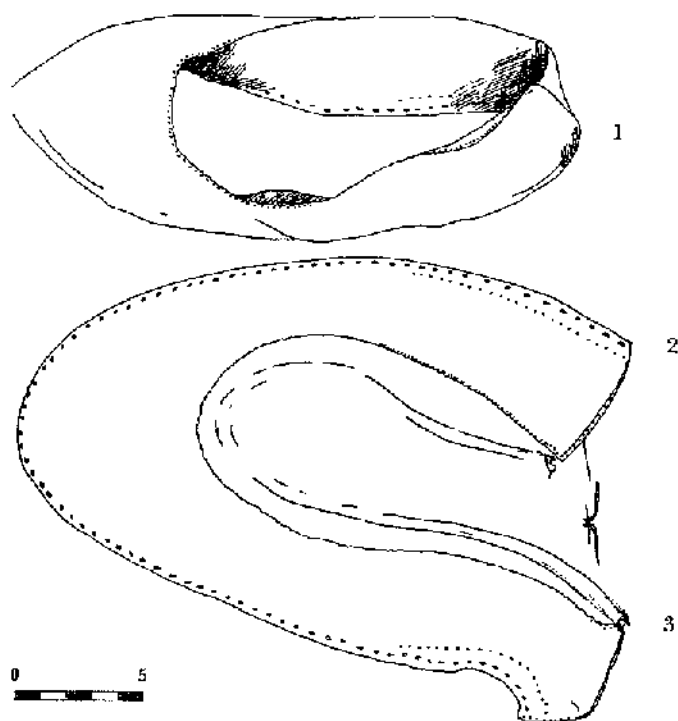
Илл. 52. Туфля из раскопок ЦВЗ «Манеж».
1. Подметка. 2. Каблучная набойка

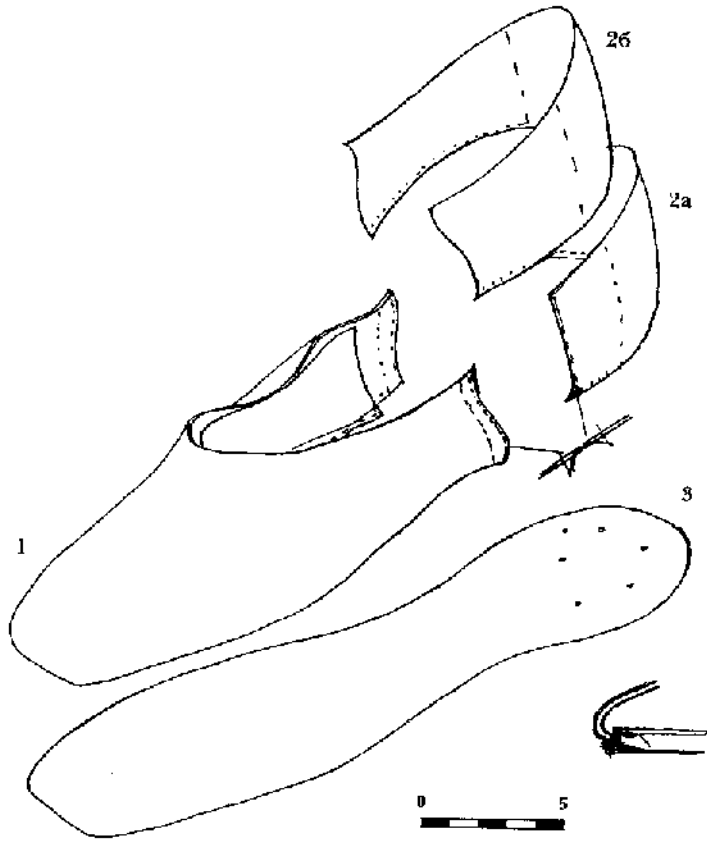
Илл. 53. 1. Туфля из раскопок на ул. Арбат.
 1. Головка. 2. Поднаряд. 3. Задник. 4. Подошва. 5. Каблук. 6. Туфля (реконструкция)

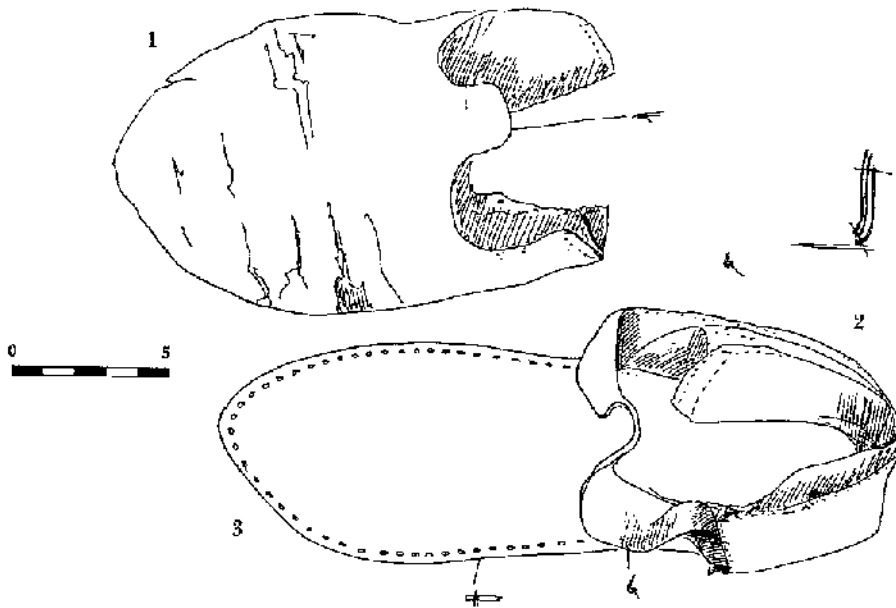
Илл. 54. Туфли из раскопок ЦВЗ «Манск».
1. Головка. 2. Внутренняя стелька. 3. Подошва. 4. Реконструкция

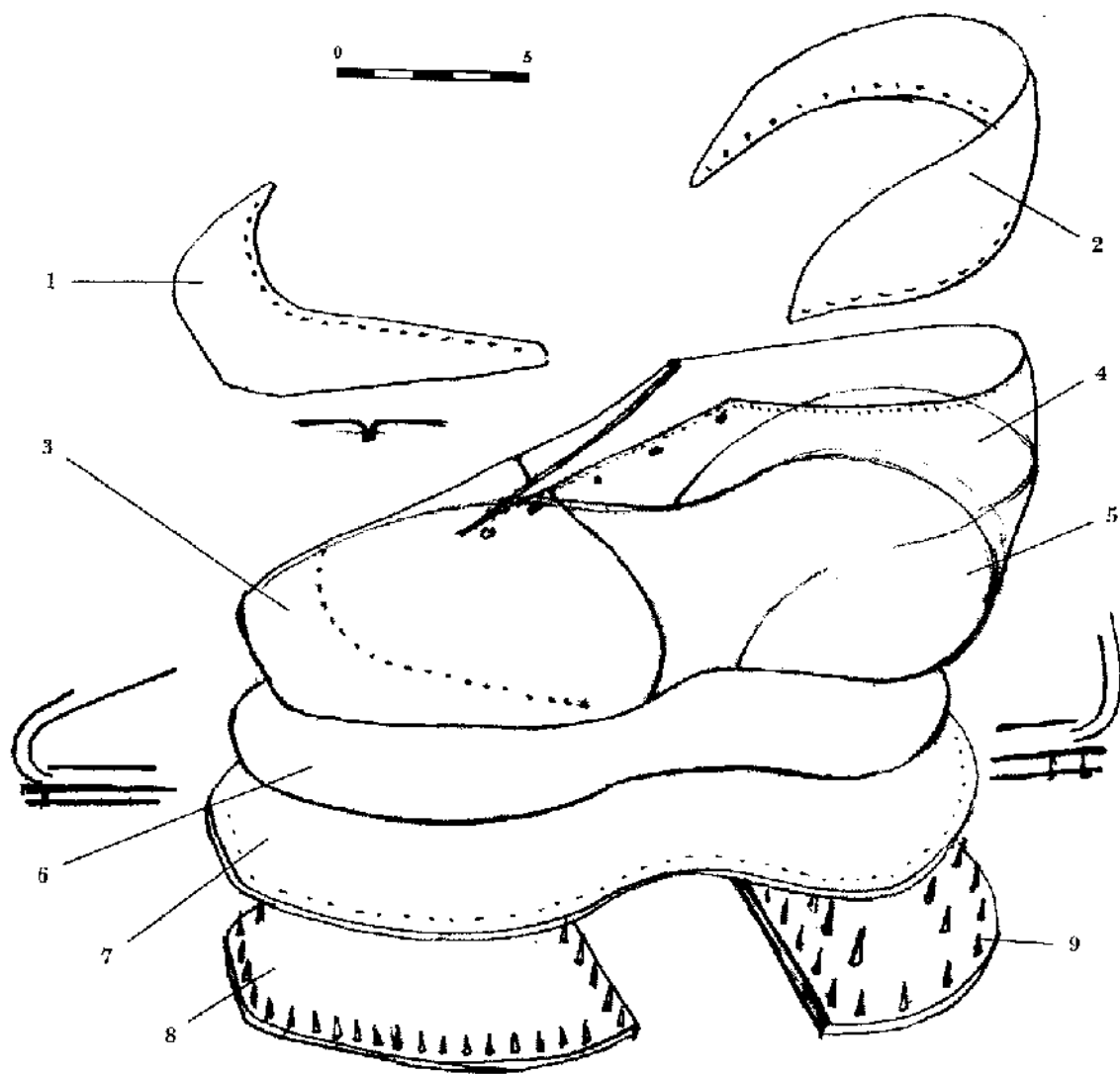
Илл. 55. Цельнокросный верх туфель из раскопок на ул. Рождественка.
1. Верх в сборке. 2. Верх, форма кроя. 3. Штаферка

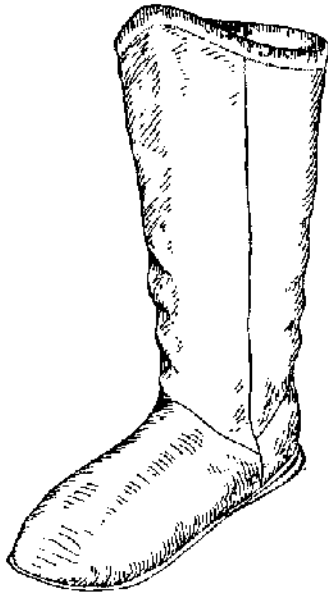
Илл. 56. Туфли из раскопок ЦВЗ «Магедж».
1. Головка. 2а. Задинка. 26. Задник. 3. Подошва

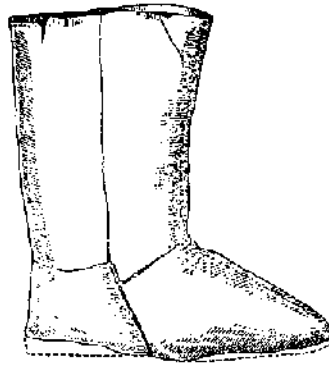
Илл. 57. Туфли из раскопок на ул. Рождественка.
1. Головка. 2. Задник. 3. Подошва

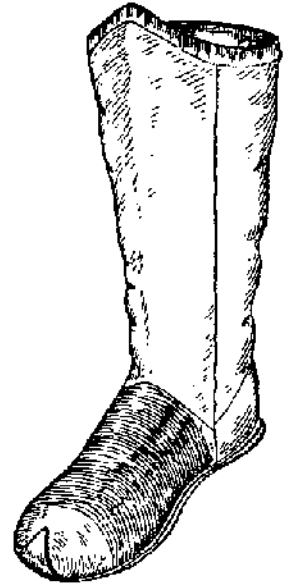
Илл. 58. Башмак из раскопок в Молочном переулке. Схема сборки.
1. Подносок. 2. Подкладка задника. 3. Головка. 4. Берцы. 5. Задник.
6. Стелька. 7. Подошва. 8. Подметка. 9. Каблучная набойка

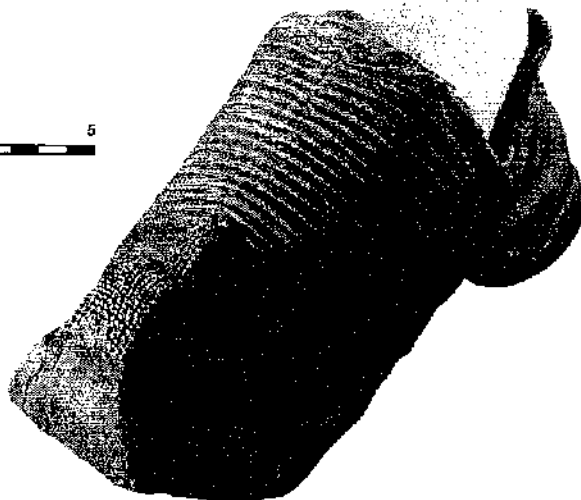
Илл. 59. Сапог
из раскопок в Зарядье

Илл. 60. Сапог
из раскопок в Новгороде

Илл. 61. Сапог
из раскопок в Зарядье

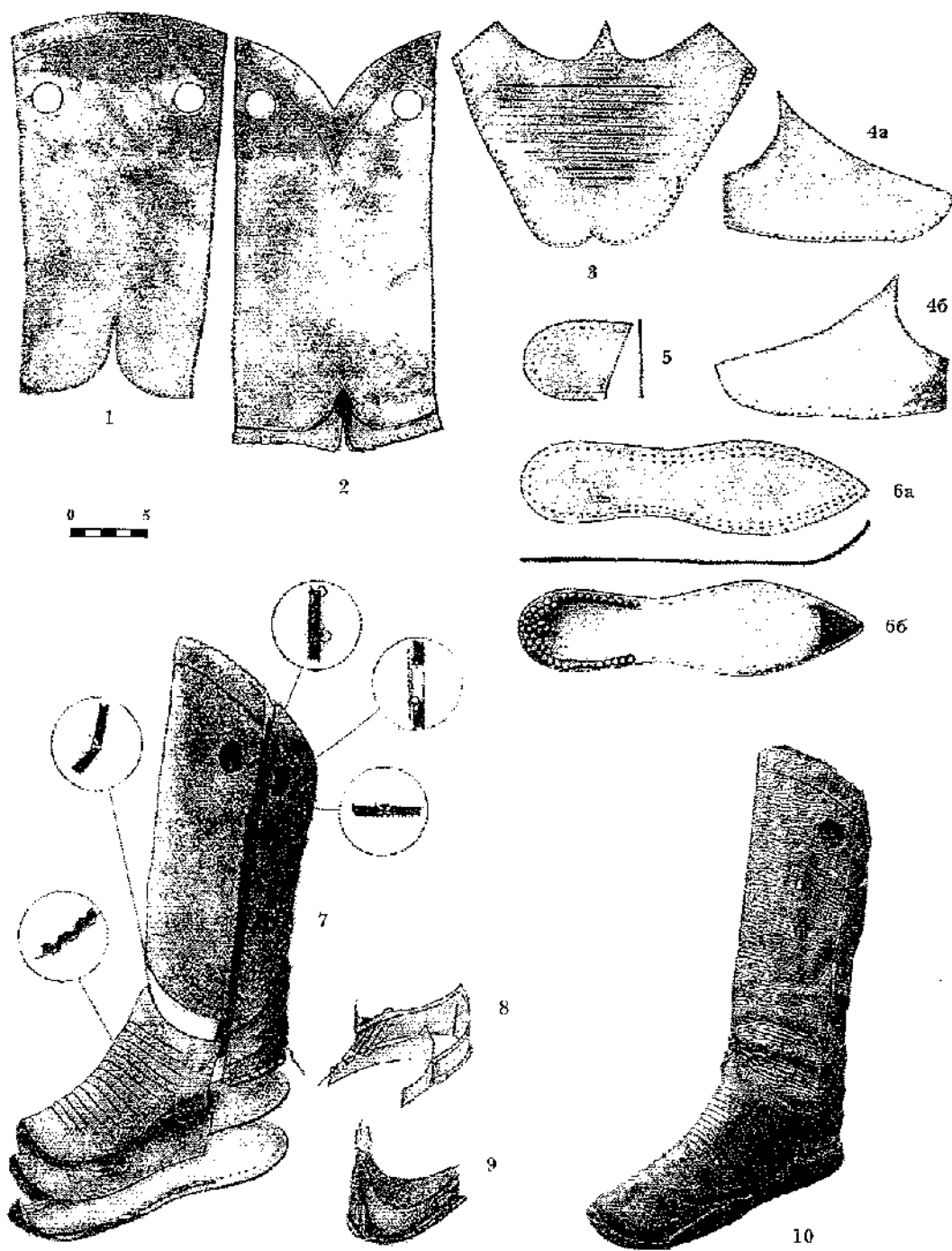
Илл. 62. Сапоги с загнутым вверх
поском подошвы, орнаментированного
металлическими гвоздиками.

Новгород

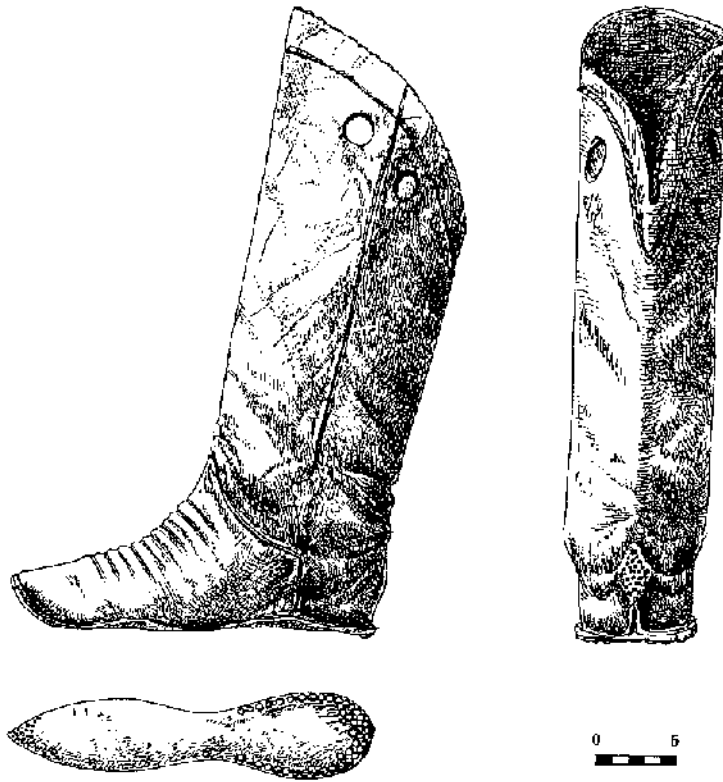

Илл. 63. Фрагмент сапога
с загнутым поском. Зарядье

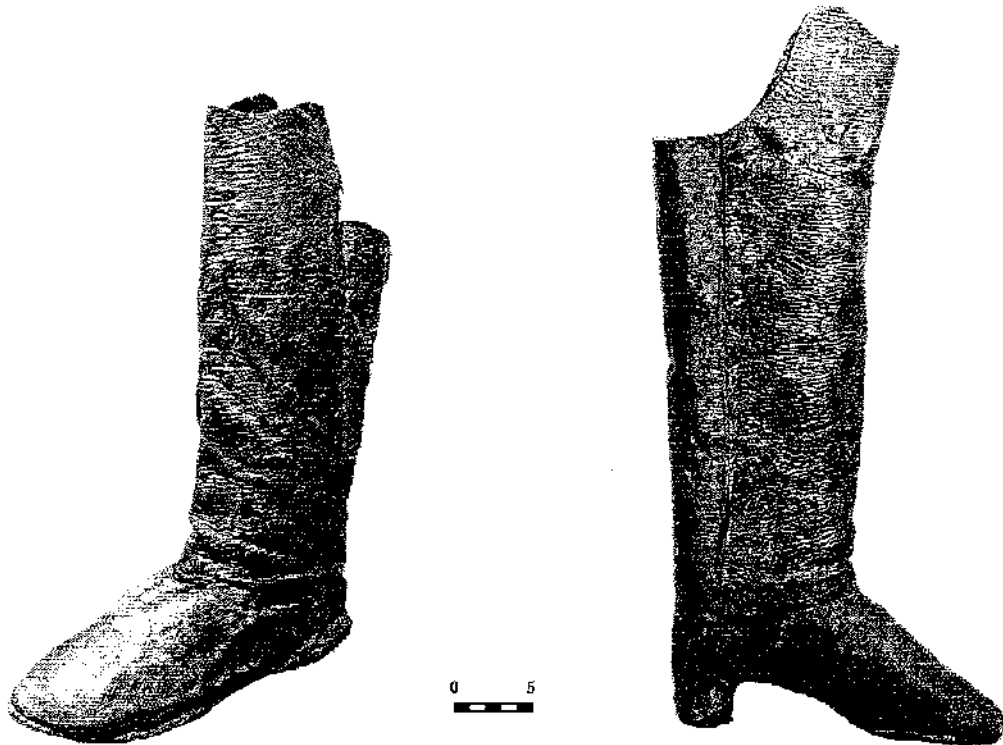

Илл. 64. Сапог из раскопок на ул. Ильинка. Схема сборки.
 1. Голенище (передняя часть). 2. Голенище (задняя часть). 3. Головка.
 4а, б. Подпяток. 5. Каблуточный флик. 6а. Подошва (внутренняя часть).
 6б. Подошва (плантарная часть). 7. Сапог в сборке. 8. Крепление
 задника. 9. Задник в сборке. 10. Сапог (реконструкция)

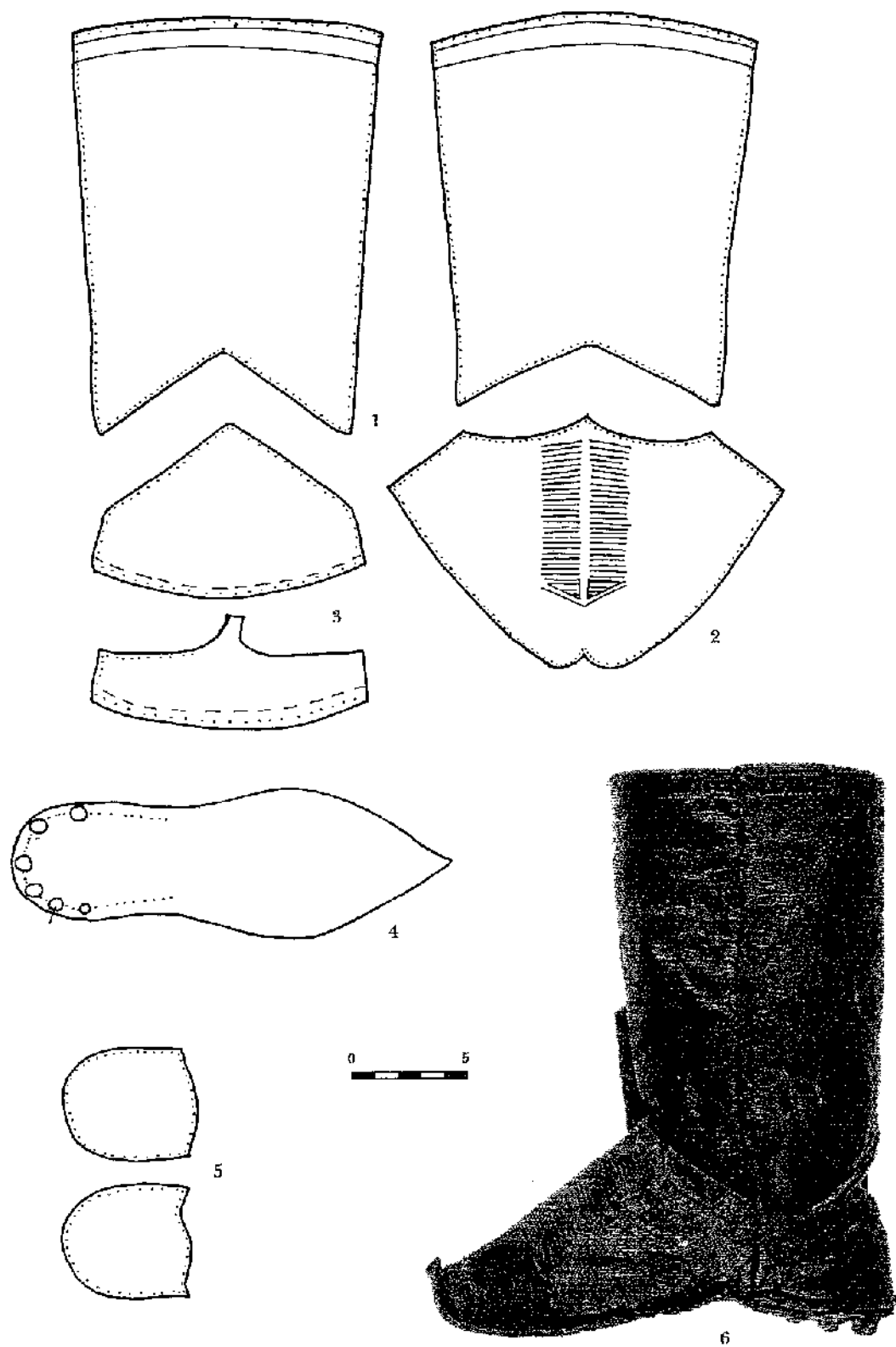

Илл. 65. Сапог (графическая реконструкция)

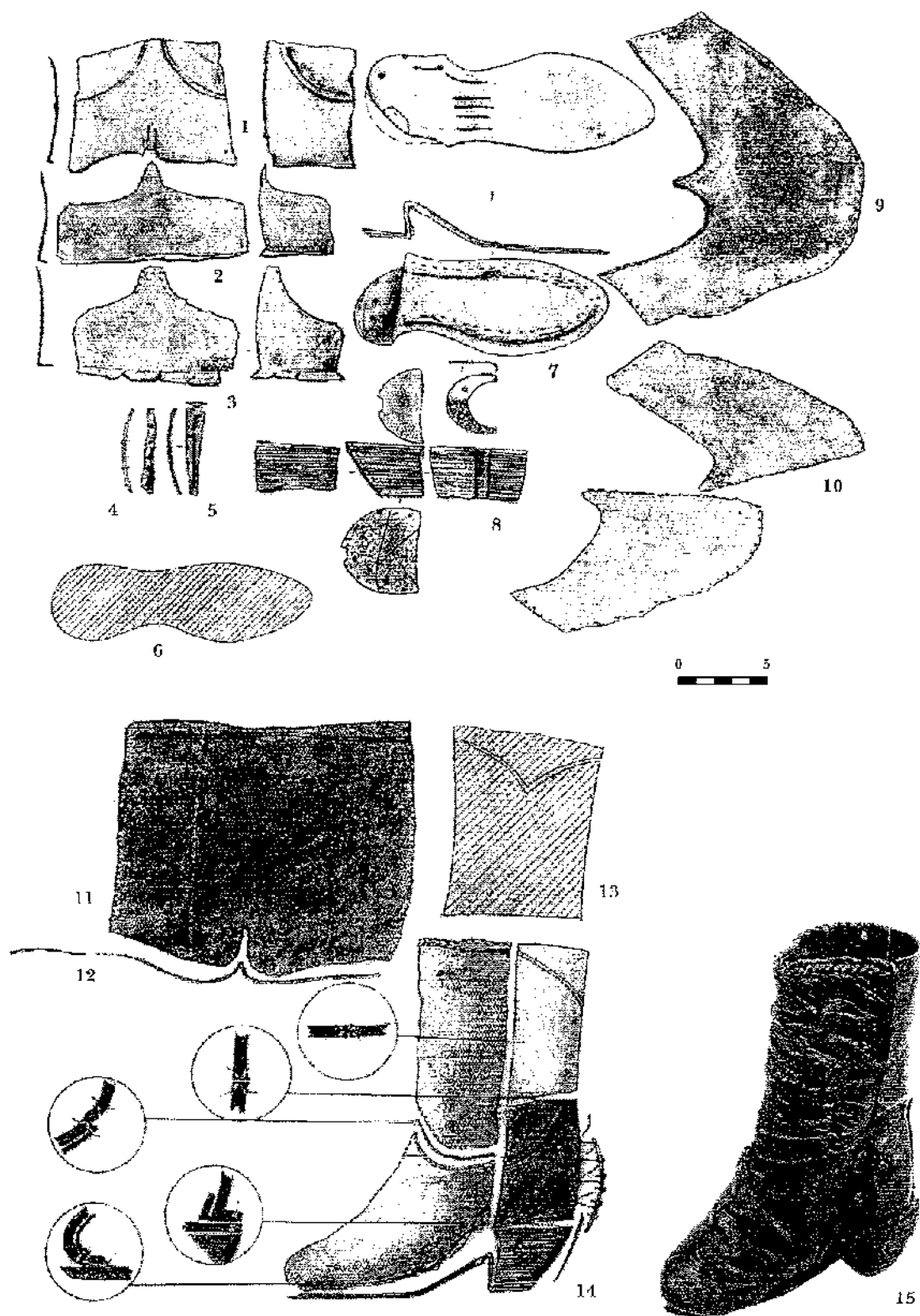

Илл. 66. Детский сапог
из раскопок в Старом Гостином дворе

Илл. 67. Сапог из раскопок
в Московском Кремле

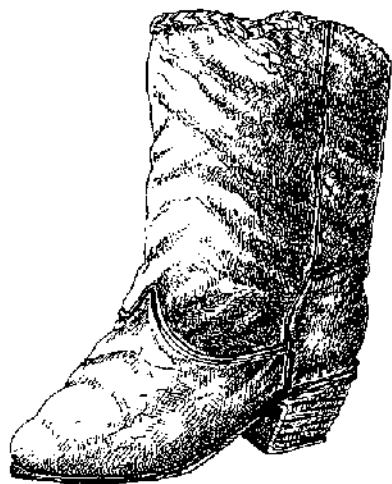

Илл. 68. Сапог из раскопок в Московском Кремле.
1. Голенище. 2. Головка с тиснением по оси носка. 3. Задник жесткой конструкции.
4. Подошва. 5. Подкладка внутреннего каблука. 6. Сапог в сборке (фото)

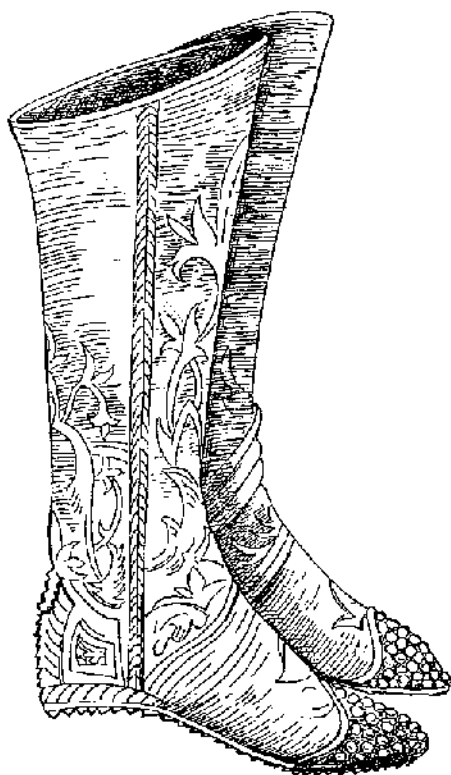

Илл. 69. Сапог из раскопок на Кадапьевской набережной. Схема сборки.

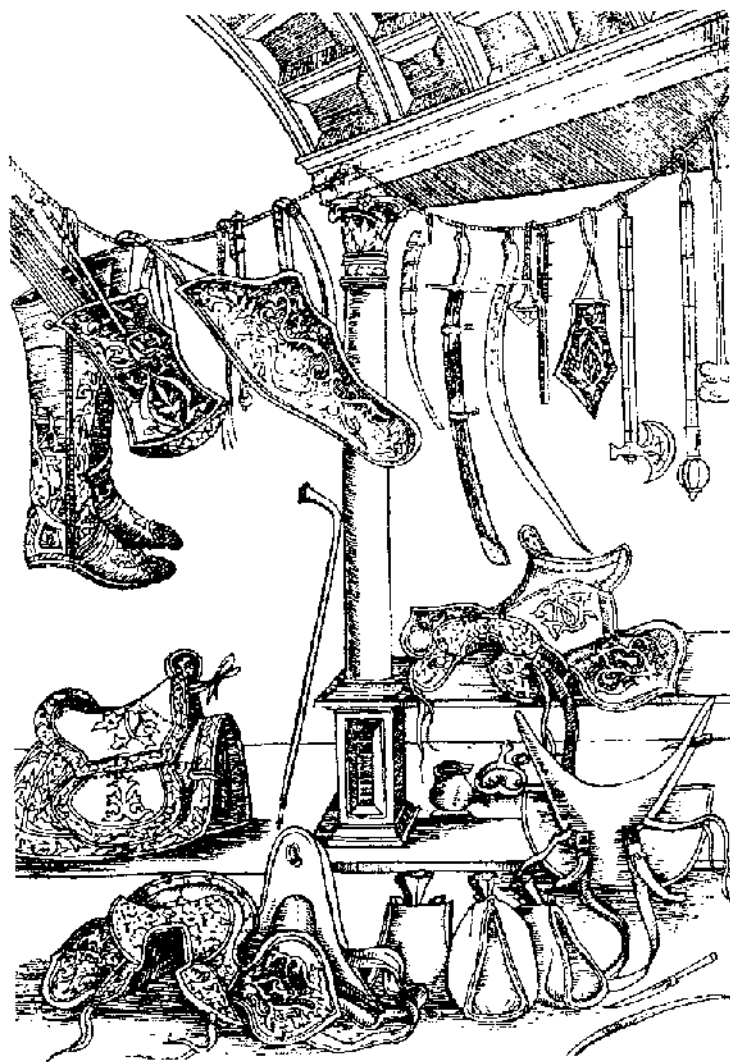
1. Задник. 2, 3. Детали кармана задника. 4, 5. Кожаные накладки на задник и каблук.
6. Простилка (реставрация). 7. Подошва. 8. Наборный каблук. 9. Головка. 10. Поднаряд.
11. Голенище (передняя часть). 12. Кожаный рафт. 13. Голенище (задняя часть).
14. Сапог в сборке. 15. Сапог после реставрации (фото)

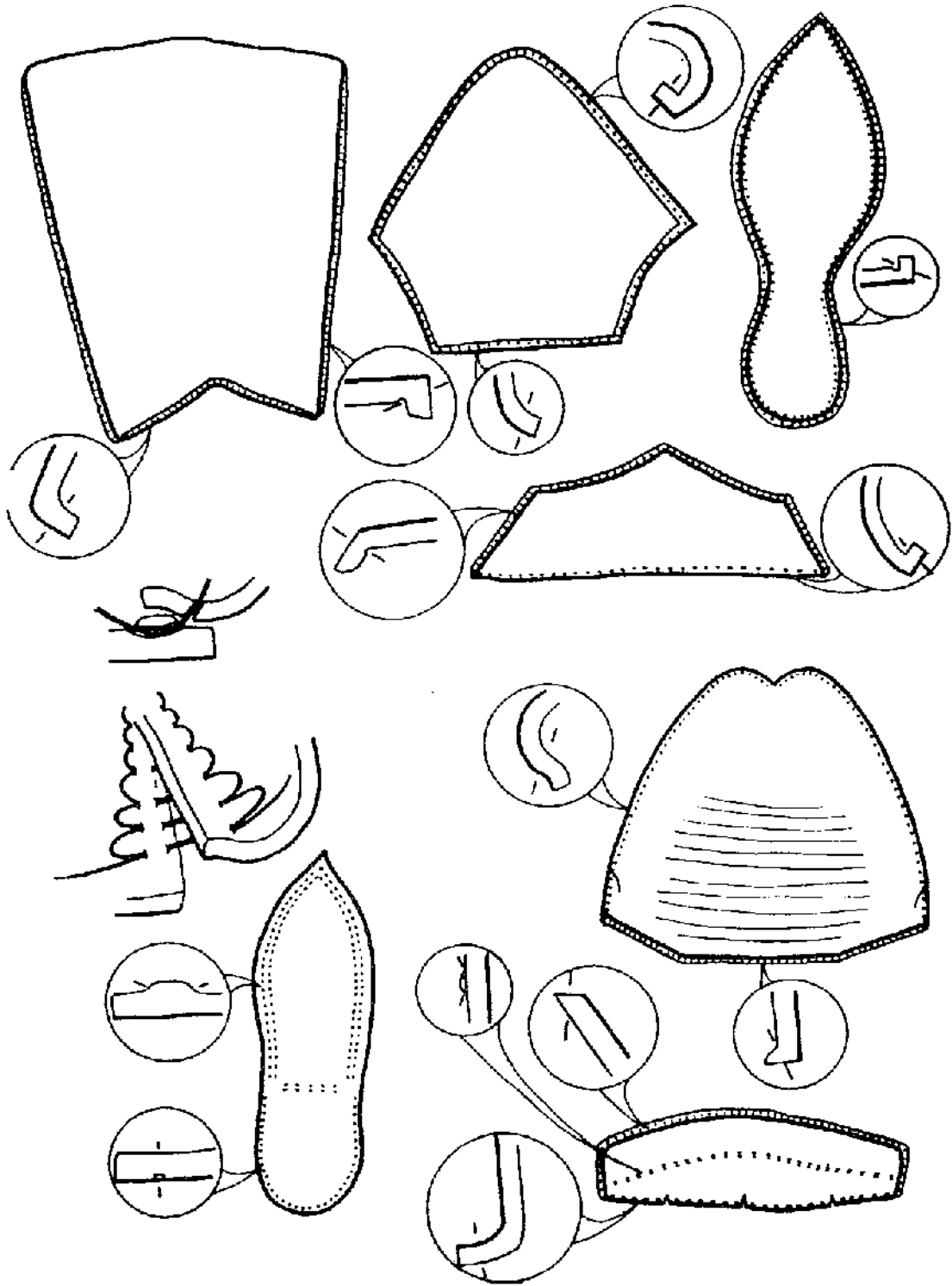
Илл. 70. Сапог.
Графическая реконструкция

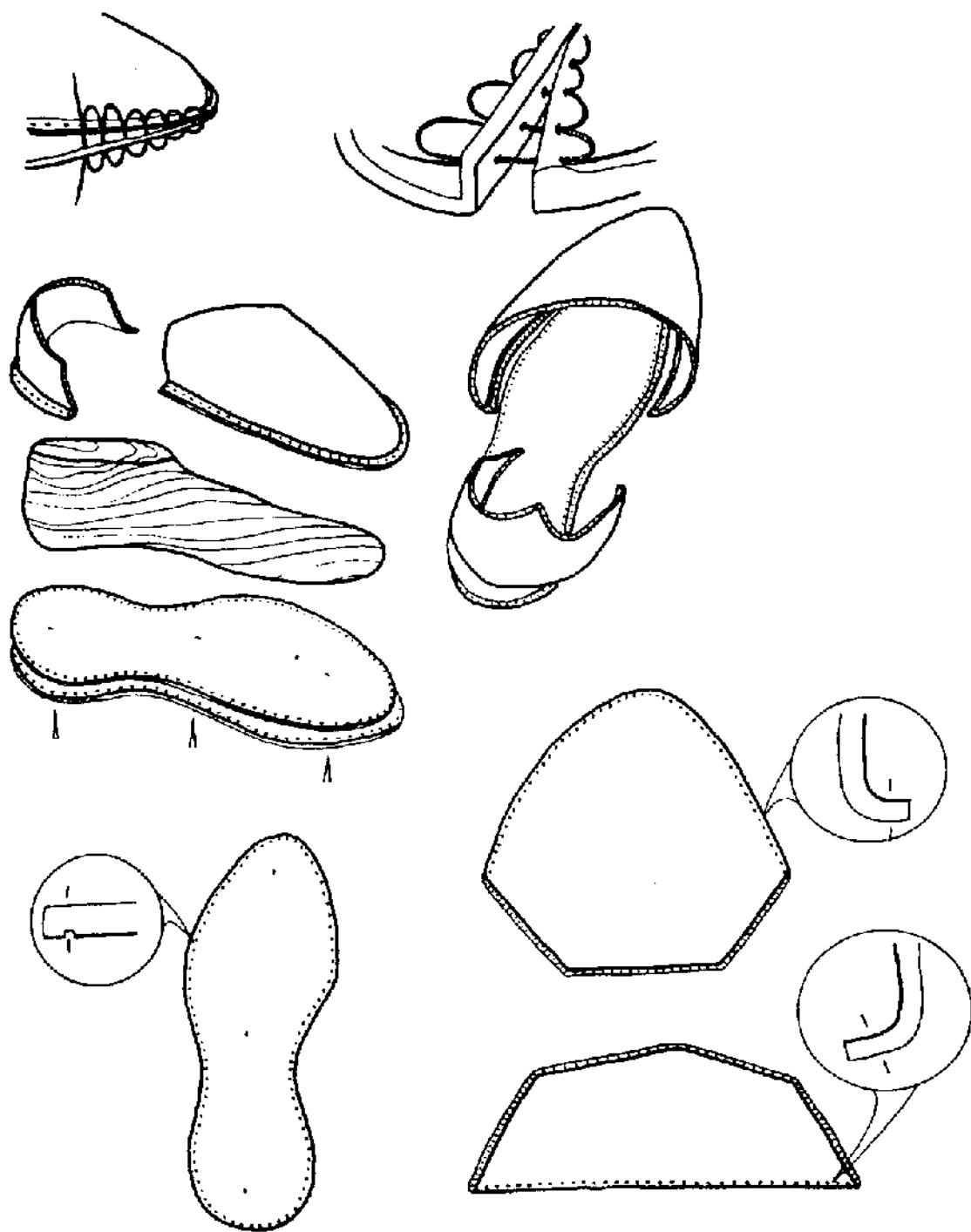
Илл. 72. Сапоги
(фрагмент гравюры)

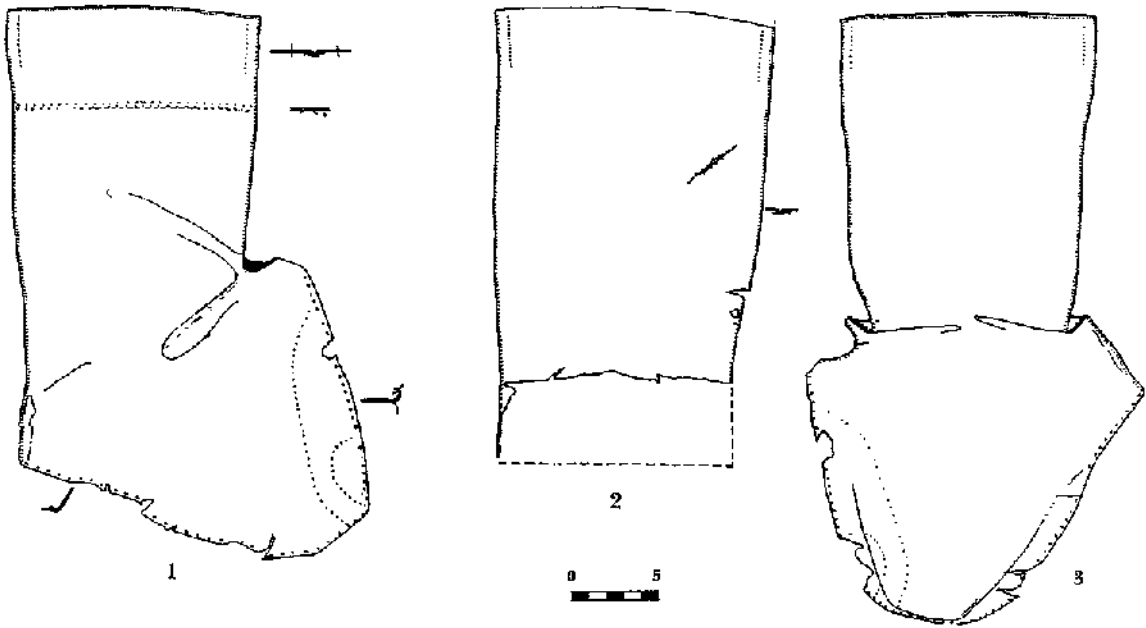
Илл. 71. Предметы дорожной утвари
и воинского снаряжения. Гравюра из книги
«Записки о Московии» С. Герберштейна

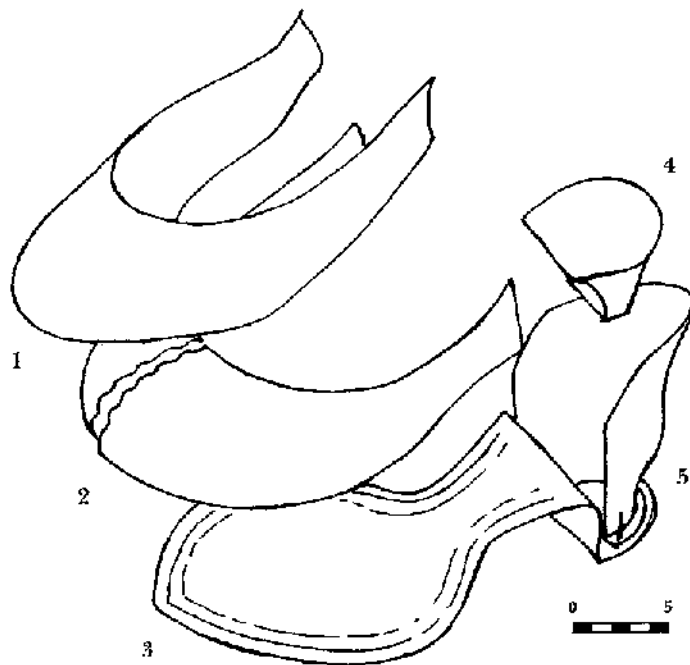
Илл. 73.1. Схема сборки сапог
 (из книги А. В. Курбатова «Кожевненное производство
 Твери XIII-XV вв.» СПб. 2004)

Илл. 78.2. Схема сборки сапог
(из книги А. В. Курбагова «Кожевенное производство
Твери XIII-XV вв.» СПб. 2004)

Илл. 74. Сапоги-«осташи» из раскопок в Грохольском переулке.
 1. Цельнокросные головка с голенищем. 2. Верхняя часть голенища.
 3. Головка и голенище. Вид спереди

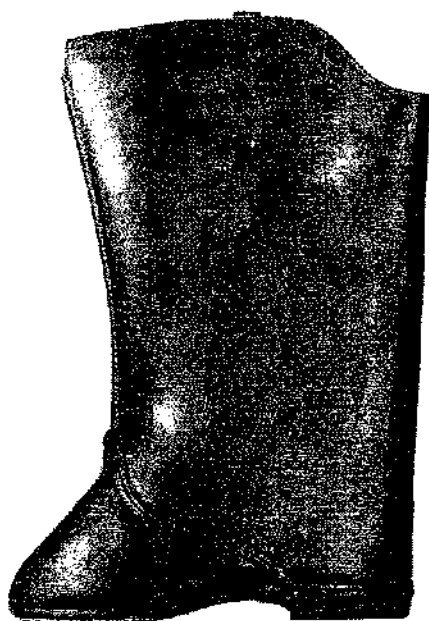
Илл. 75. Сапоги с деревянным каблуком из раскопок Манежной площади.
 1. Головка. 2. Составной поднаряд. 3. Подошва. 4. Деревянная основа каблука.
 5. Кожаная обтяжка каблука

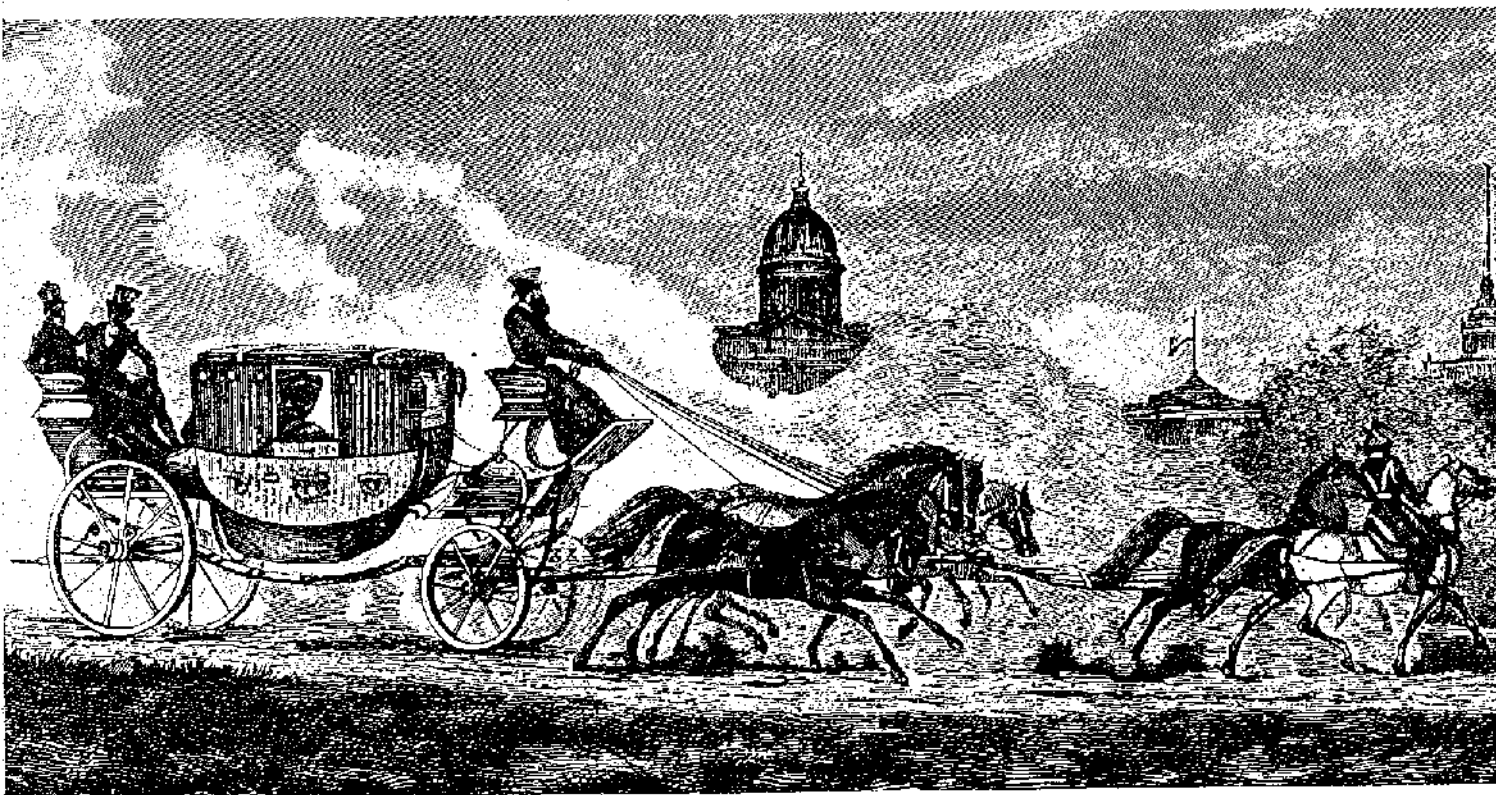
Илл. 77. Офицер Драгунского полка в ботфортах
(1700-1732 гг.)

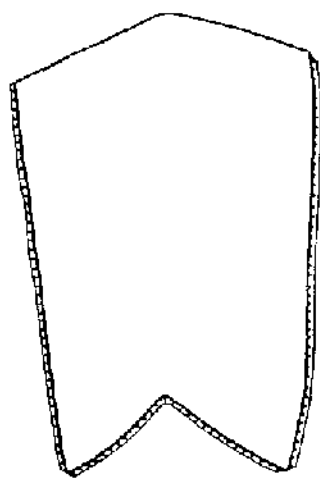
158 Илл. 76. Рейтарские ботфорты

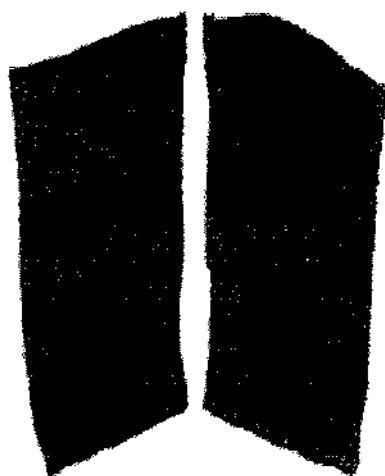
Илл. 78. Форейторские сапоги

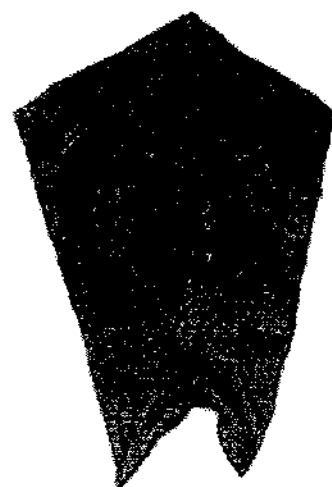
Илл. 79. Передвижение с использованием специальной обуви.

80

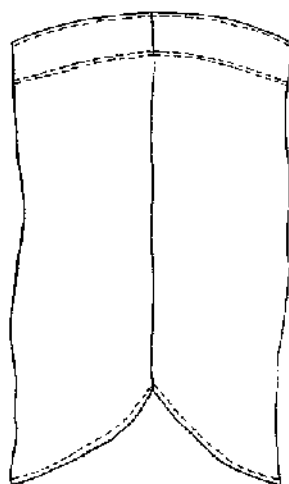
81

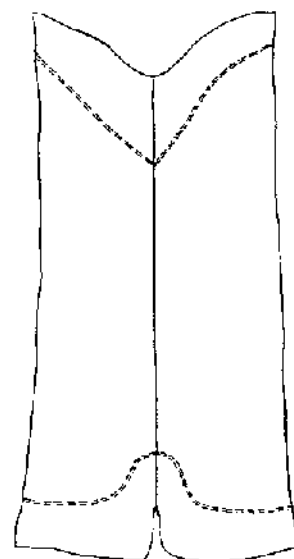
82

83

84a

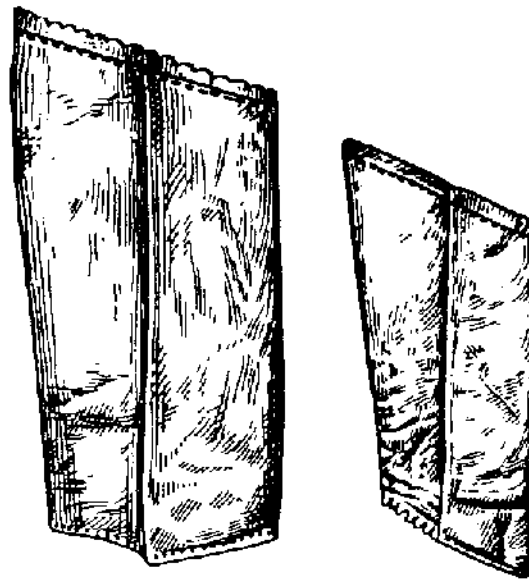

84b

Илл. 80-84. Детали верха. Сапожные голенища.

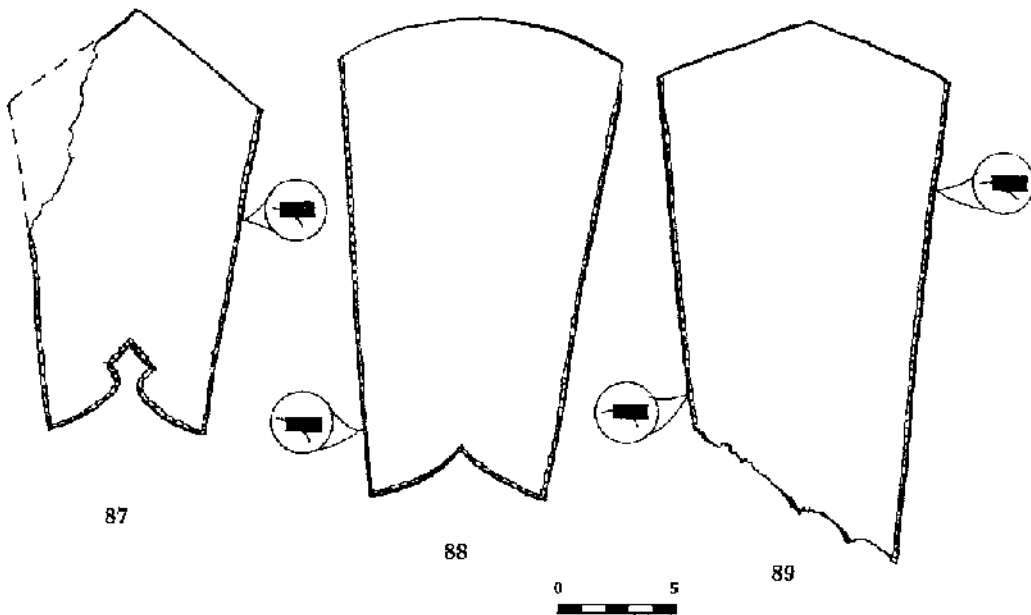
81. Двухчастная передняя часть голенища.

80, 82-84. Двухчастные голенища

85

86

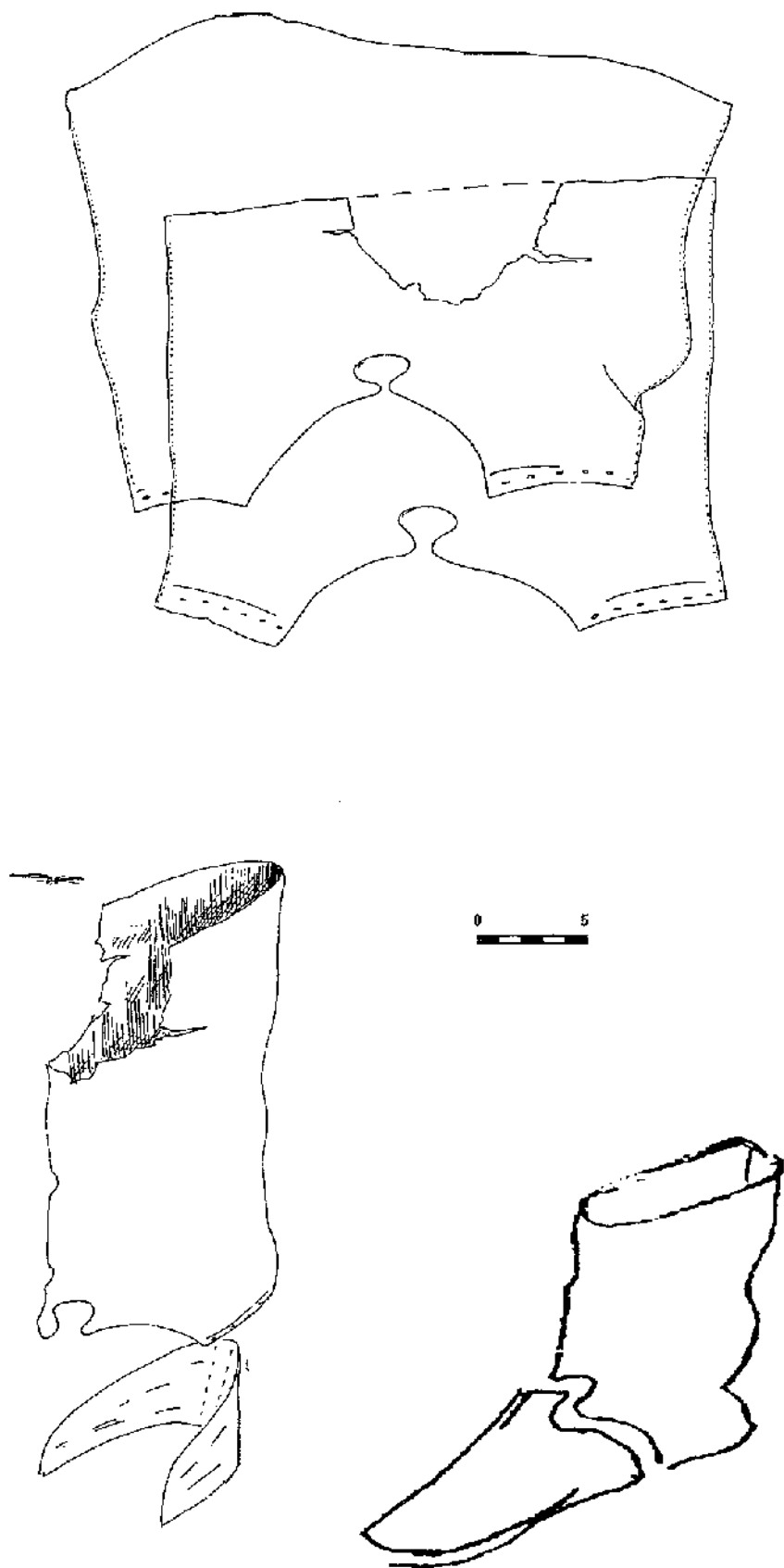
87

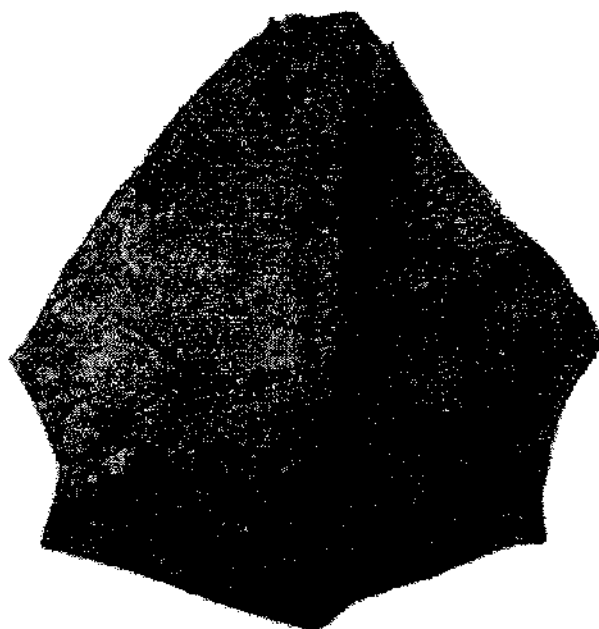
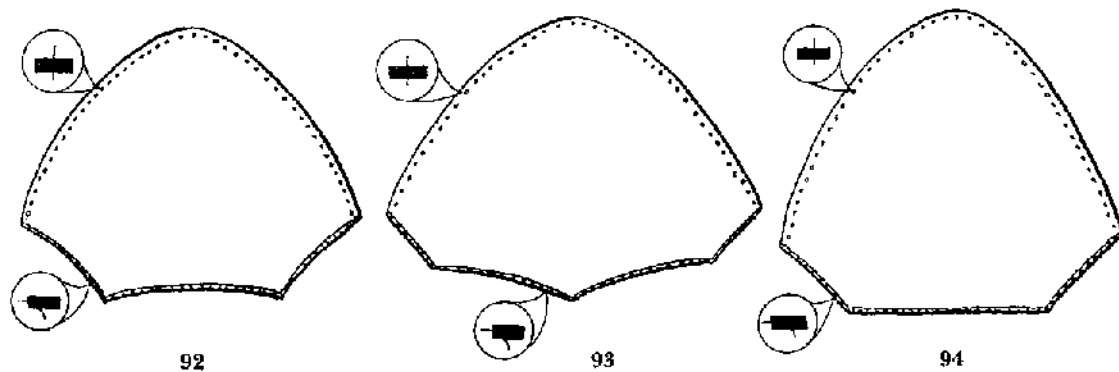
88

89

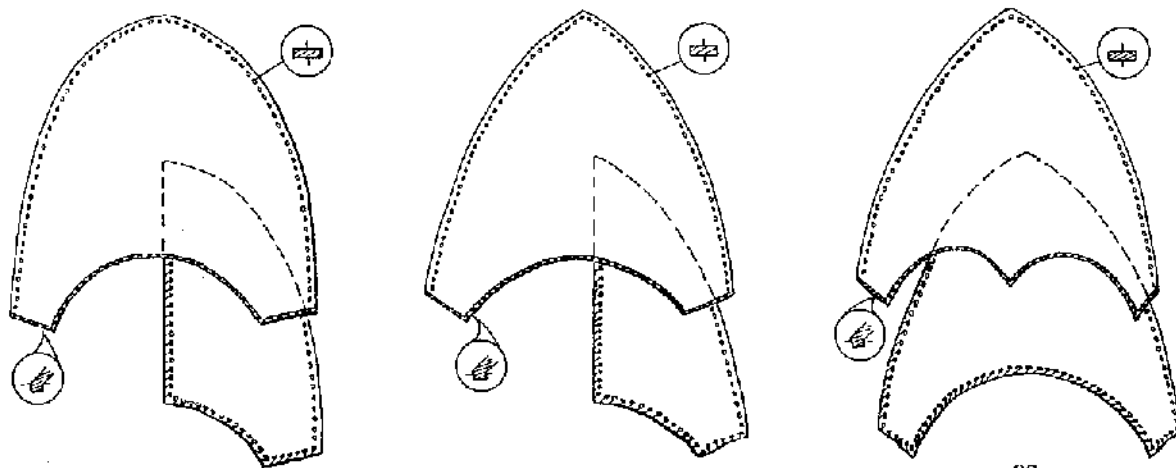

Илл. 85-89. Детали верха. Сапожные голенища

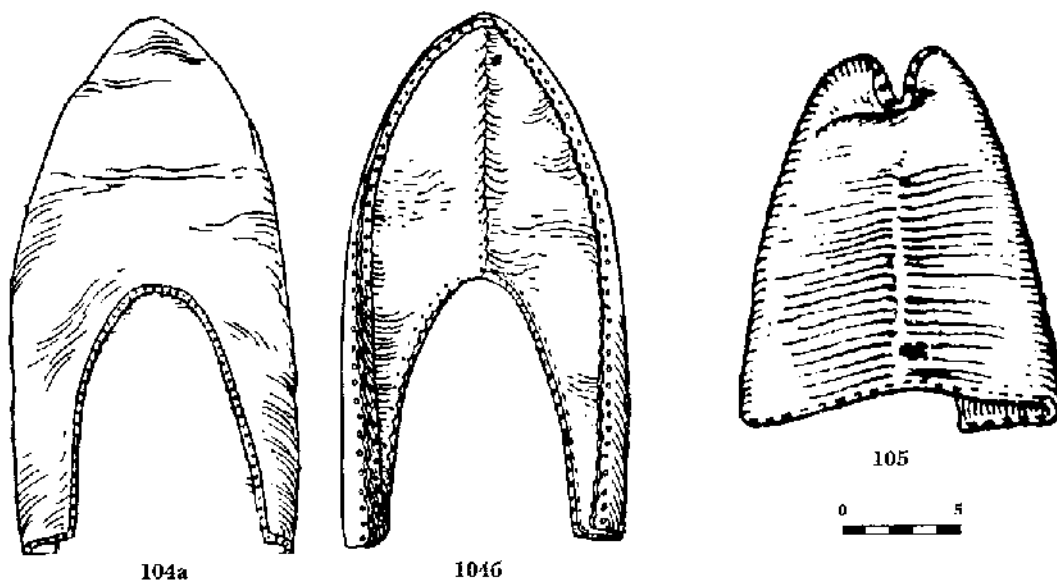
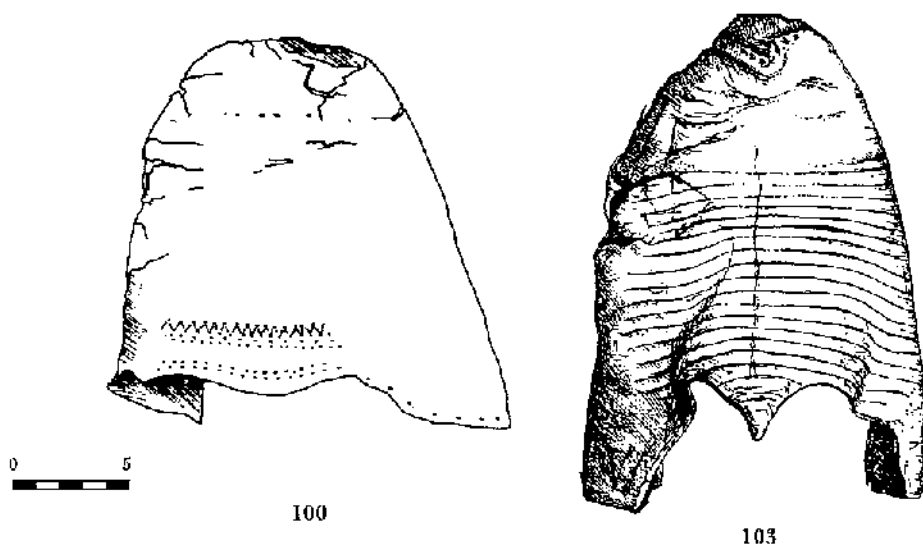
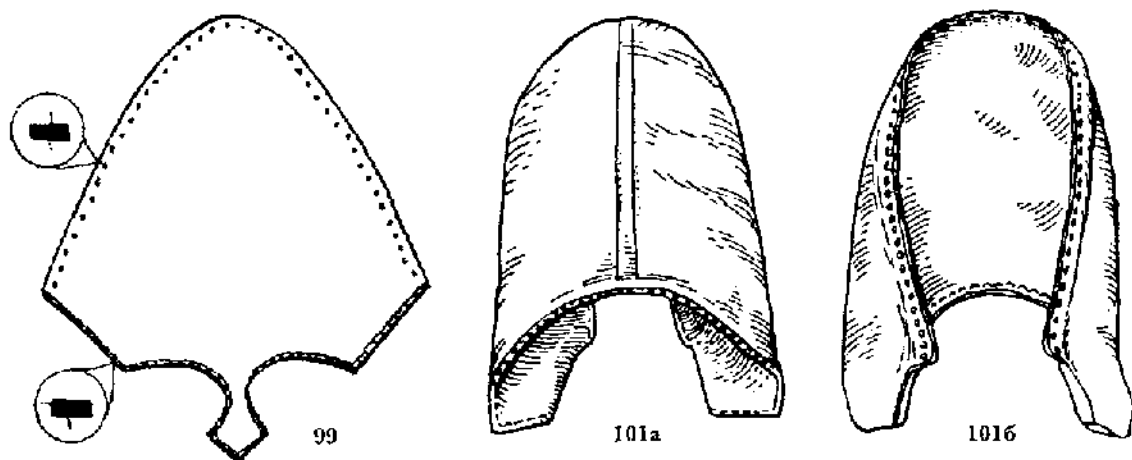

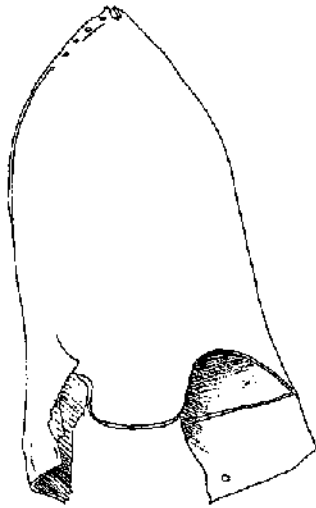

95

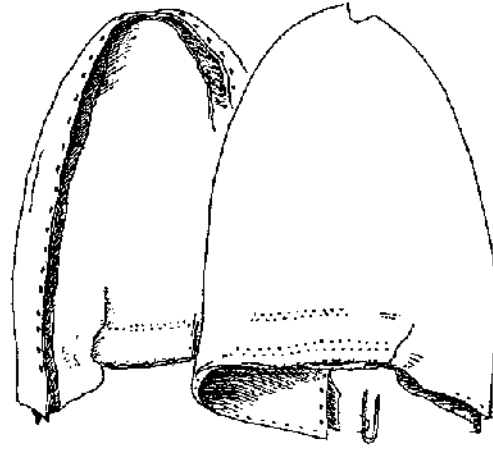

Илл. 92-98. Детали верха. Сапожные головки

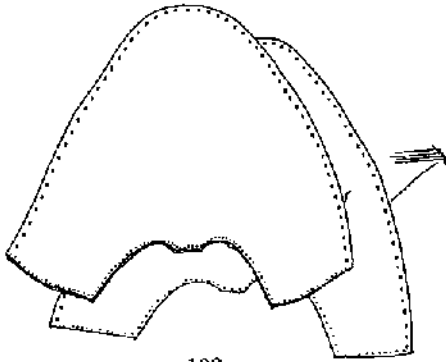

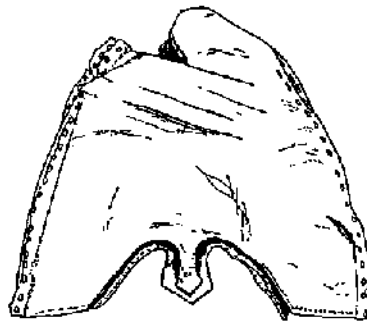
107

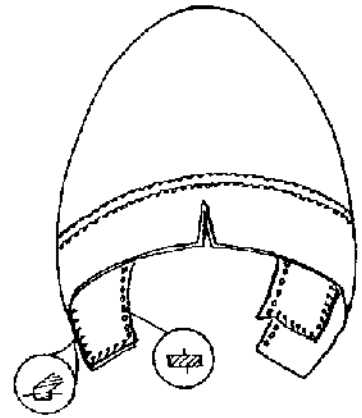
106

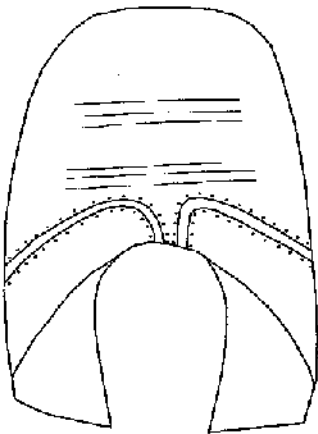
108

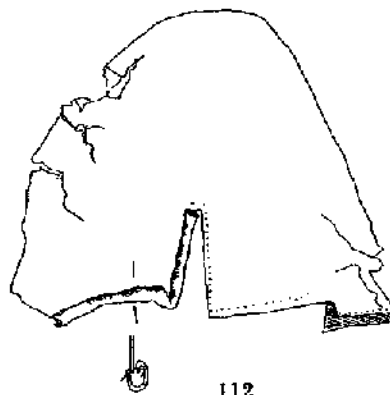
109

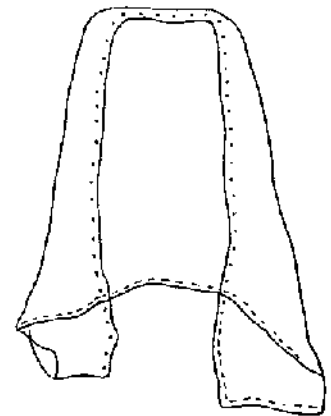
110

111

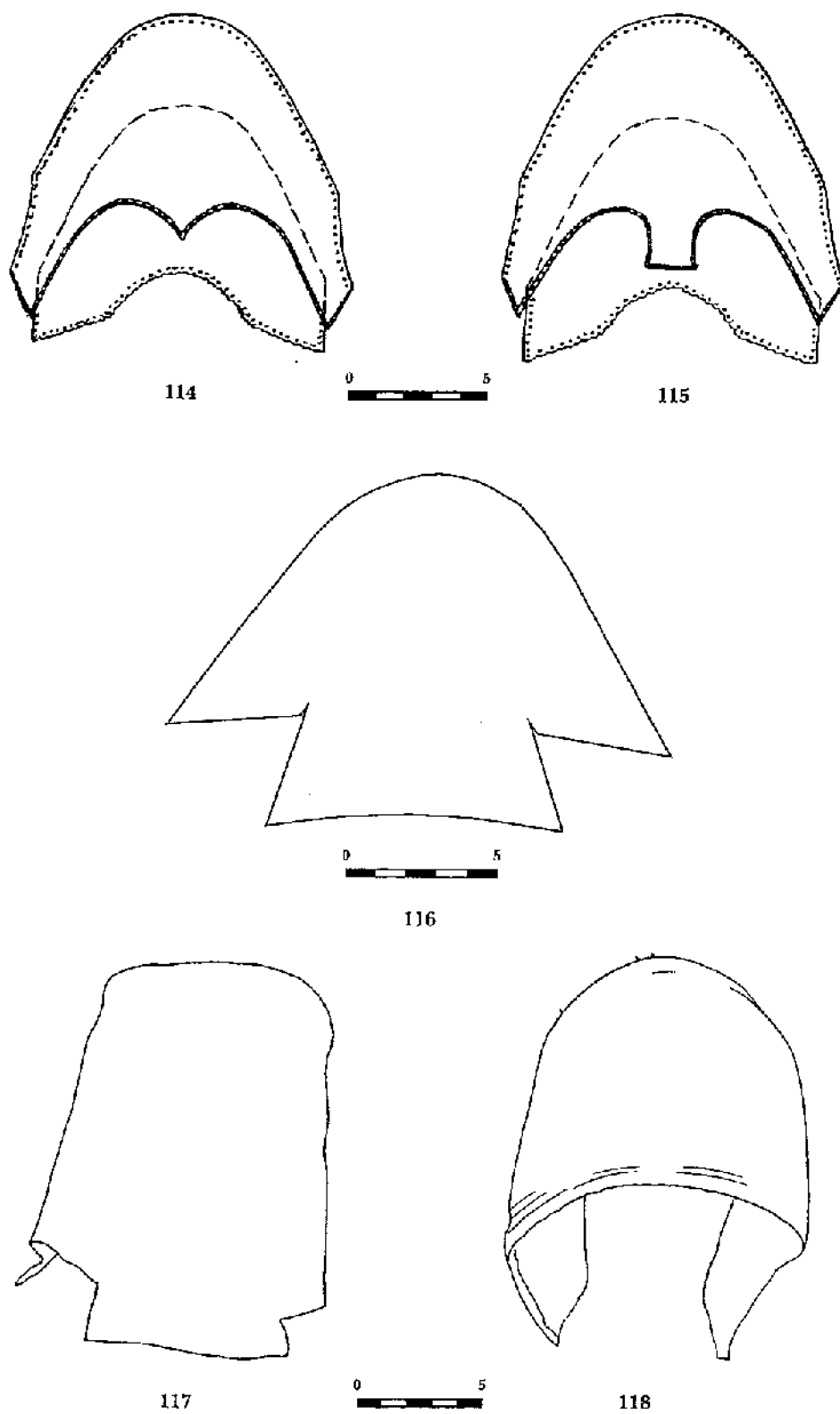

112

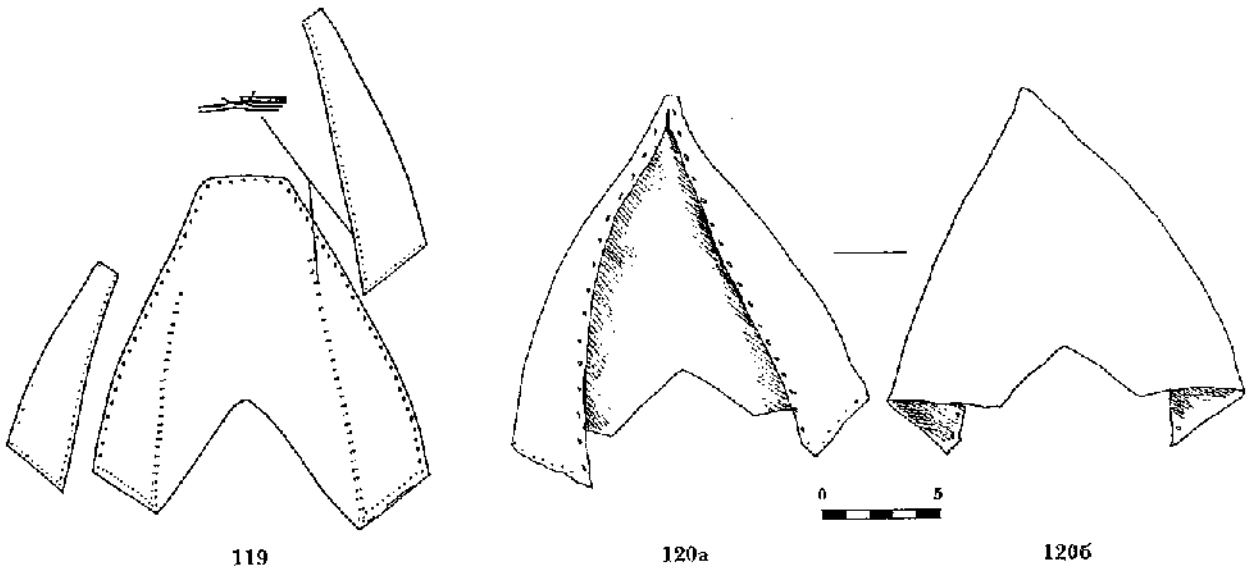

113

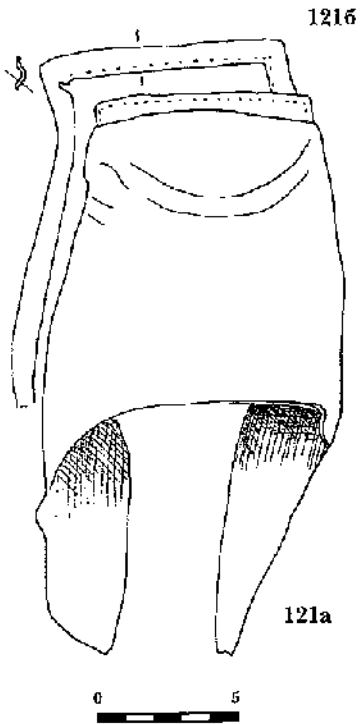
Илл. 106-109. Детали верха. Сапожные головки.
110-113. Головки туфель

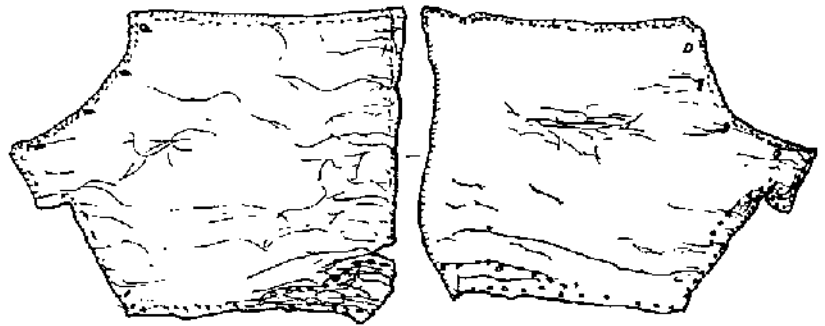
Илл. 114-118. Детали верха. Головки туфель

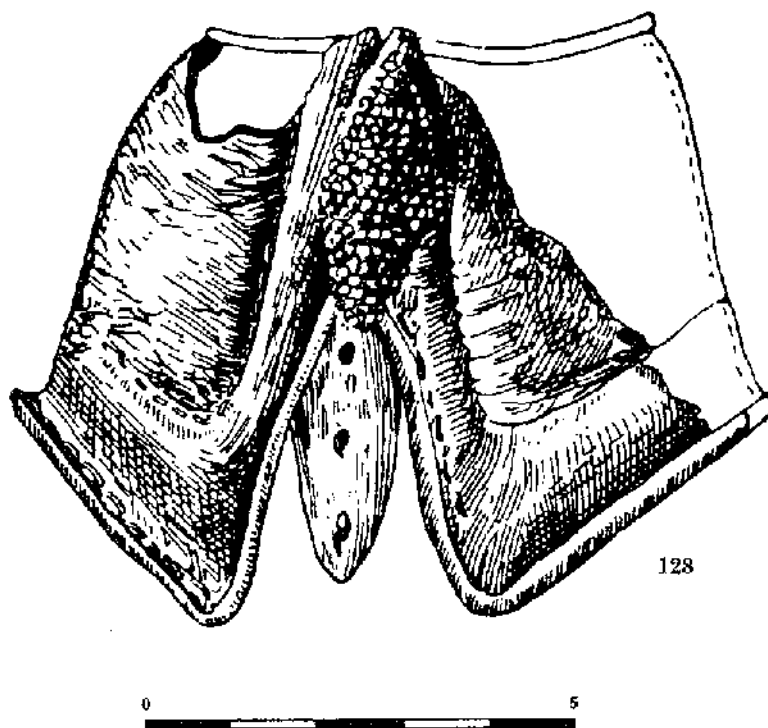
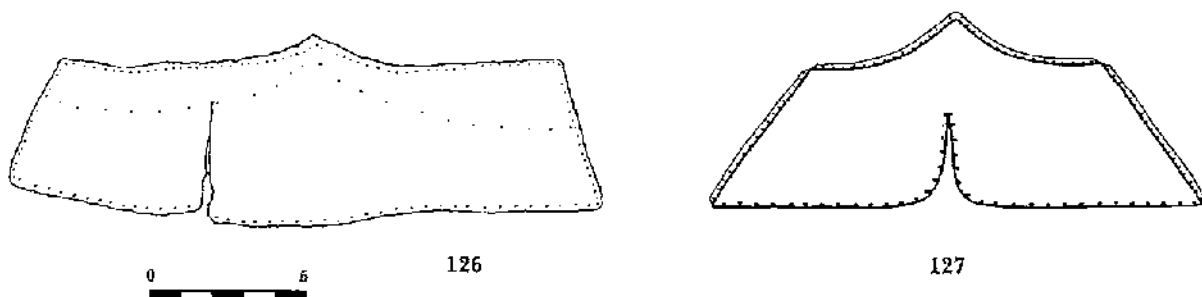
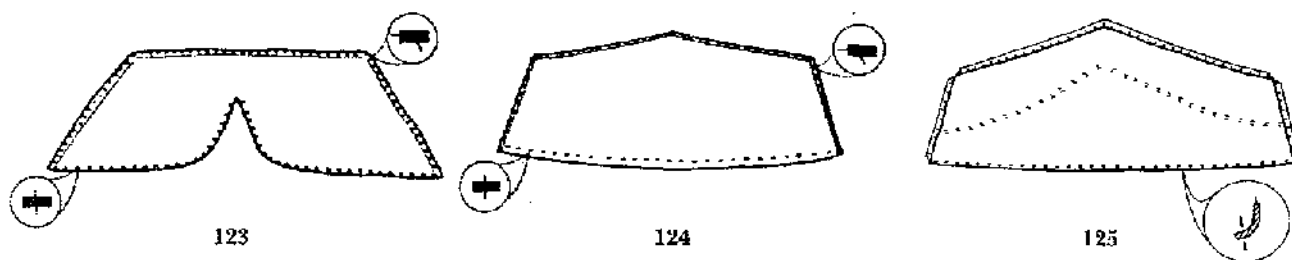
Илл. 119–120. Детали верха. Головки обуви низких форм

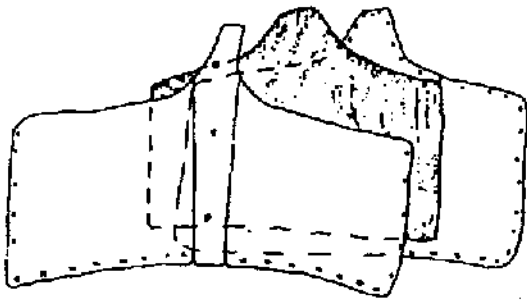
Илл. 121. Детали верха.
121а. Головка туфли.
121б. Ганг

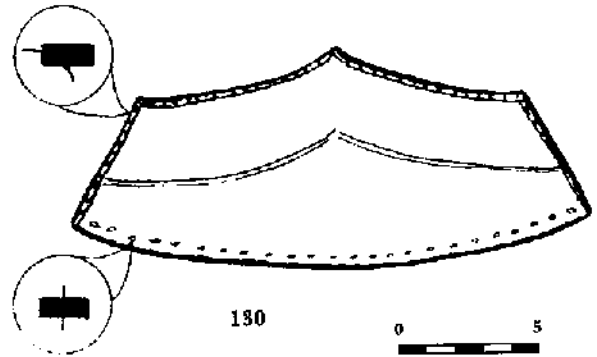
Илл. 122. Детали верха. Двухсоставные берцы

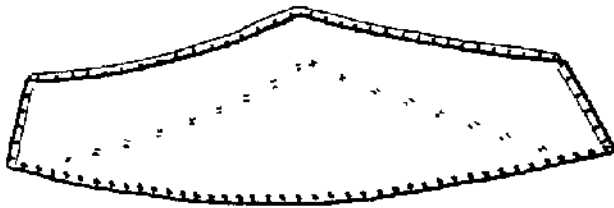
Илл. 123-128. Детали низа. Задники

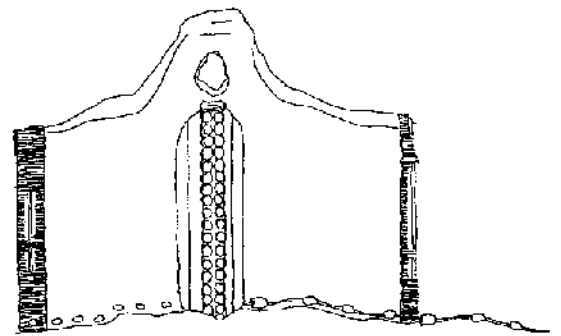
129

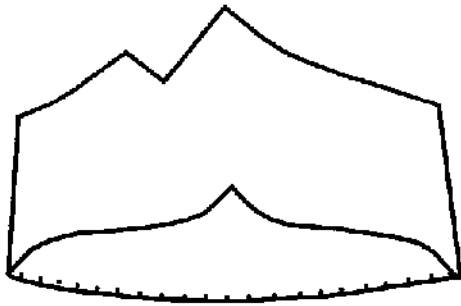
130

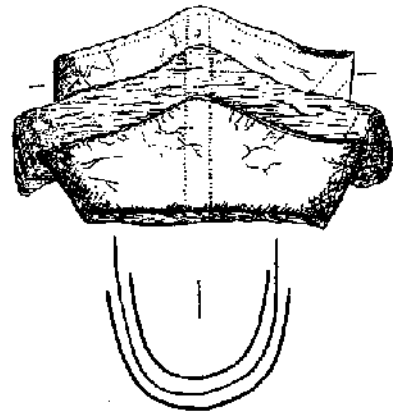
131

132

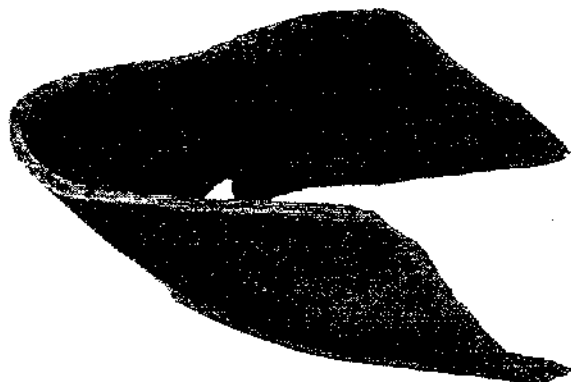

133

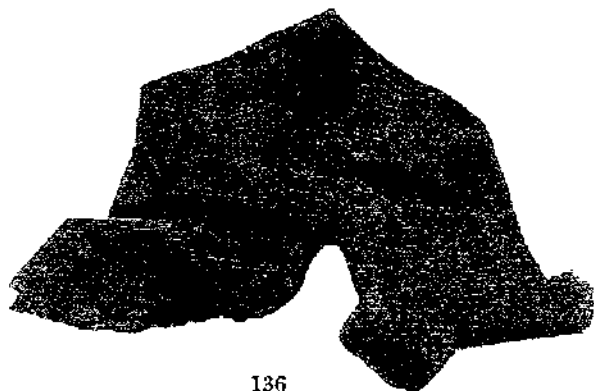

134

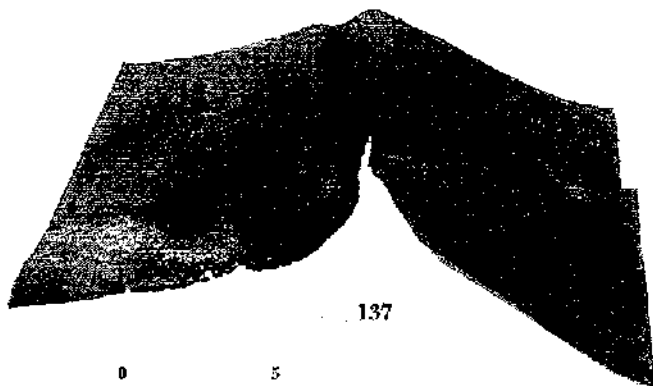
Илл. 129-134. Детали низа. Задники

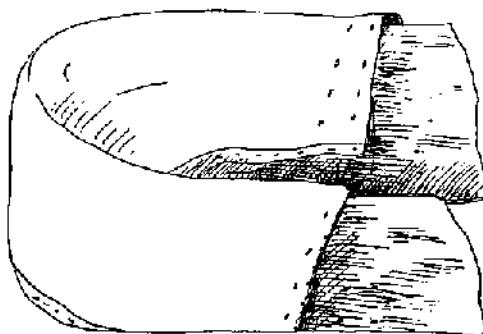
135

136

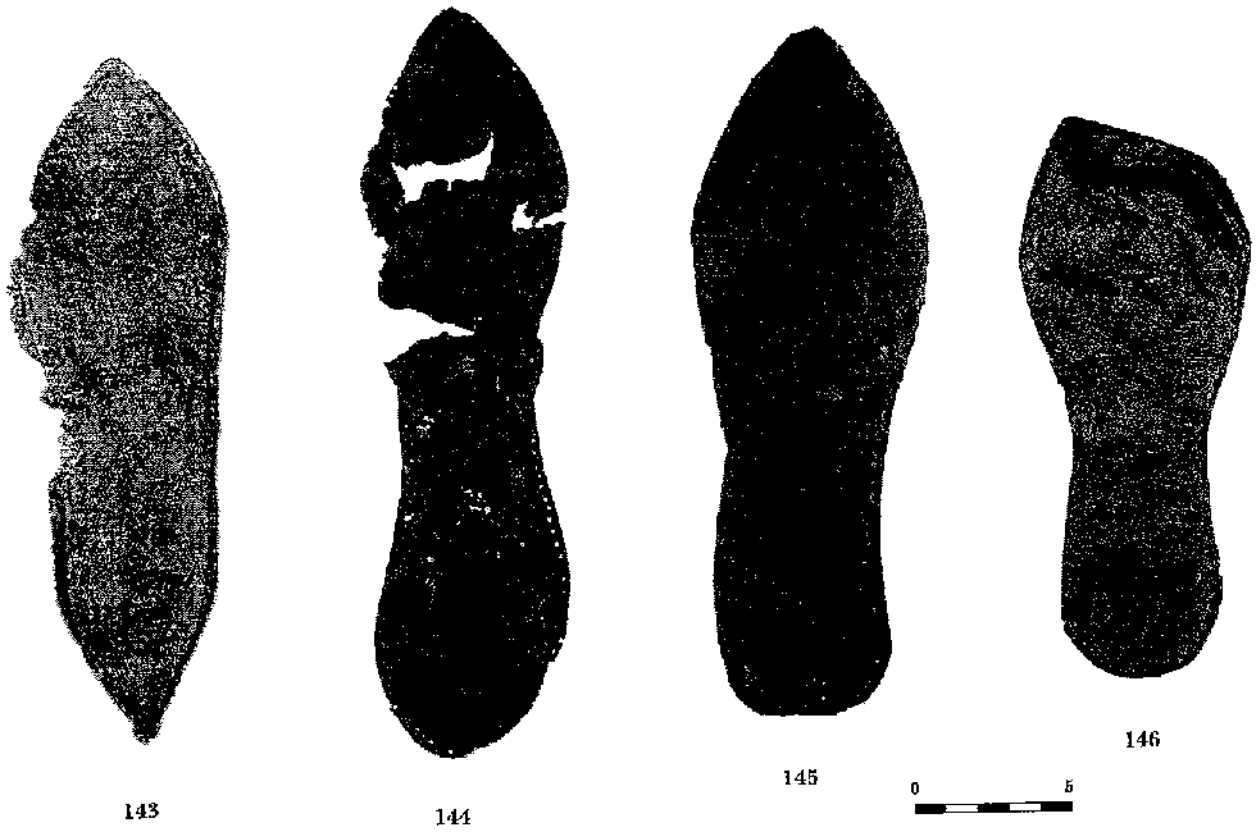
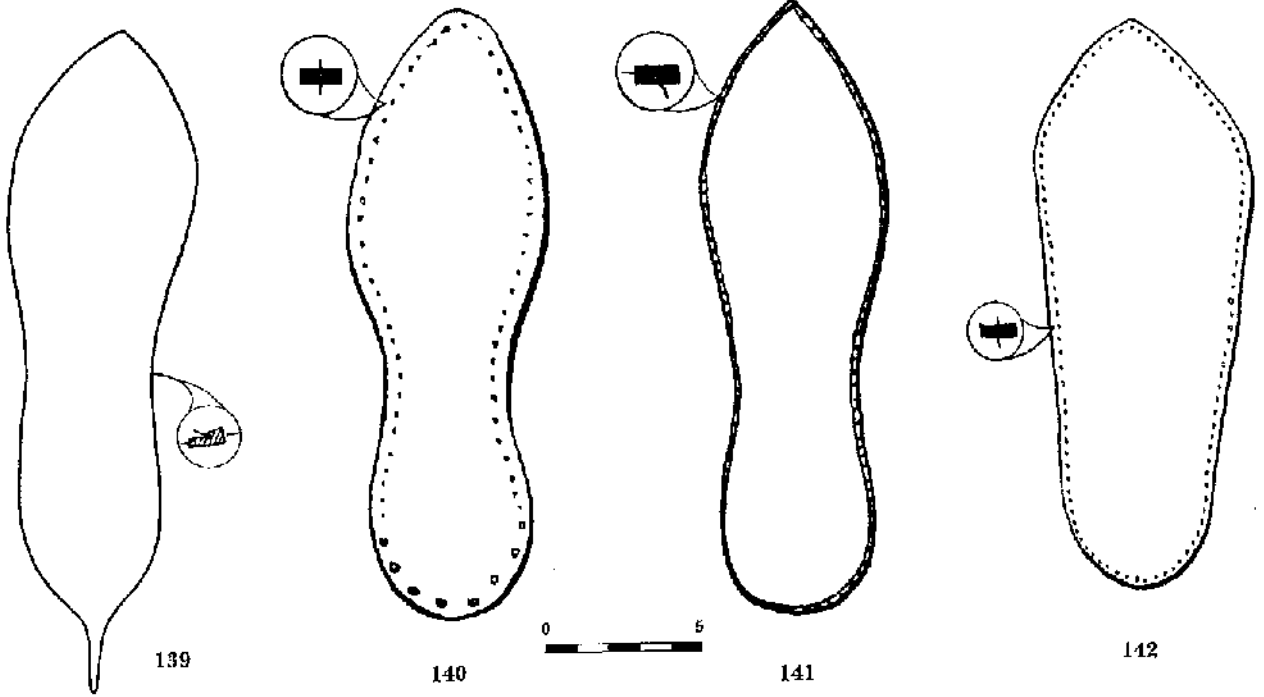

137

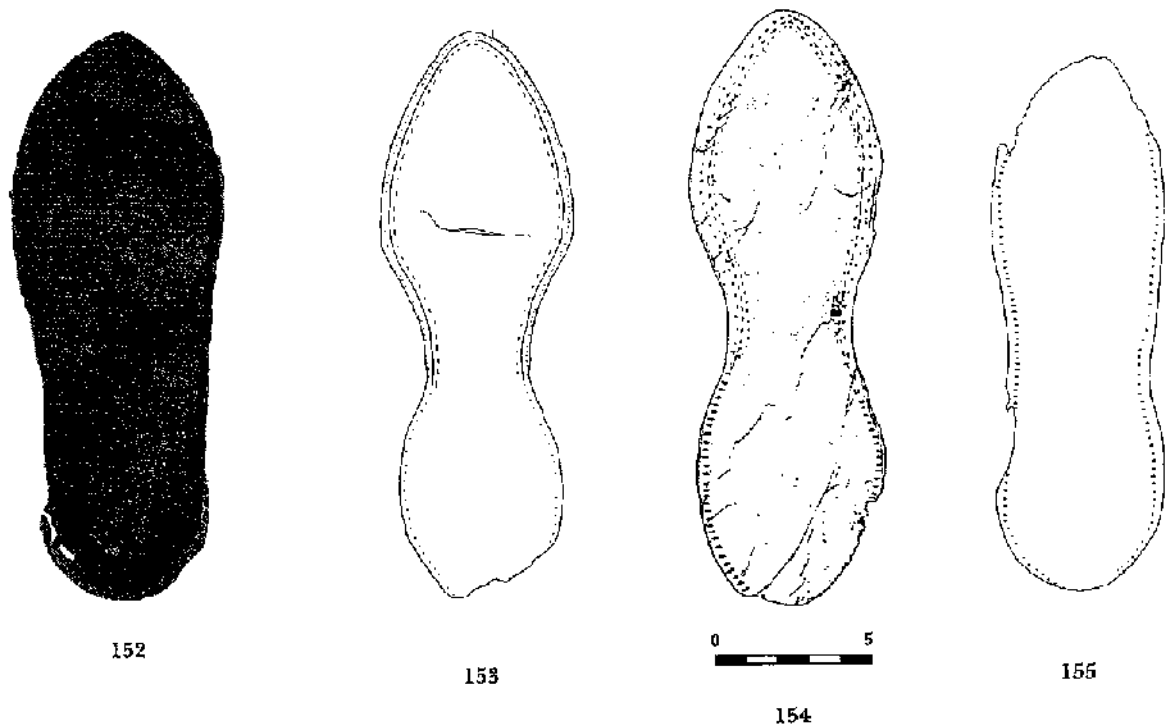
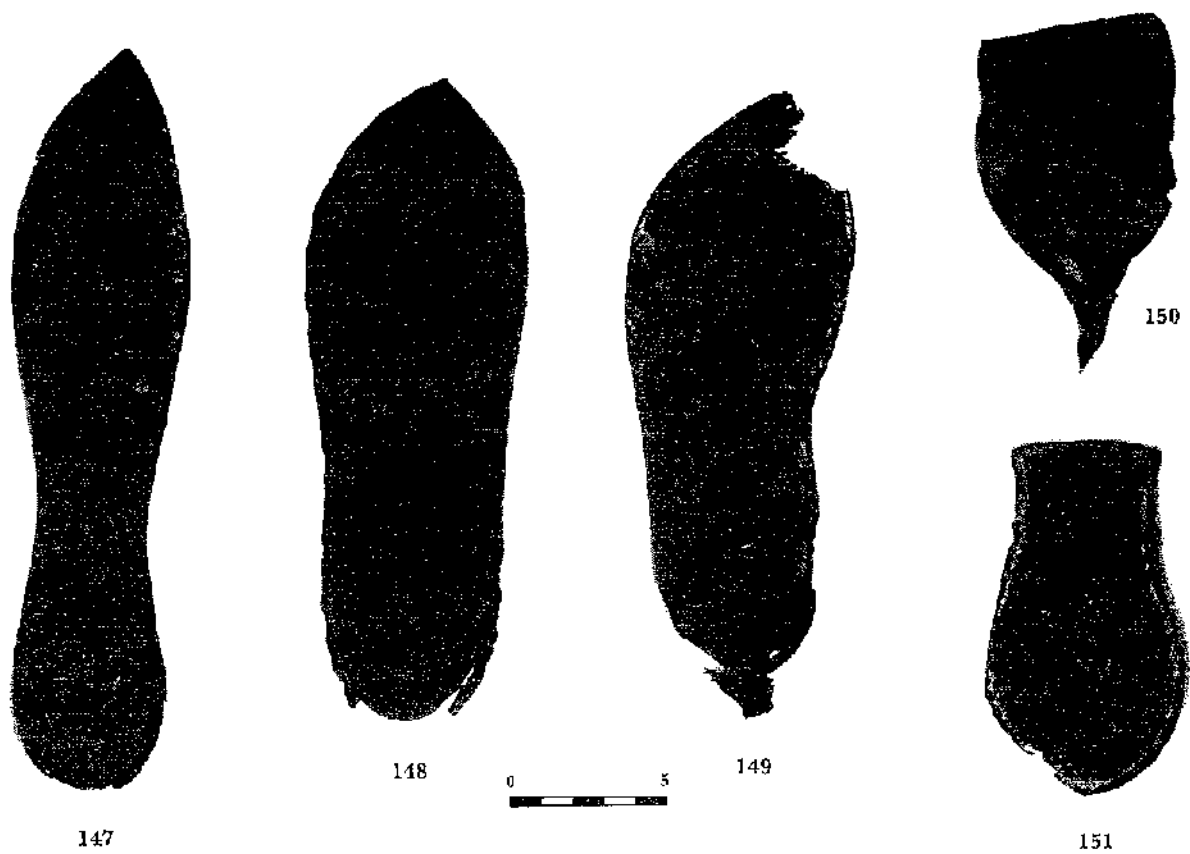

138

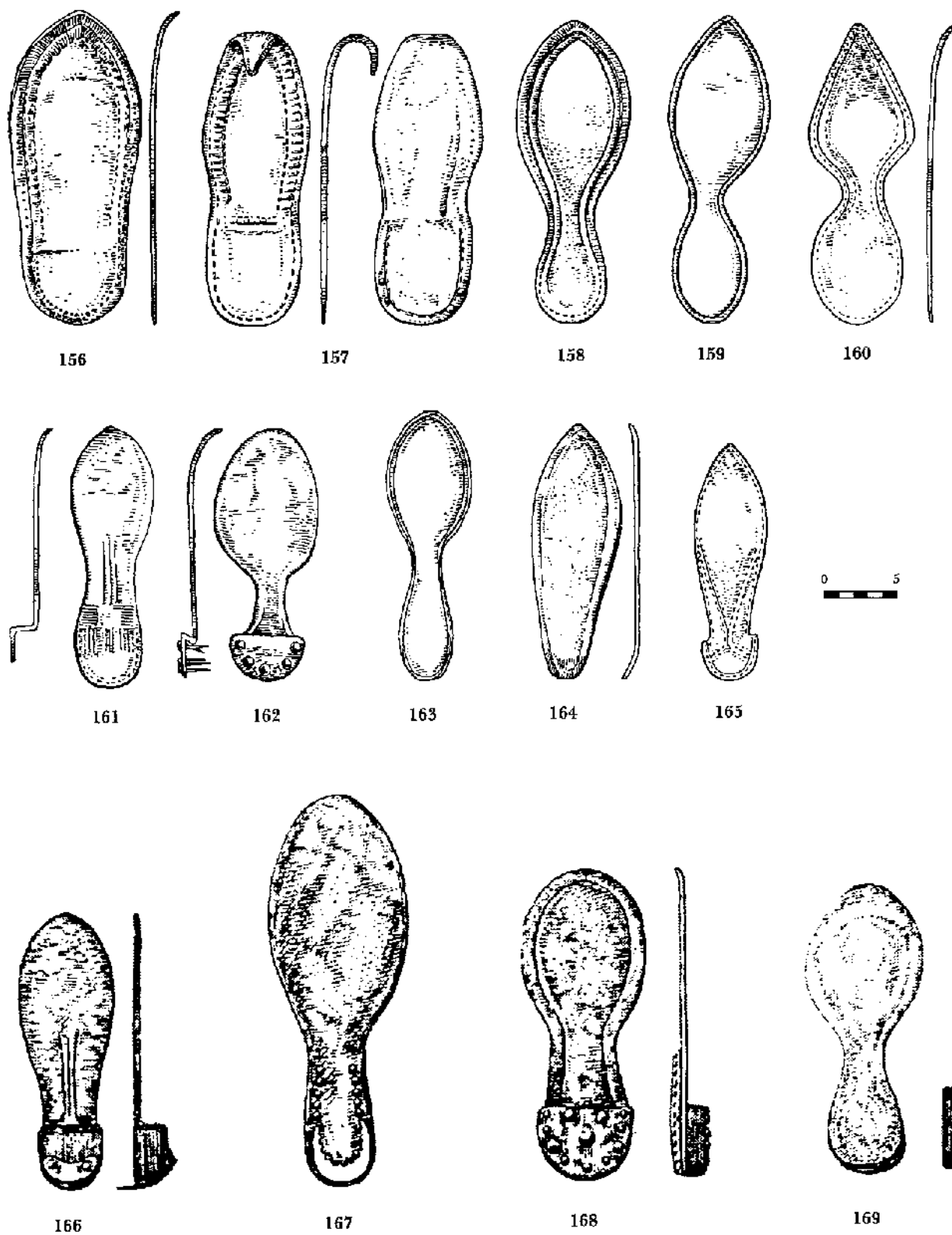
Илл. 135-138. Детали низа. Задники

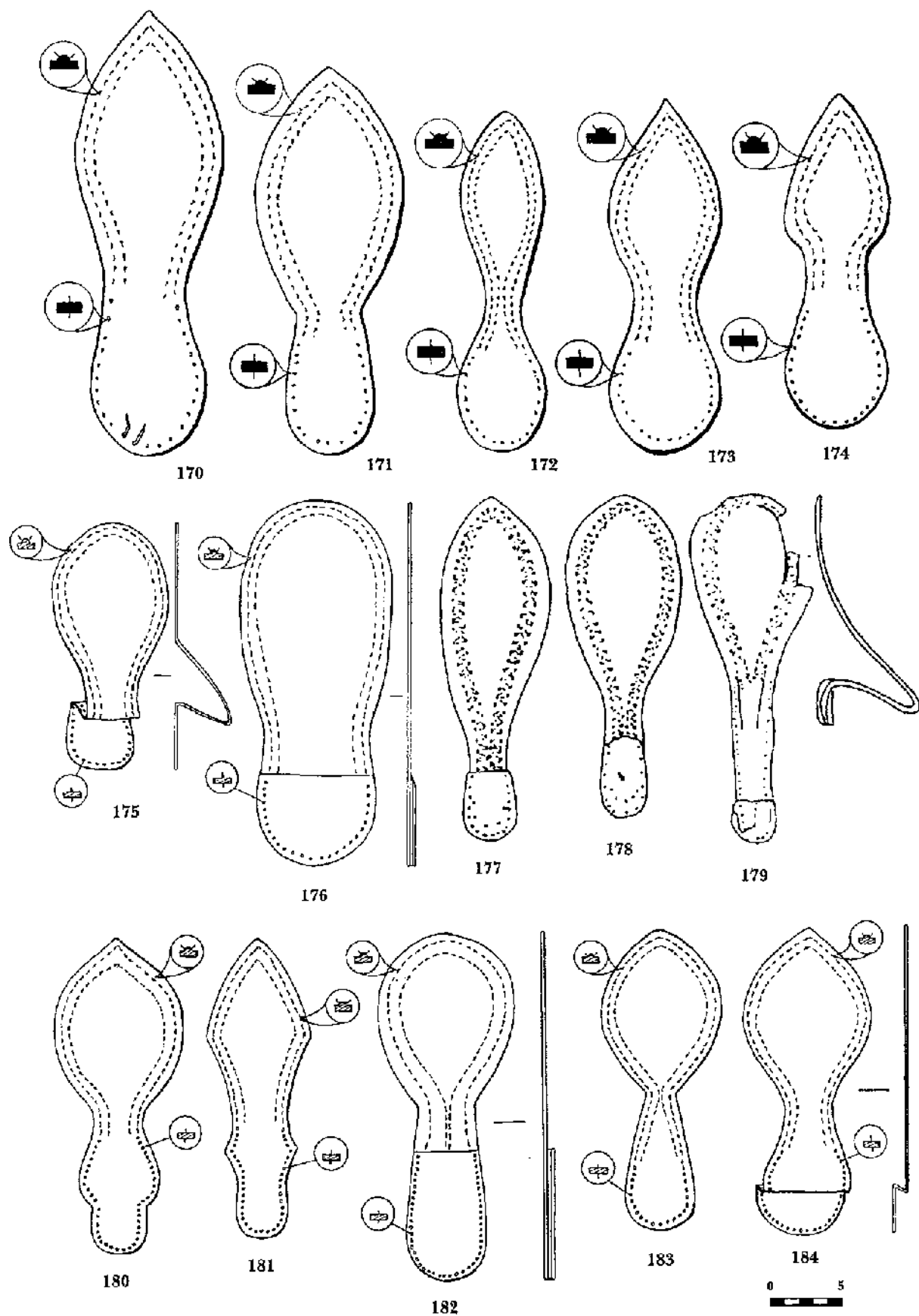
Илл. 139-146. Детали низа. Подошвы

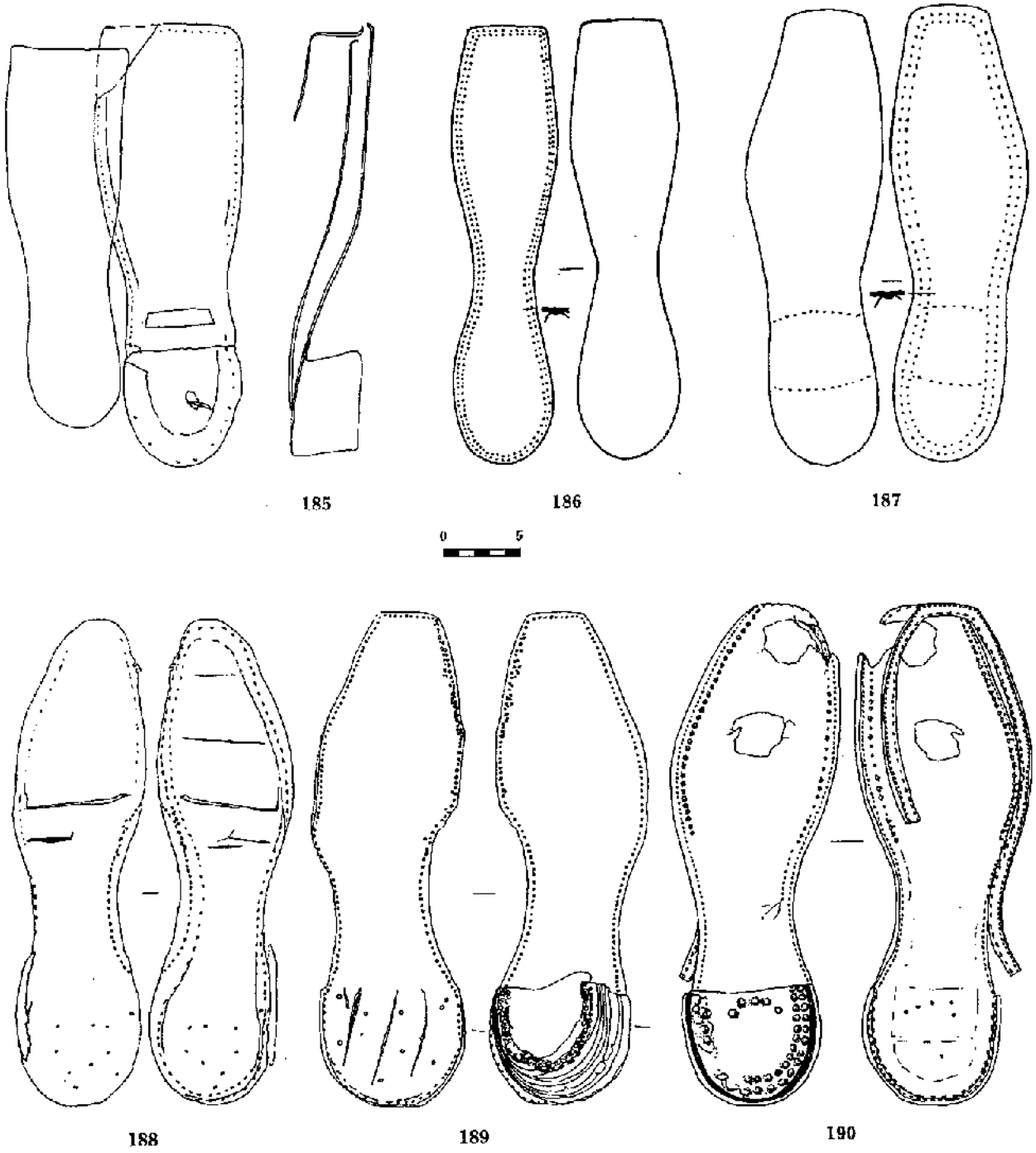

Илл. 147-155. Детали низа. Подошвы

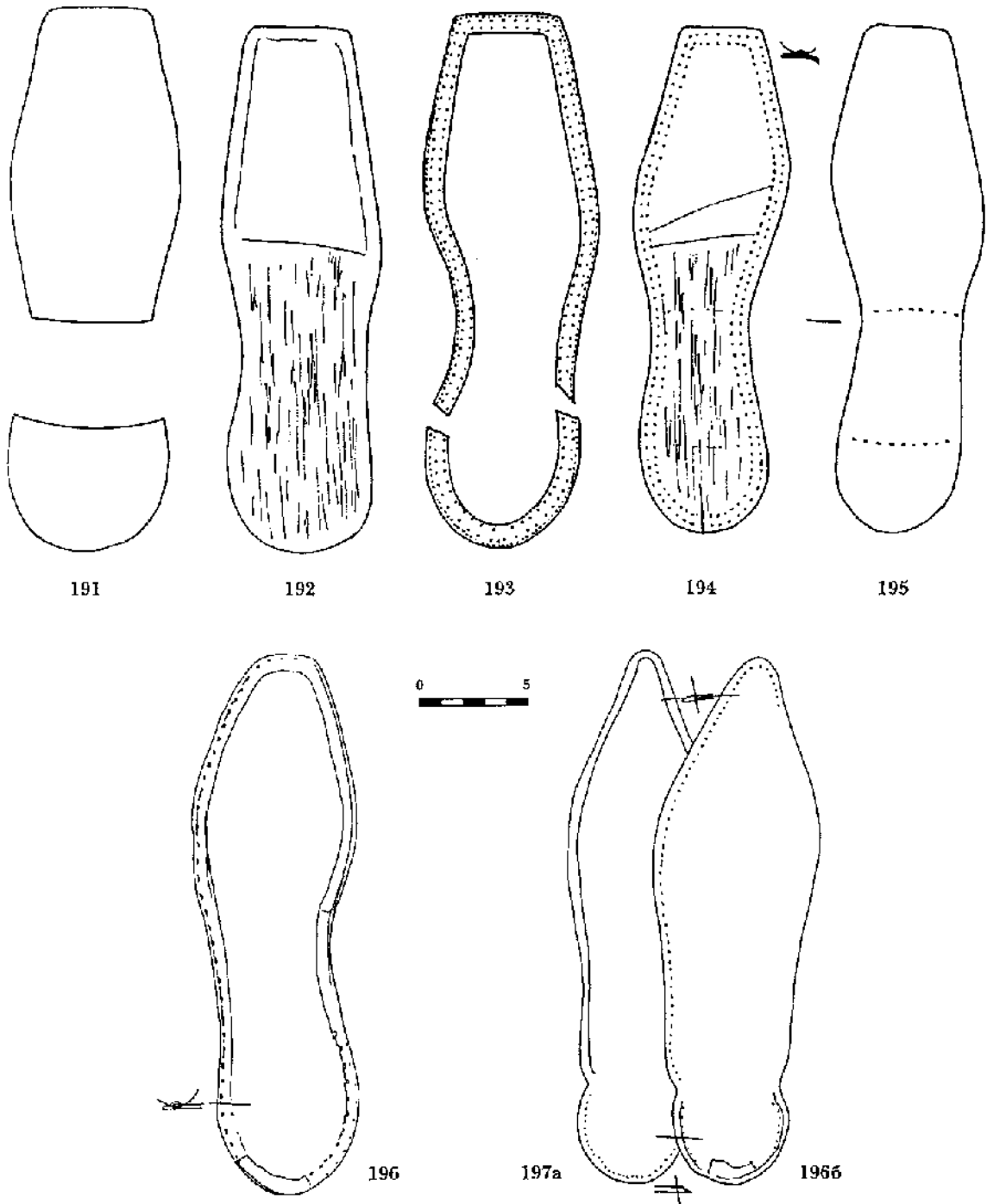

Илл. 156-169. Детали пиза. Сапожные подошвы

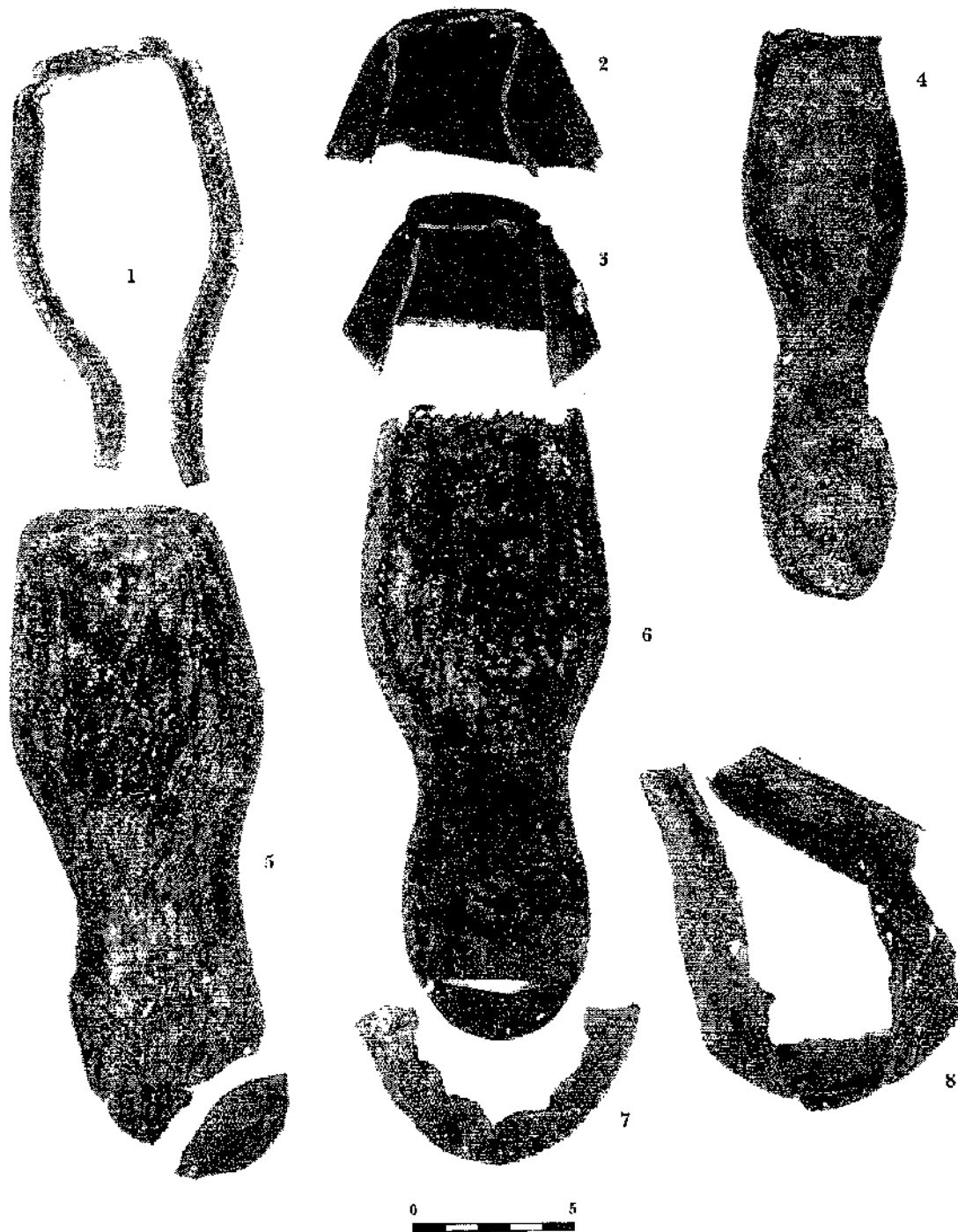

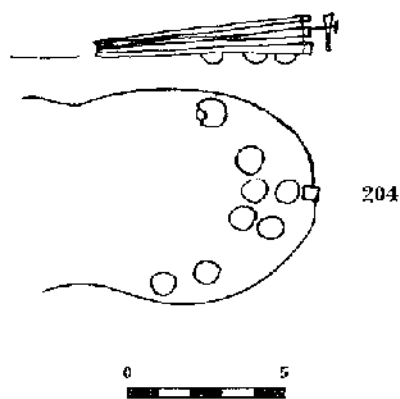
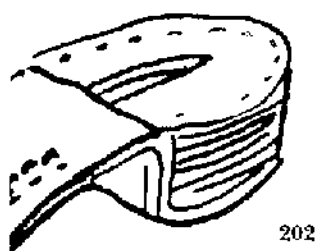
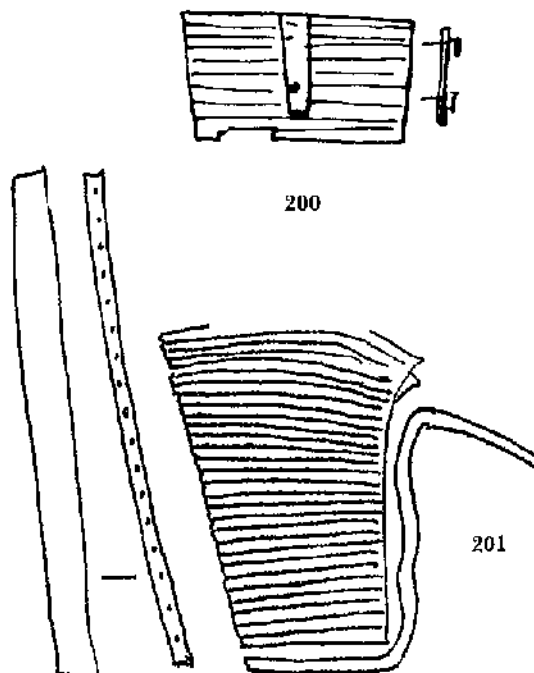
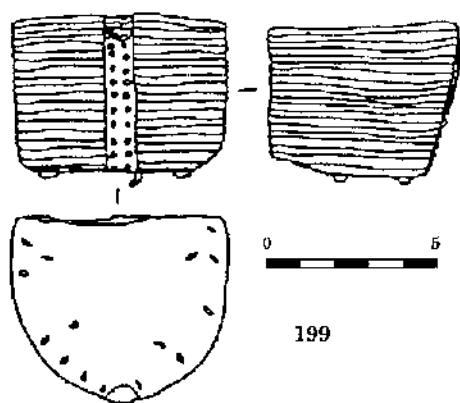
Илл. 185–190. Детали низа. Подошвы обуви низких форм

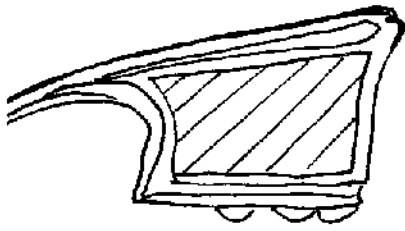
Илл. 191-197. Дополнительные детали.
191. Подметка. 192, 194. Внутренняя стелька. 193, 196. Рант.
195, 197а. Стелька. 197б. Подошва

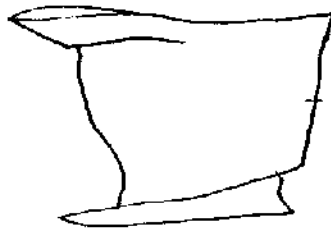
Илл. 198. Набор обувных деталей XVIII в.
 1. Рант. 2. Носок. 3. Подносок. 4. Внутренняя стелька. 5. Подошва.
 6. Стелька. 7. Пяточный рант. 8. Подкладка задника.
 Из раскопок на Космодемьяновской наб.

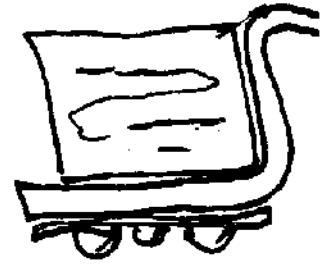
Илл. 199-205. Детали низа. Каблуки

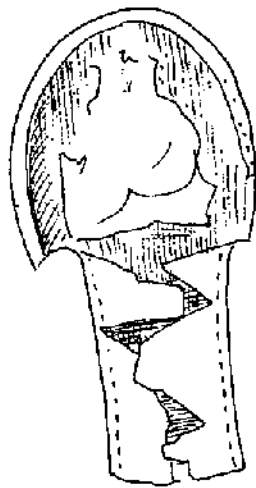
206

207

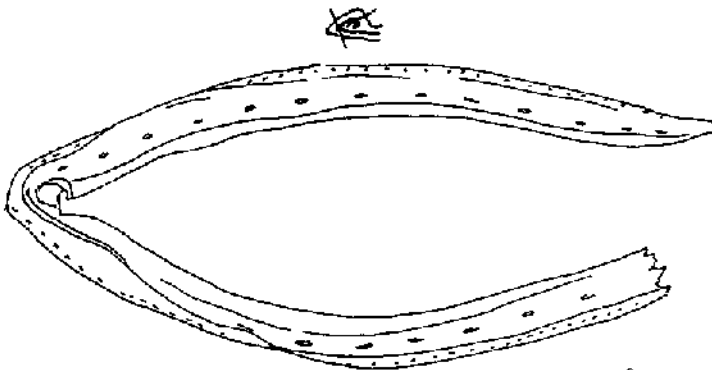
208

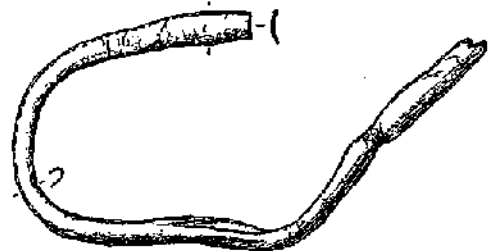
209

Илл. 206–209. Детали низа. Каблуки

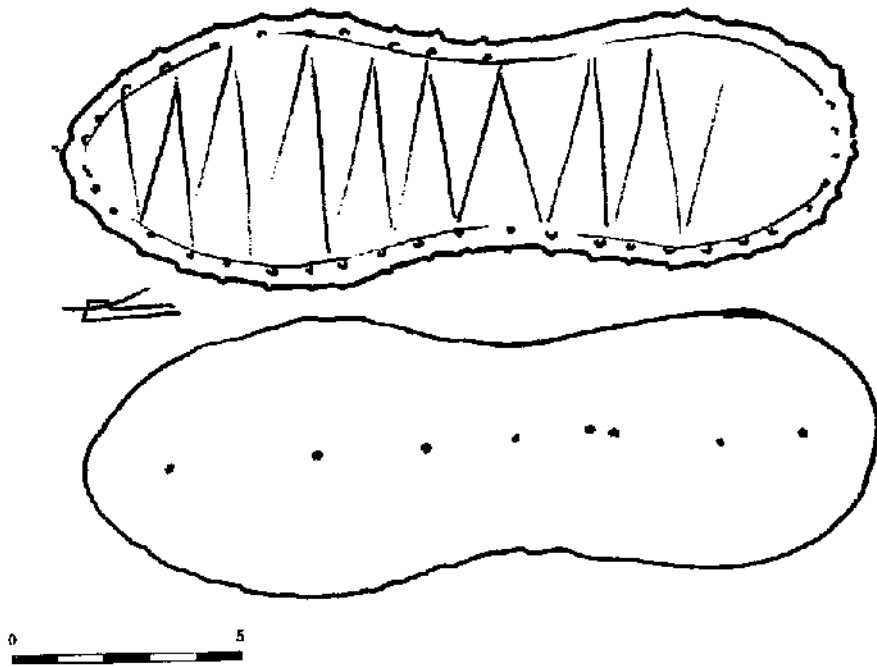

Илл. 210. Рант

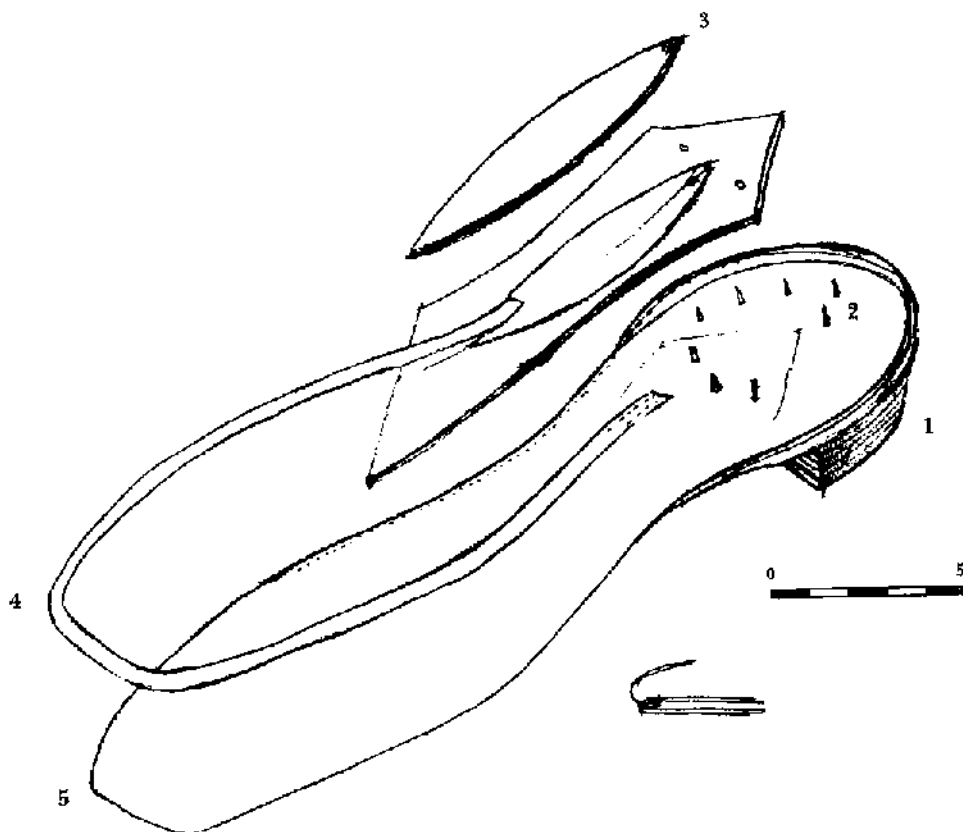

Илл. 211. Штаферка

Илл. 212. Стелька

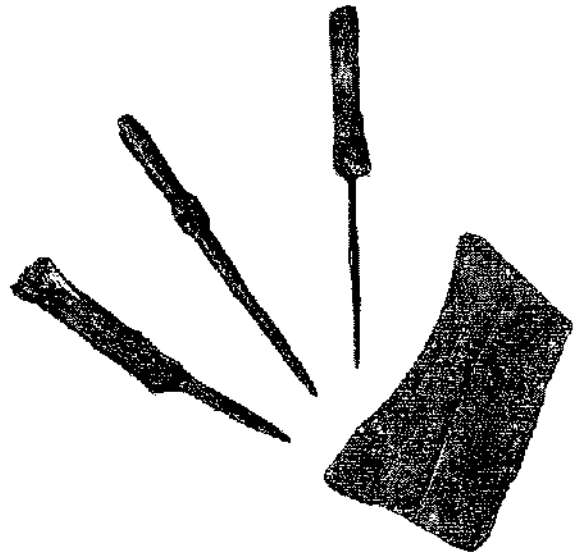

Илл. 213. Детали шиза.

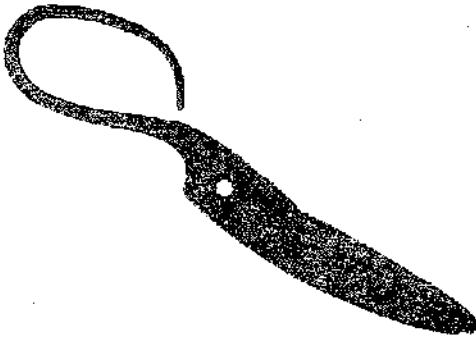
1. Наборный каблук.
2. Деревянные шпеньки.
3. Супинатор.
4. Рант.
5. Подошва

Илл. 214. Сапожные
молотки

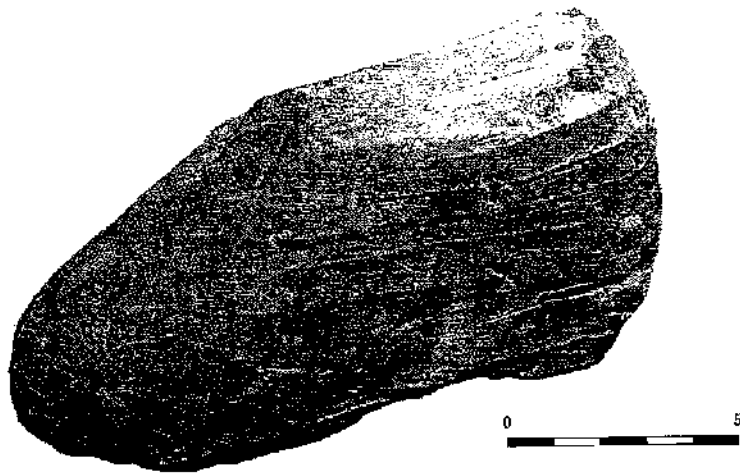
Илл. 215. Шпилья и оселок

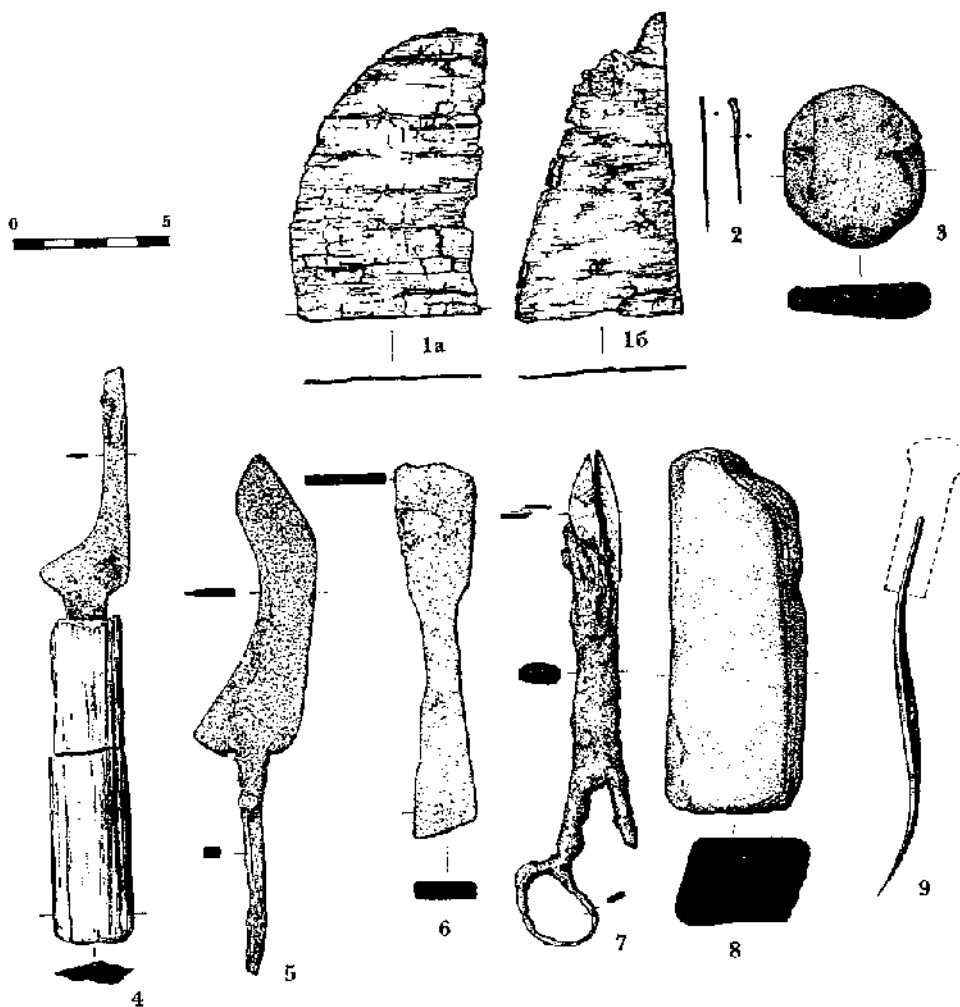
Илл. 216. Ножницы

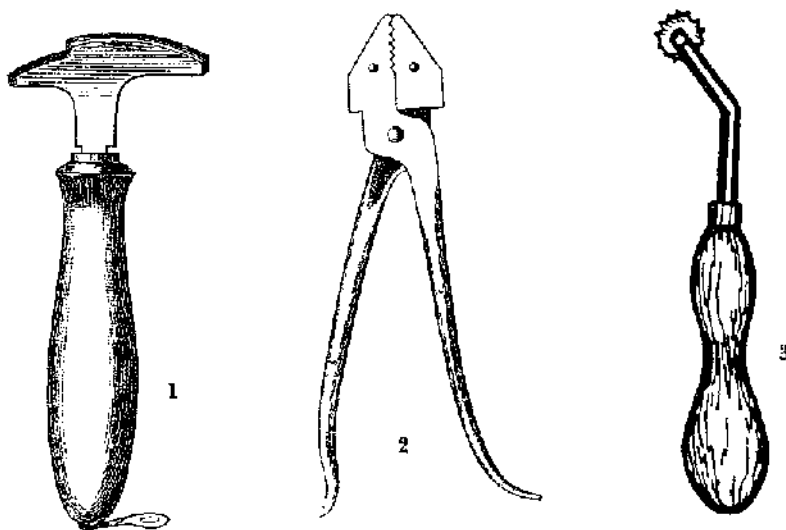
Илл. 217. Воск

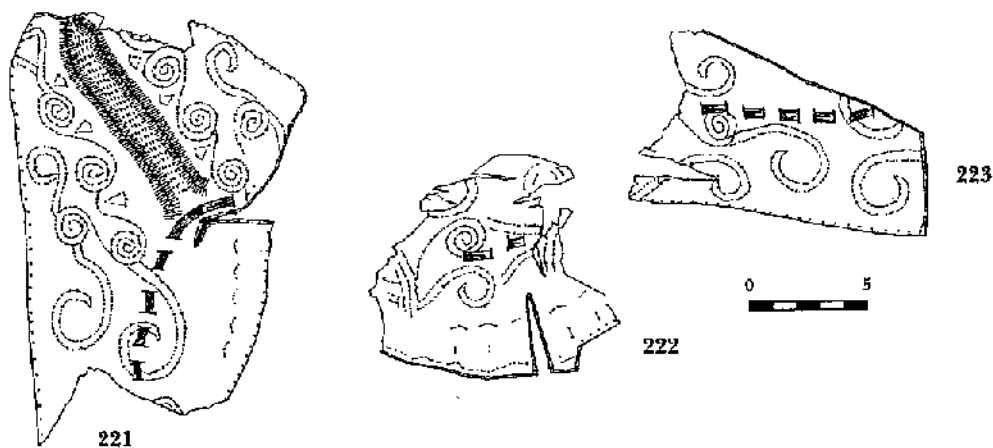
Илл. 218. Колодка из раскопок в Зарядье

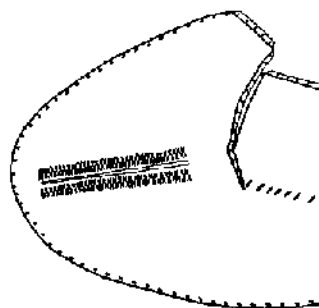
Илл. 219. Сапожные инструменты XVII в.
 1, 1а. Декалы берестяные. 2. Иглы железные. 3. Мел для разметки деталей.
 4-6. Ножи. 7. Ножницы. 8. Оселок. 9. Шило сапожное

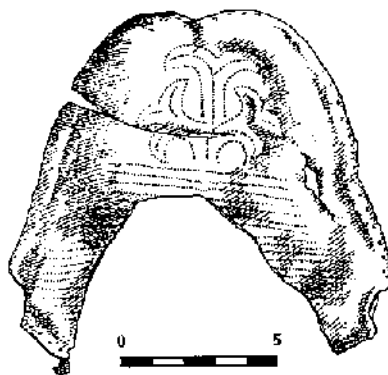
Илл. 220. Сапожные инструменты XVIII в.
 1. Токмачик. 2. Затяжные клещи. 3. Колесная басма

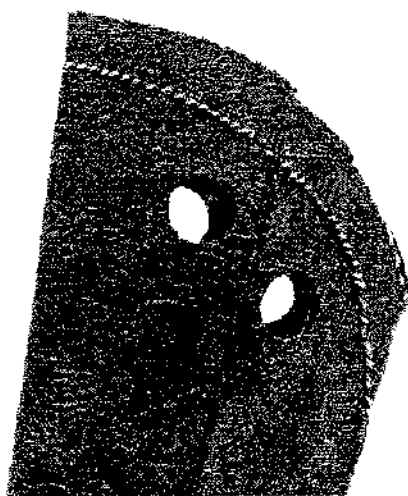
Илл. 221–223. Фрагменты туфель со следами проколов от распивки

Илл. 224.
Головка туфли.
Продержка по оси носка

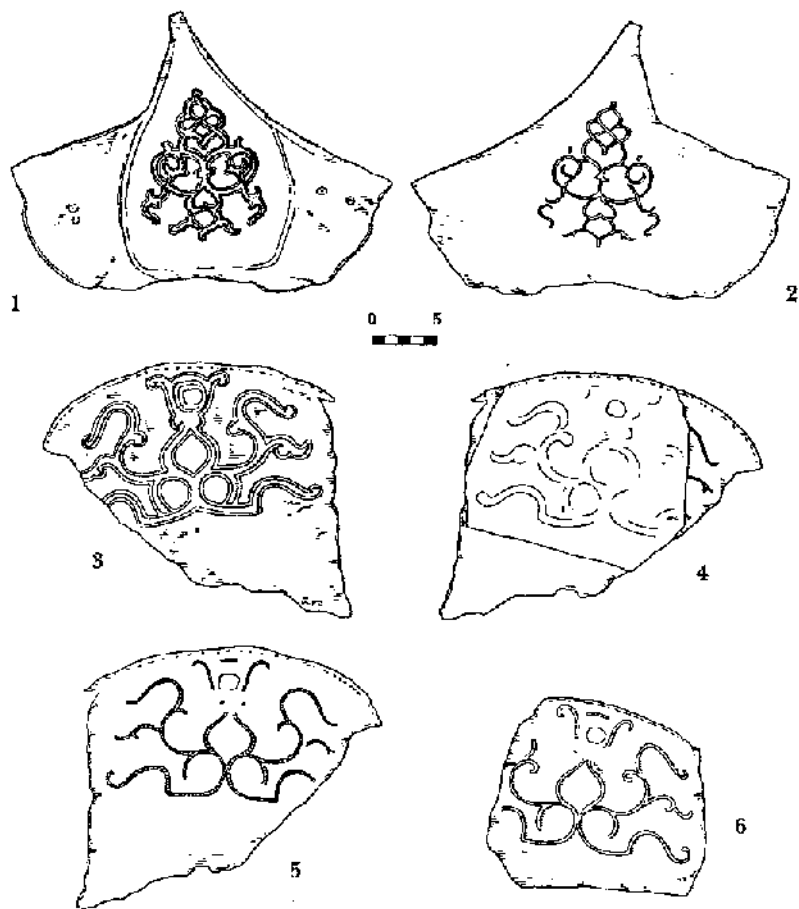
Илл. 225. Головка сапога,
орнаментированная распивкой
из раскопок в Зардье

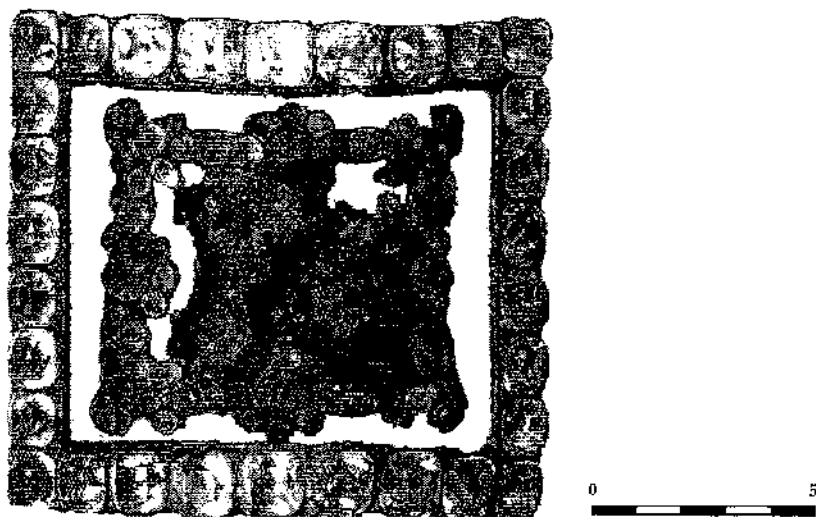
Илл. 226. Головка сапога
со следами круглых отверстий
под цветные вставки из раскопок
на ул. Ильинка

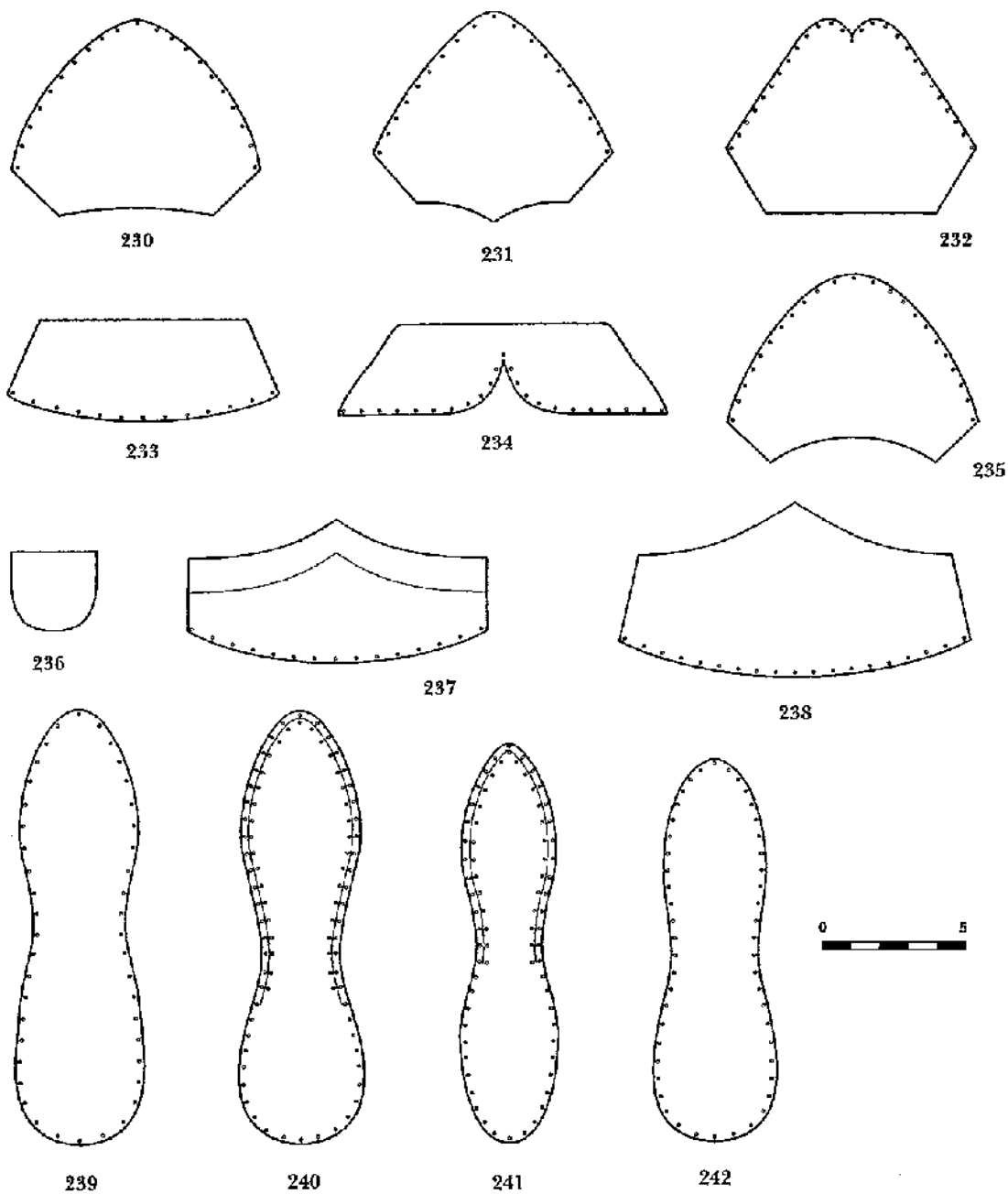
Илл. 227. Декоративная проволока
для украшения пяточного ранга
из раскопок на ул. Пречистенка

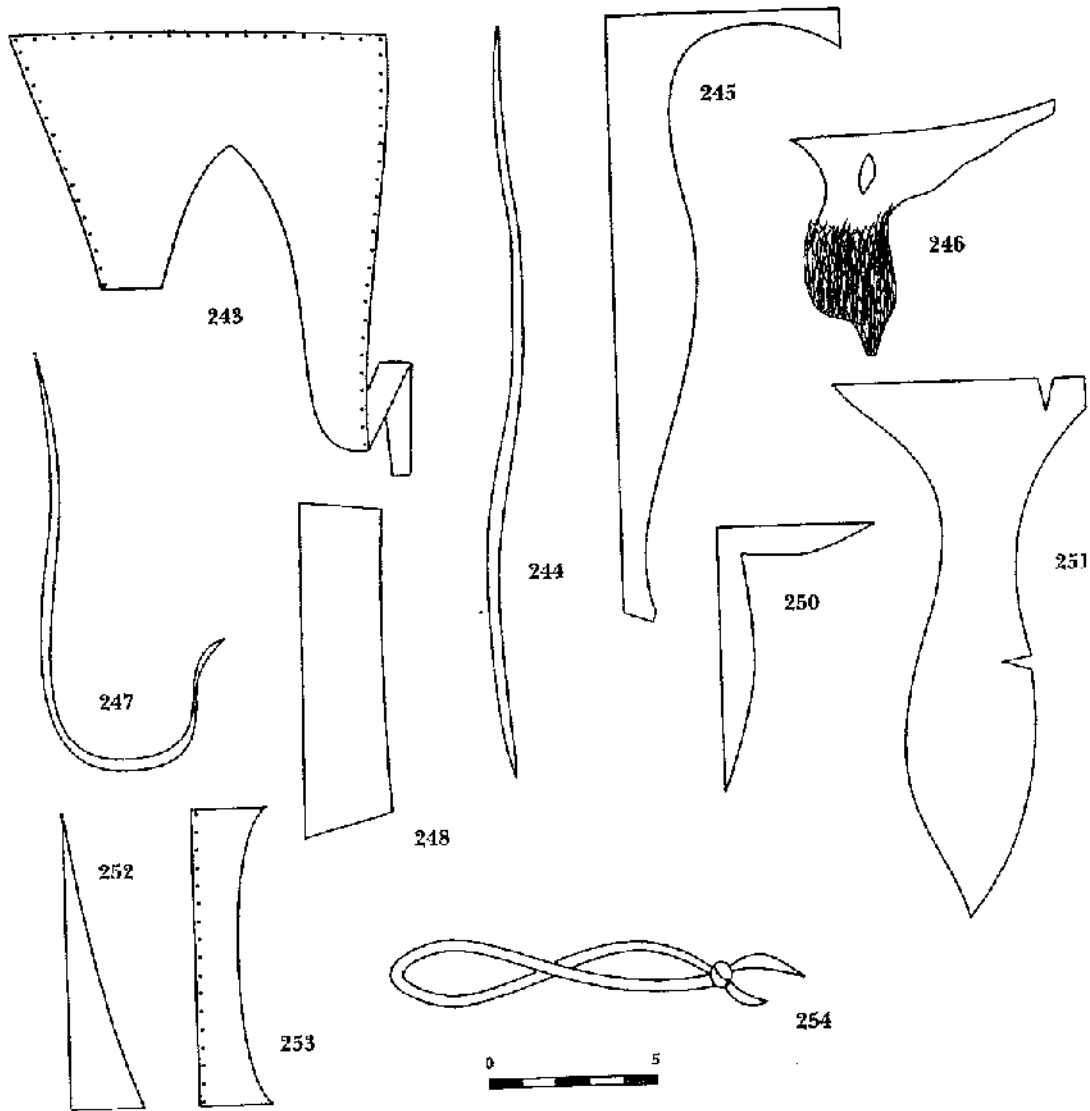
Илл. 228. Детали обуви со следами декоративного тиснения из раскопок в Зарядье

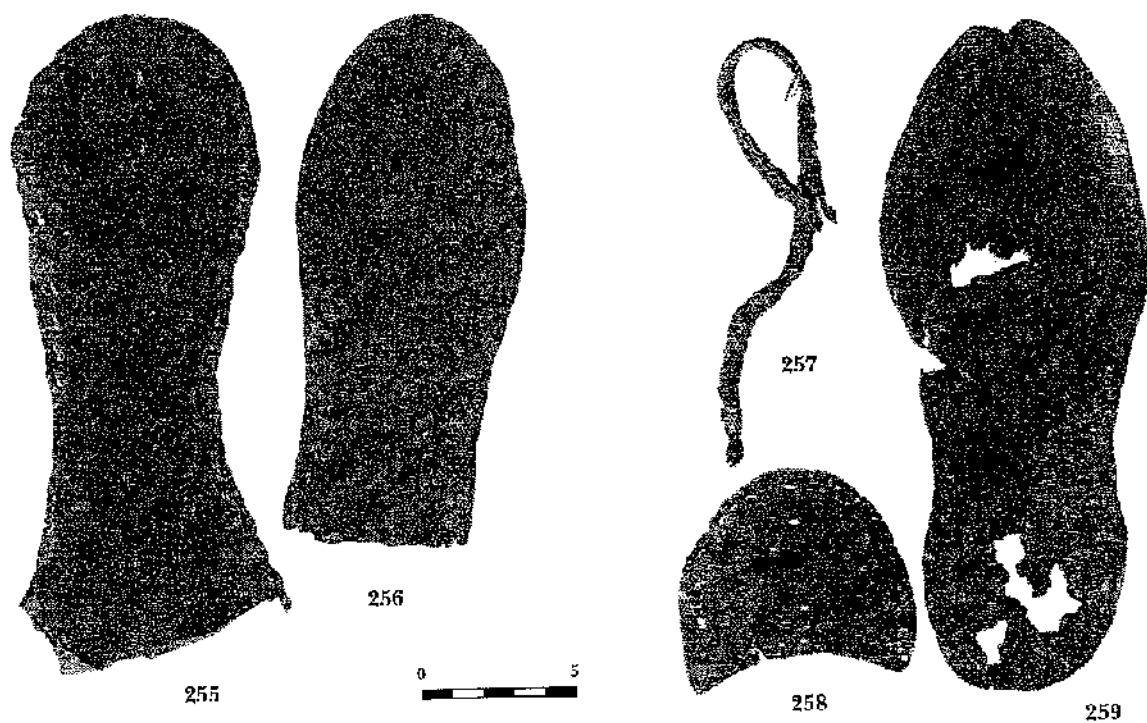
Илл. 229. Обувная пряжка из раскопок у ц. Троицы в «Старых Полях»

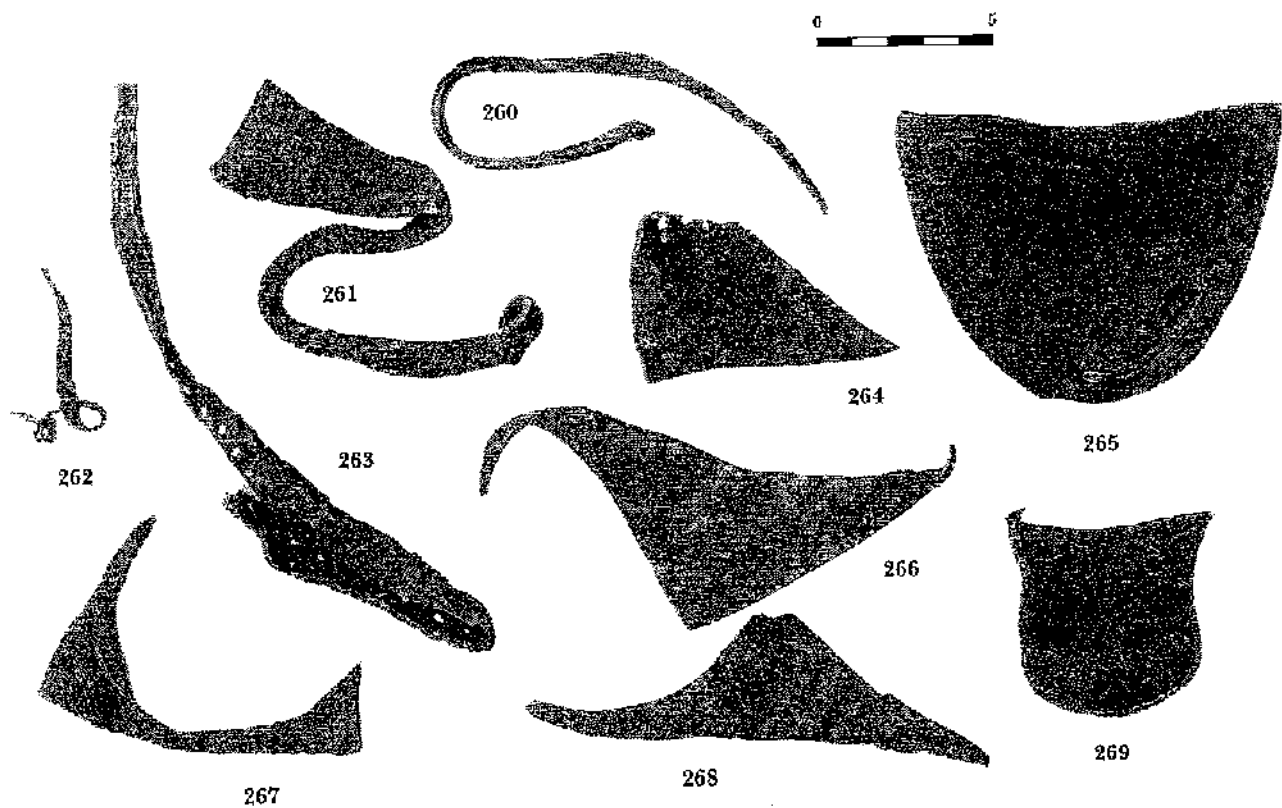
Илл. 230–242. Детали обуви из раскопок в г. Коломне

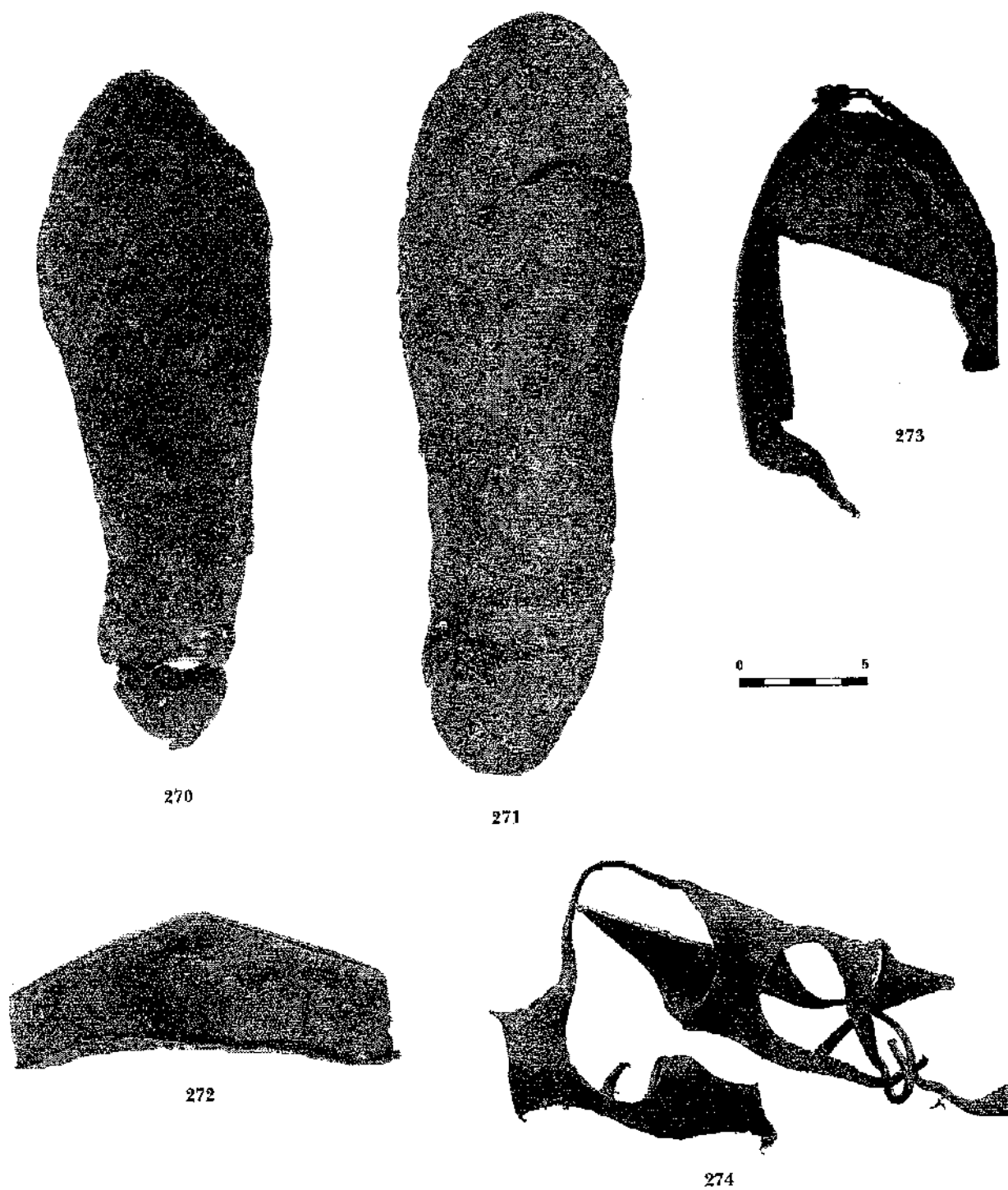
Илл. 243-254. Обрезки от раскроя из раскопок в г. Коломне

Илл. 255–259. Обувные детали из раскопок в г. Дмитрове

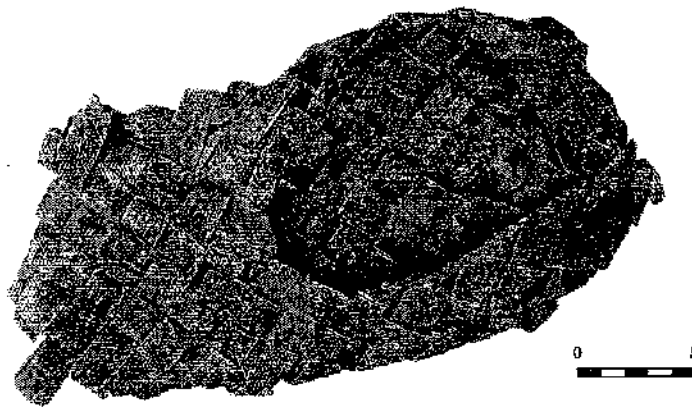
Илл. 260–269. Отходы спиножного производства из раскопок в г. Дмитрове

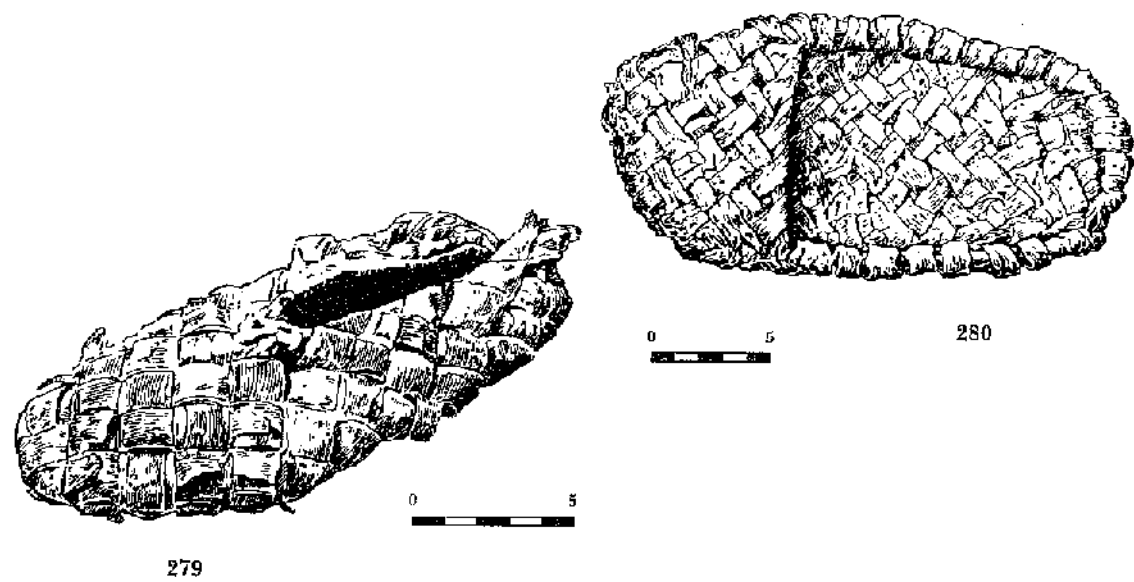
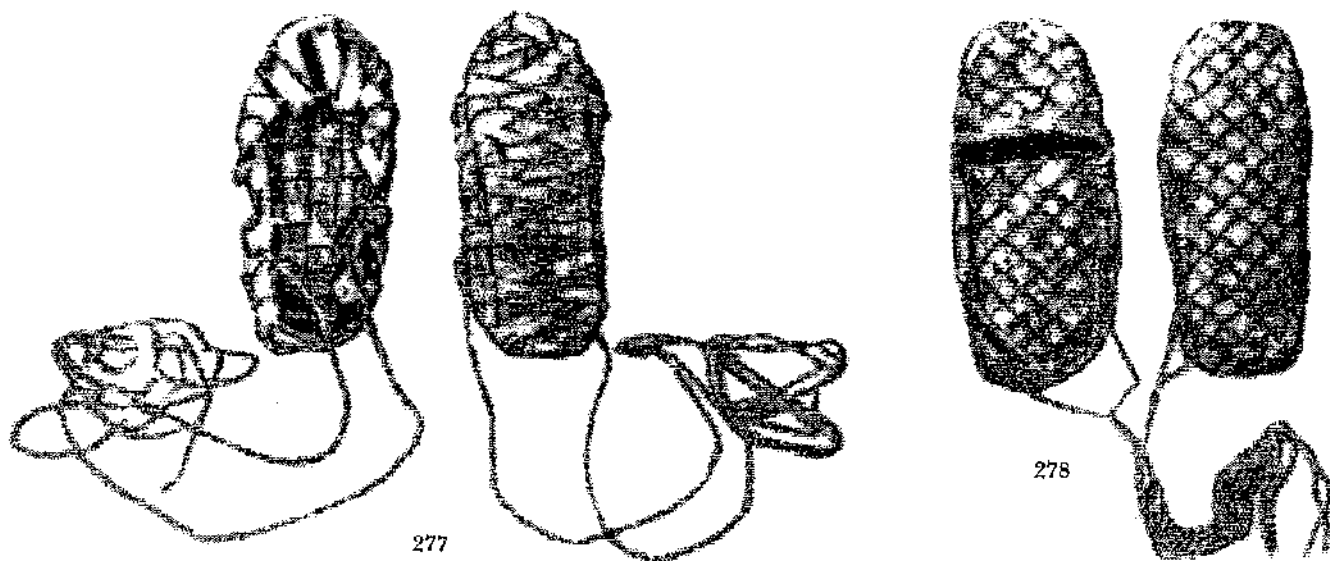
Илл. 270-274. Обувные детали и отходы сапожного производства
из раскопок в г. Дмитрове

Илл. 275. Валенки с кожаным верхом и кожаной подошвой из раскопок на Волотной ул.

Илл. 276. Берестяной лапоть косо́го плетения из раскопок на Манежной площади

Илл. 277-280. Лапти

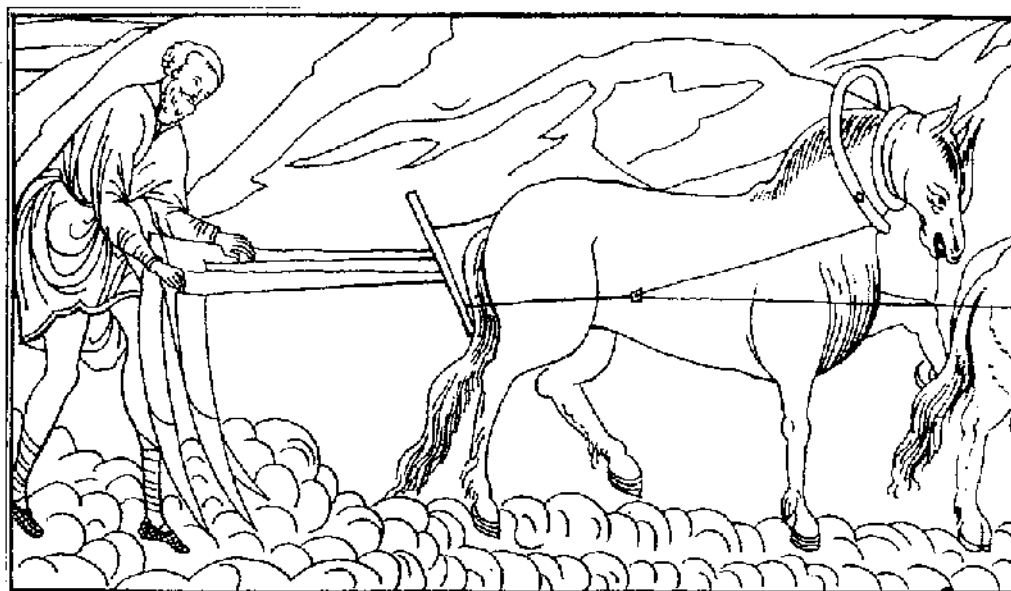
Илл. 281. Изображение крестьян
из книги А. Олеария «Путешествие в Московию»

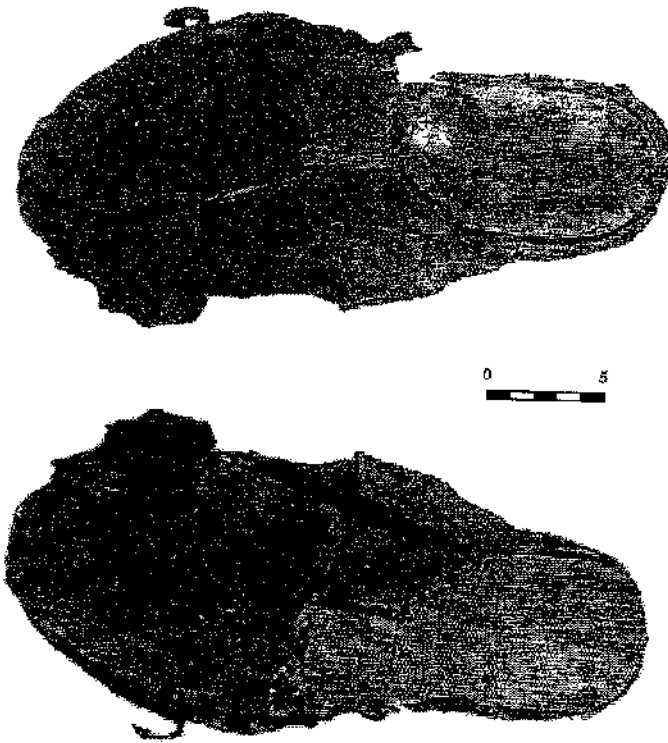
Илл. 282. Русские крестьяне
на картине художника О. А. Карелина «Подаяние»

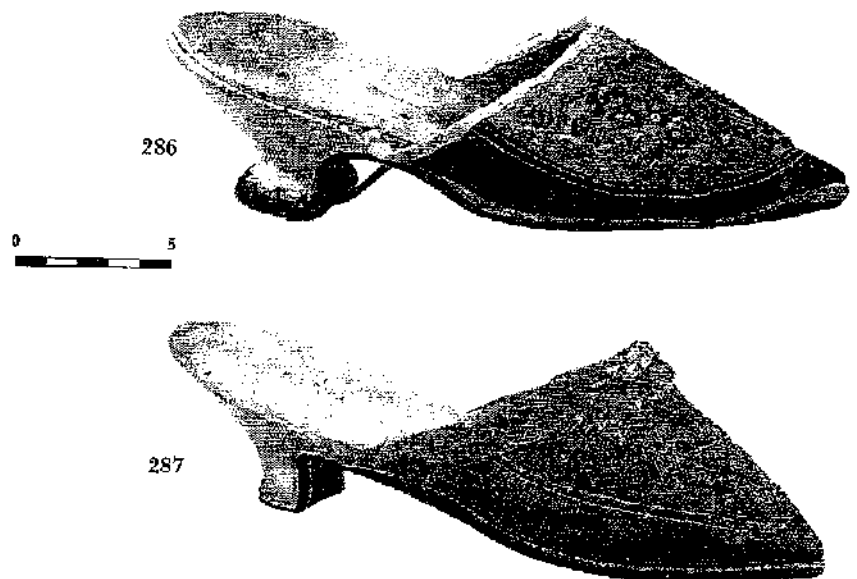
Илл. 283. Гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о Московии»

Илл. 284. Изображение пахаря
из «Жития Сергия Радонежского» (нач. XVI в.)

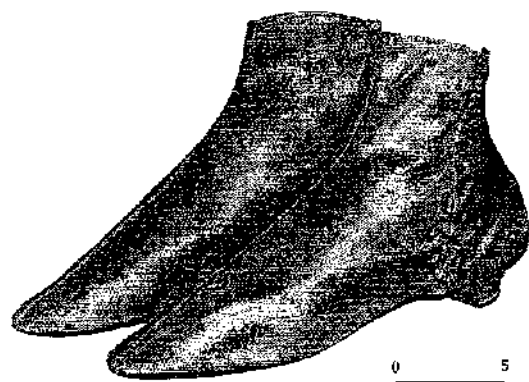
Илл. 285. Туфли на деревянной подошве
из раскопок на Космодемьяновской паб.

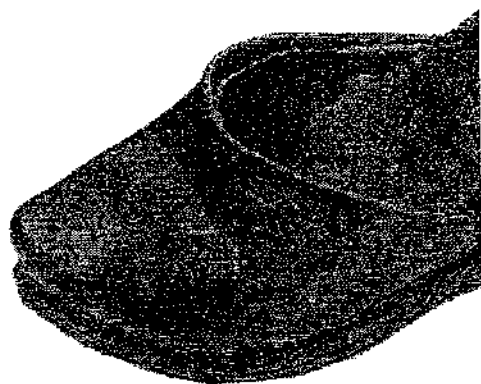
Илл. 286-287. Туфли с тканевым верхом
из коллекции ГИМа (XVIII в.)

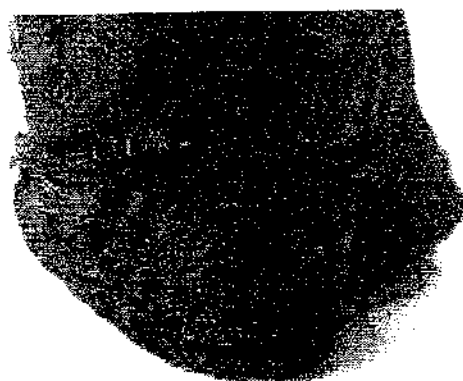
Илл. 288. Домашние сапоги (ичеготы)
из зеленого бархата

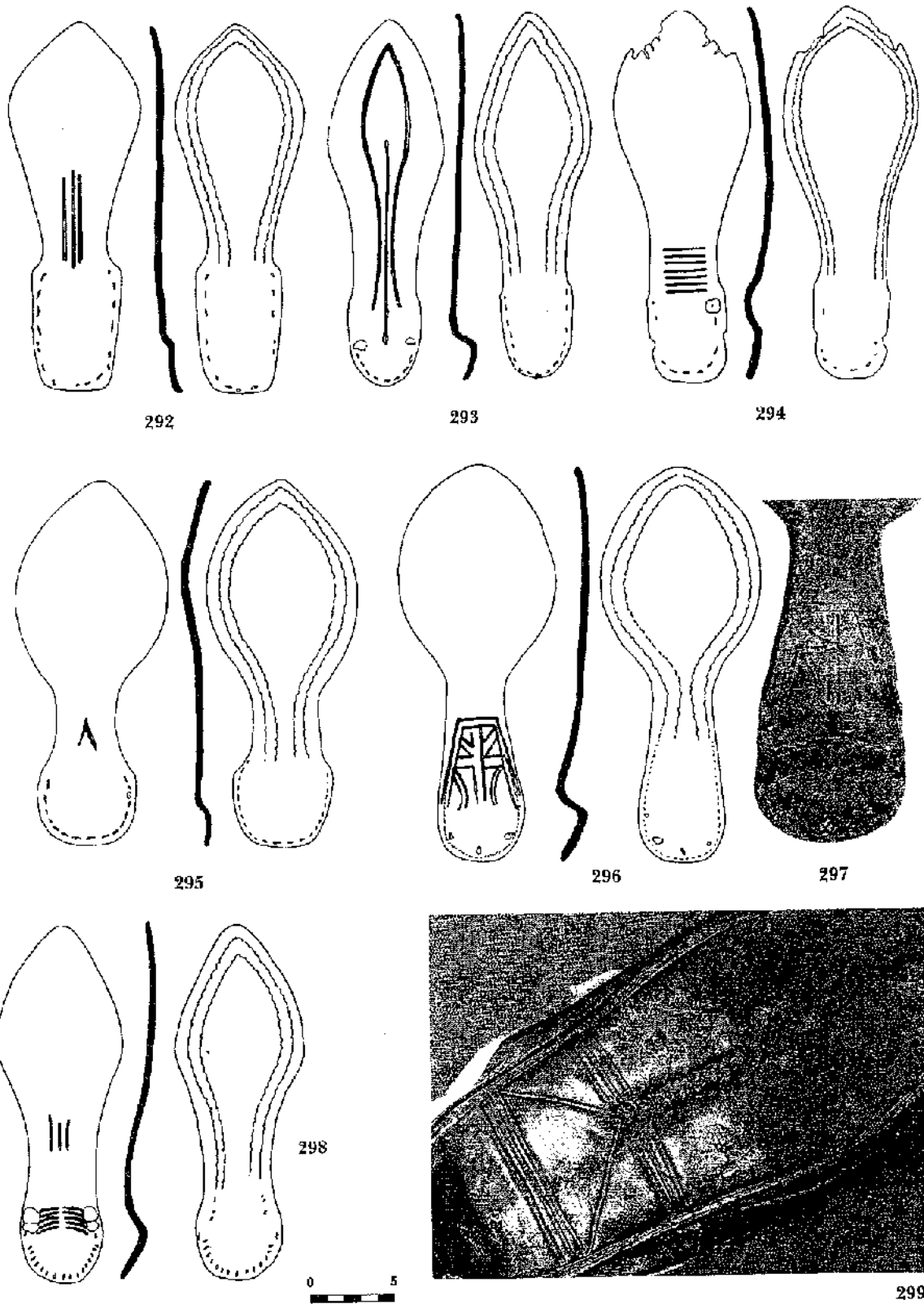
Илл. 289. Бальные туфли
с атласным верхом

Илл. 290. Вытяжение на поверхности
головки (следы подагры)

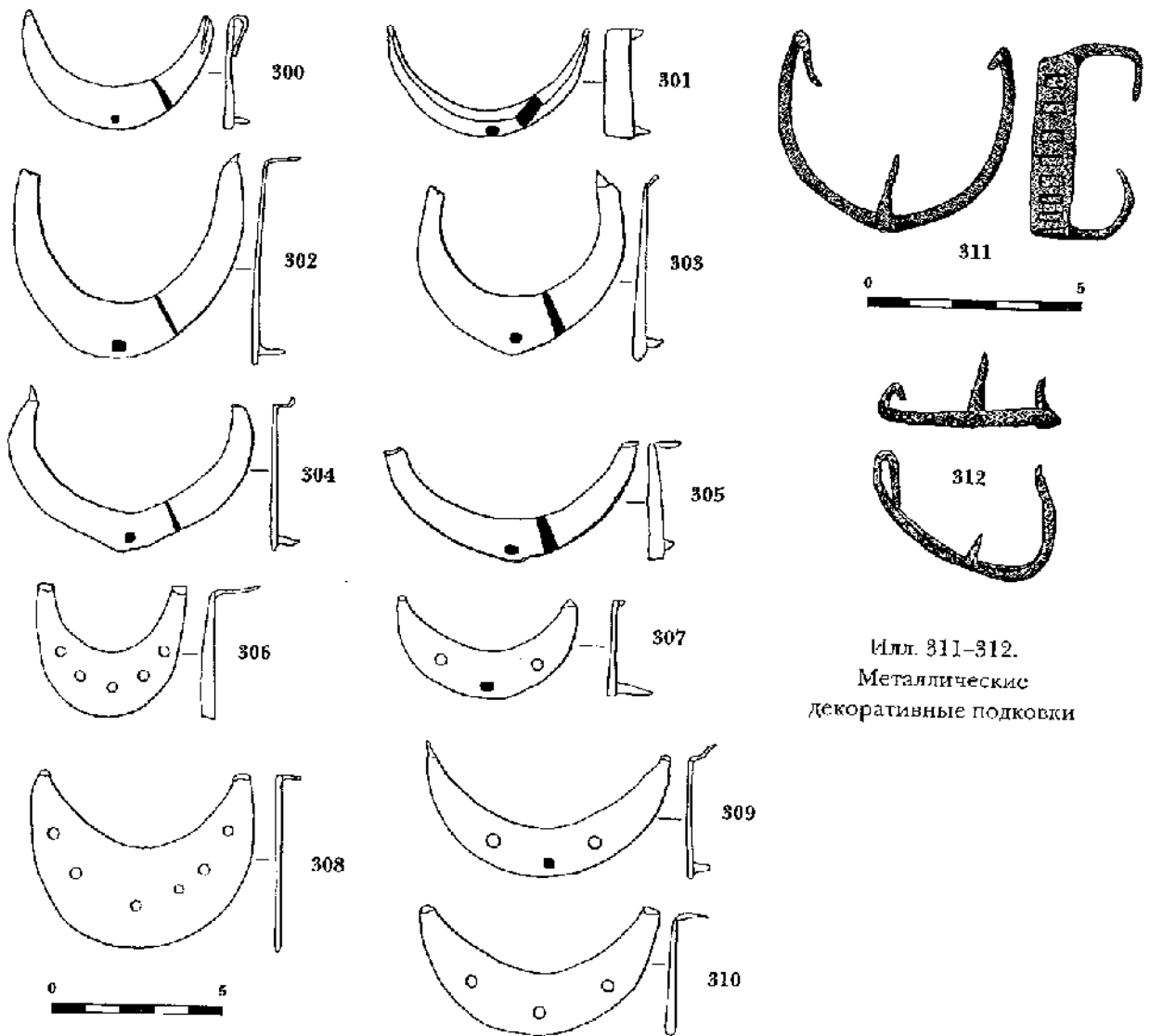

Илл. 291. Скошенный сапожный каблук

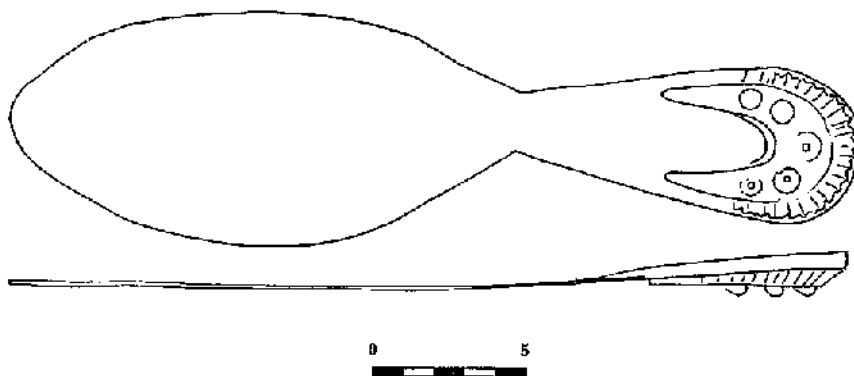
Илл. 292-299. Сапожные клейма.

292. Клеймо в виде продольных линий. 293. Копьевидное клеймо.
 294. Клеймо в виде поперечных линий. 295. Остроугольное клеймо. 296. Клеймо крест в рамке.
 297. Крест в рамке (фото). 298. Клеймо в виде комбинированных линий. 299. Клеймо
 в виде розеток и продольных линий на обуви XVIII в. (фото)

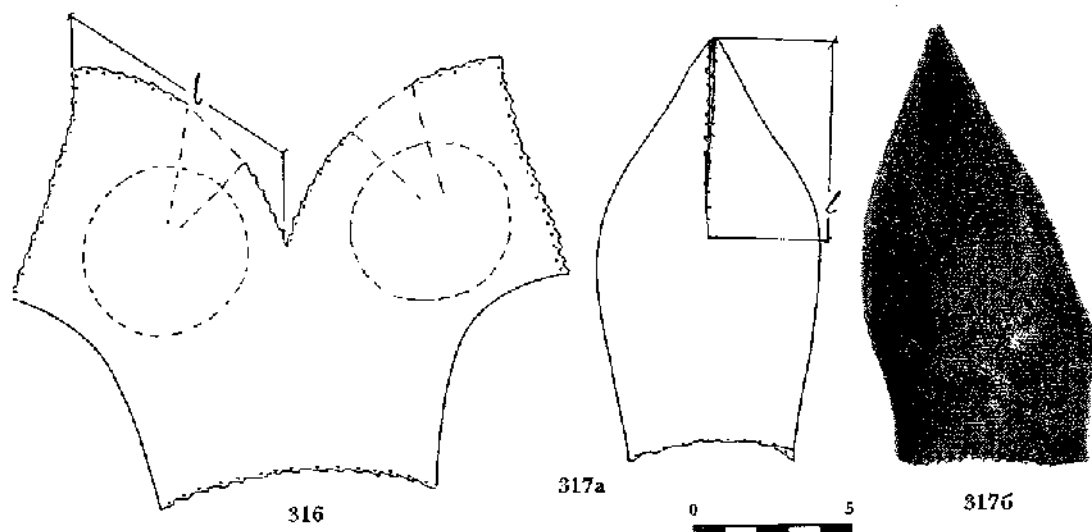
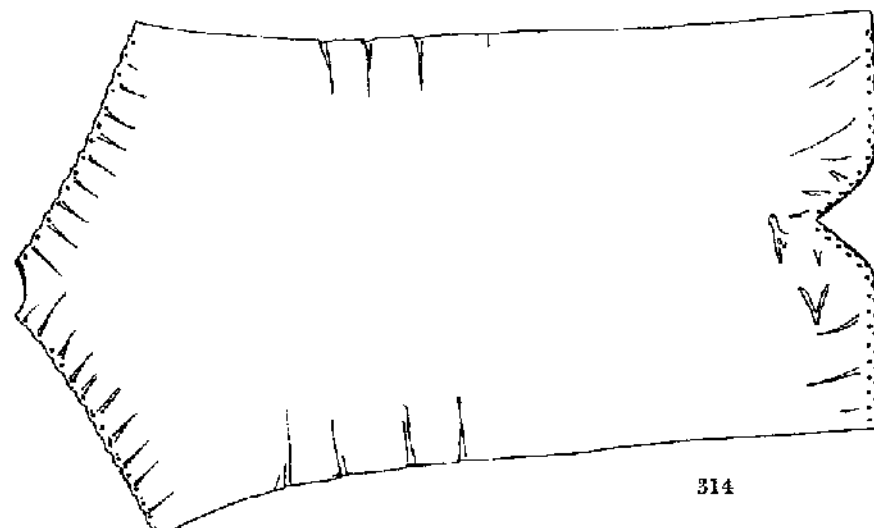

Илл. 311-312.
Металлические
декоративные подковки

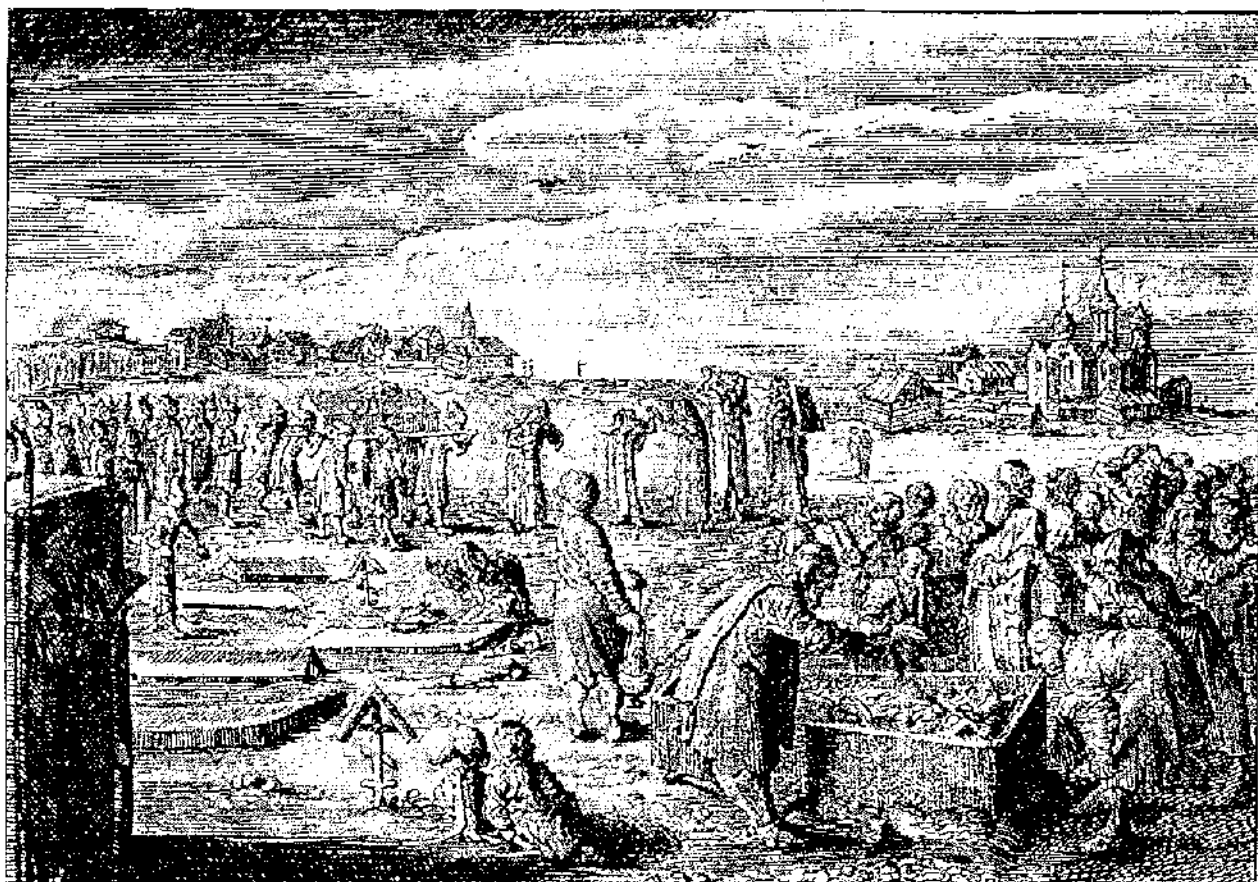
Илл. 300-310. Железные подковки XVI-XVII вв.
из раскопок на ул. Арбат

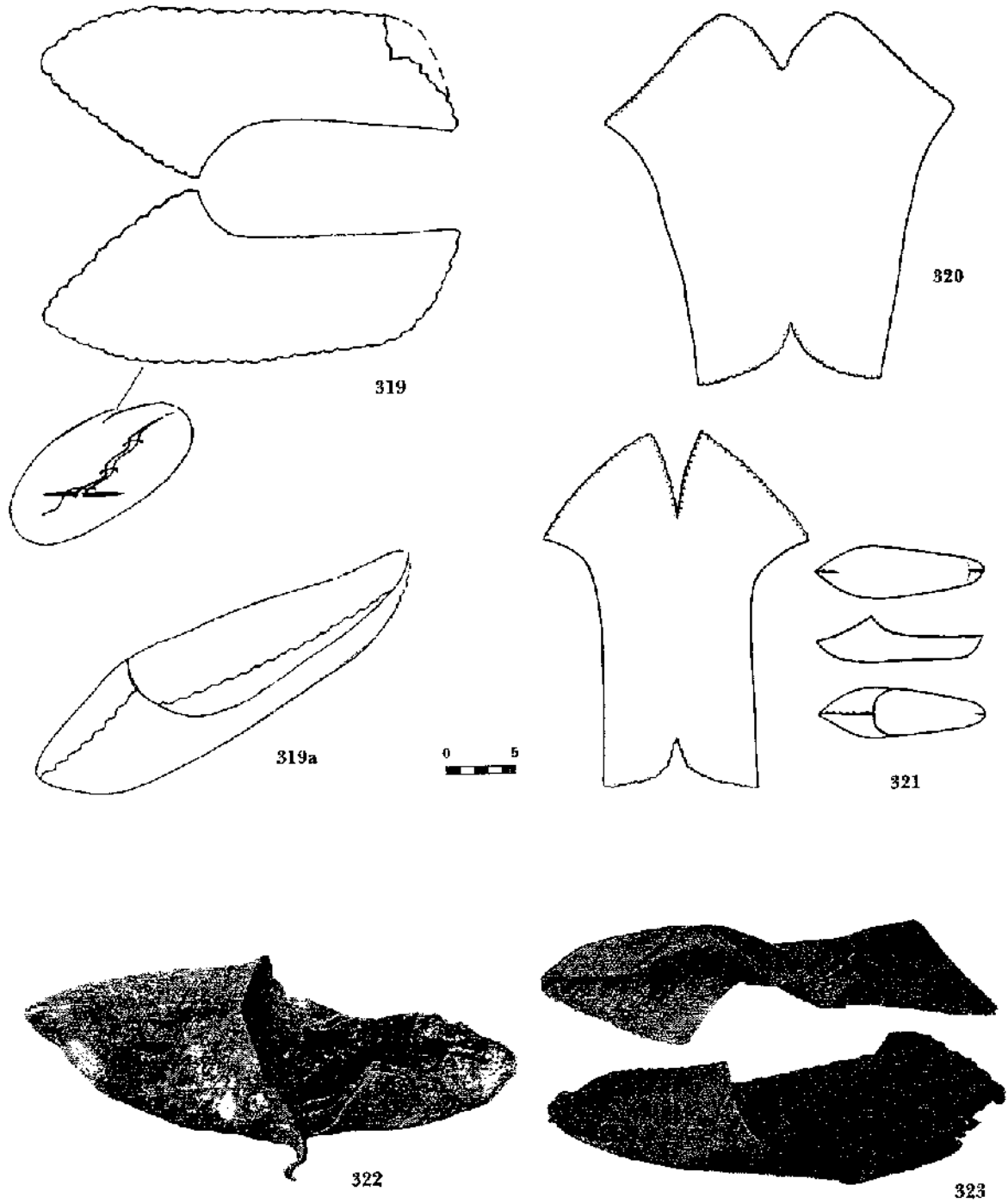
Илл. 313. Металлическая декоративная подковка на подошве

Илл. 314–317. Ритуальные туфли из раскопок на ул. Ильинка

Илл. 318. Погребение.
Гравюра из книги А. Олеария «Путешествие в Московию»

Илл. 319–323. 319. Ритуальная туфля из раскопок у ц. Троицы в «Старых Полях». 320, 321, 323. Ритуальные туфли из раскопок в Московском Кремле. 322. Туфли из раскопок в Успенском соборе Московского Кремля

Список сокращений

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ВУЗ – Высшее учебное заведение.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИИМКЛН СССР – Институт истории материальной культуры Академии наук Союза Советских Социалистических Республик (название Института археологии до 1959 г.).
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
Л. – Ленинград.
М. – Москва.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М. – Л.
МГУ – Московский государственный университет.
МИИМ – Музей истории города Москвы.
МТИЛП – Московский технологический институт легкой промышленности.
НИС – Новгородский исторический сборник. Новгород.
ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I.
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РА – Российская археология.
РГАДА – Российский Государственный архив древних актов.
РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.; Л., 1872–1927. Т. 1–39.
СА – Советская археология.
СПб – Санкт-Петербург.
СЭ – Советская этнография.
ФГУИМКЗ – Федеральное государственное учреждение «Историко-культурный музей-заповедник „Московский Кремль“».
ЦАИ – Центр археологических исследований г. Москвы
ЦНИИКП – Центральный научно-исследовательский институт кожевенно-обувной промышленности.
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

Осипов Дмитрий Олегович

Обувь московской земли XII–XVIII вв.

Материалы охранных археологических
исследований

Том 7

Научное издание

Дизайн и верстка: *А. Домбровский*

Подписано в печать 30.05.2006.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 16,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 148.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Труды Отдела охранных раскопок

Том 1

**Практика и теория
археологических исследований**

М., 2001

Том 2

**30 лет Отделу охранных раскопок
(сборник статей)**

Тула, 2004

Том 3

Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В.

**Никитинский могильник:
публикация материалов раскопок 1977–1978 гг.**

М., 2005

Том 4

Нигматуллин Р. А., Прошкин О. Л., Массалитина Г. А., Хохлова Т. М.

**Древний Козельск и его округа.
Материалы исследований Деснинской экспедиции
Института археологии РАН**

М., 2005

Том 5

Сорокин А. Н.

Мезолит Оки. Проблема культурных различий

М., 2006

Том 6

Воронин К. В., Малашев В. Ю.

**Погребальные памятники эпохи бронзы
и раннего железного века равнинной зоны
Республики Ингушетия**

М., 2006

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Монография посвящена описанию средневековой обуви, собранной при раскопках в Москве и Подмосковье, проводившихся в 1924–2005 гг. Хронологические рамки исследования: XII–XVIII вв. Работа включает пять приложений: терминологический словарь, справочники-классификаторы, примеры описания различных форм обуви, способы ее консервации в полевых условиях и 323 иллюстрации. Здесь же представлена методика описания кожаной обуви, организованная по принципам системного подхода. Для археологов, историков, краеведов.

